

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Выходит с июня 1955 г.

№5 (760) 2019

«ЮНОСТЬ» © С. Красаускас. 1962 г.

Учредитель — АНП «Редакция
журнала «Юность»».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный
товарный знак. Правообладатель —
АНП «Редакция журнала «Юность»».

Главный редактор — **Сергей
Александрович Шаргунов**

Выпуск издания осуществляется
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям.

Лиц. Минпечати № 112.

Подписной индекс 71120

ISSN 0132-2036

Наша почта: unost-org@mail.ru

Наш сайт: <http://unost.org>

Страница в «Фейсбуке»:

<https://www.facebook.com/unost>

Адрес редакции: **Москва, ул. 1-я
Тверская-Ямская, д. 8, стр. 1.**

Для почтовых отправлений: **125047,
Москва, а/я 182, «Юность».**

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**

+7 (499) 250-40-74

Главный редактор
Сергей ШАРГУНОВ

Общественный совет:

Ильдар АБУЗЯРОВ
Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Алексей ВАРЛАМОВ
Анна ГЕДЫМИН
Сергей ГЛОВЮК
Борис ЕВСЕЕВ
Тамара ЖИРМУНСКАЯ
Елена ИСАЕВА
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Евгений ЛЕСИН
Юрий ПОЛЯКОВ
Георгий ПРЯХИН
Елена САЗАНОВИЧ
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Игорь ШАЙТАНОВ

Редакционная коллегия:

главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ
заведующая отделом критики
Татьяна МАХОВА
заместитель главного редактора,
заведующий отделами прозы
и публицистики
Игорь МИХАЙЛОВ
ответственный секретарь
Анастасия ПОПОВА
заместитель главного редактора
Евгений САФРОНОВ
заместитель главного редактора,
финансовый директор
Светлана ШИПИЦИНА

На 1-й странице обложки:
Александра Аваева, 12 лет.
«Страшная вест»

В НОМЕРЕ:

Детский рисунок — лучшая память

Сергей ШАРГУНОВ

ОБ ОТСВЕТАХ ТОЙ ВОЙНЫ 4

Поэзия

Александр ГОРОДНИЦКИЙ 6

Глеб СЕМЁНОВ

ИЗ ГЛАВЫ «ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКАДЕ» 11

Евгений ЧИГРИН 14

Наталья ЕЛИЗАРОВА 23

Проза

Владимир КАЧАН

ПИШИТЕ ВСЕ!..... 25

СЕРДЦЕЕД 28

Андрей ИВАНОВ

УДАР ДЕШАПЕЛЯ Продолжение 37

Вячеслав МАЛЕЖИК

«МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА» 43

ПОРА — НЕ ПОРА........ 46

Ирина ОСНАЧ

БЕЛЫЙ СНЕГ, КРАСНЫЕ НИТИ Рассказ 48

Наследие

Николай КАРАЗИН

БРАМИН Роман. Предисловие и реконструкция Юрия Сенчурова 52

Былое и думы

БОГ ВСЕ ПРЕДВИДИТ И ВСЕ ПРЕДОПРЕДЕЛЯЕТ

Извлечения из бесед церковнослужителя-медика Алексия Бабурина

с монахом-философом Андроником (А. Ф. Лосевым). 1980–1988 годы 66

Лицом к лицу

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ:

«И ЖИТЬ ЕЩЕ НАДЕЖДЕ...» Беседовала Ирина Алексеева 76

Год театра

Людмила ИВАНОВА

СТИХИ 83

ОТПУСК 1964 ГОДА 84

20-я комната (от пятнадцати и старше)

Елена ТЕРЕШОНКОВА 86

Отдел юмора

Генрих ПАЛОЯН

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Наталья ГОРЯЧЕНКОВА

Фотокорреспондент

Антон ШИПИЦИН

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Отдел распространения

Яна КУХЛИЕВА

Дежурные по редакции

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Уноземный сюжет

Рубрику ведет Евгений Никитин

Кэтрин РИКФОРД

ИСТОРИЯ ДЖОЗЕФА Перевод Евгения Никитина **92**

Книжный развал

**НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ,
ИЛИ СЛОВНО ВИТРАЖ...**

Татьяна Махова о книге Елены Сазанович

«Писатели, которые потрясли мир» **95**

Творческий конкурс

София АГАЧЕР США **96**

Людмила ЛУБЯНА Я г. Москва **100**

Виктор ШЕНДРИК г. Новосибирск **107**

В конце концов

ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ

Валерий ИЛЬИЧЕВ

БЕЗ ПРАВА НА ЛЮБОВЬ Продолжение **116**

ШАХМАТЫ

«Дешапель» Шахматный клуб журнала «Юность»

Андрей ИВАНОВ

ЗНАЕМ ЛИ МЫ ПРАВИЛА ШАХМАТНОЙ ИГРЫ? **122**

ЗЕЛЕНЬИ ПОРТФЕЛЬ

Владимир ГРИПАК

КТО ПОСЛЕДНИИ? **125**

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Галка ГАЛКИНА

ИЗ ПЕРЕПИСКИ автор Евгений Минин **127**

ДЕЖУРННИИ ПО НАРОДИИ

Евгений МИНИИ **128**

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Авторы несут ответственность
за достоверность представленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ООО «Типография
«Миттель пресс»

Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6.

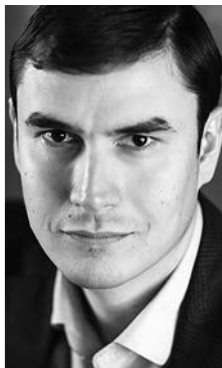
Тел./факс: +7(495) 619-08-30,

+7(495) 647-01-89

E-mail: mittelpress@mail.ru

Тираж 3 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Сергей ШАРГУНОВ

ОБ ОТСВЕТАХ ТОЙ ВОЙНЫ

Мои деды убиты. Один пропал без вести в бою, другой лежит в братской могиле.

В семейном альбоме — фотографии, где еще живы они, оба офицеры, где бабушки: одна в деревне, другая на линии фронта. Обратная сторона карточек: драгоценные надписи того времени, тех минут, когда еще неизвестно, чья возьмет, но никто не сомневается, чья.

Однажды я показал бабушке, ей было под девяносто, историческую книжку с Гитлером среди прочих. Она судорожно ее схватила и желтым ногтем стала страстно корябать по фотографии, отдирая бумажные клочки:

— Убивец, будь проклят. Мужа моего убил.

Анна Алексеевна была простая, деревенская. Одна подняла троих детей. У нее погибли четверо братьев. У ее убитого мужа, Ивана Ивановича, моего деда, погибли четверо братьев.

Война впечатана в души огненным оттиском. Это то, что передается сигналами в поколениях, эхом аукает во сне, вплетается в кровь. Песня «Темная ночь» — о воине во тьме, о кружащей смерти, о дите и женской слезе — потому так пронзительна, что молитвенно обращена к основам человека. «И поэтому знаю: со мной ничего не случится».

А вообще, по-моему, высшая наша поэзия — советские фронтовые песни.

Все истории русских сражений — с монголами, поляками, французами, немцами — история одного чуда. Вся жизнь народа как чудо.

В ежедневном героизме, в убежденности, что победим, в отказе отступить, в отчаянной партизанщине было главное, без чего не понять войну. Главное — инстинкт самосохранения. Не человека, а общности. Через страшное самоотречение.

Мечта о жертвенности была даже в детях. И сколько среди них оказалось героев!

«Знали, что победим, — говорят одно и то же прошедшие войну. — Москву сдать? В это и не верили!» Такова вера человека, страшно заболевшего, но, пока жив, не готового допустить всерьез мысль о смерти.

Люди ощутили драконье дыхание. Четыре года длилась война против войны. Германия была воплощением самой войны, слепой грохочущей стихией. Победа стала укрощением стихии.

У другой моей бабушки, писательницы Валерии Герасимовой, во время войны сидела сестра. Бабушка отправляла ей посылки и письма в лагерь и одновременно ездила на фронт — к солдатам, записывала их подвиги, под обстрелом выступала с призывами к мужеству. Так жила, без сомнений и противоречий. На ее медали, сохранившейся у меня, выбит девиз, крепкий своей священной логикой: «Наше дело правое — мы победили».

И все же сколь бы ни было ярким сопереживание прошлому, то время отделено прозрачной непробиваемой стеной, за которой идут редяущей процессией ветераны. Особые, иные, с прямыми спинами. Приглядимся: в большинстве они всю жизнь несут опыт войны как обязанность быть чище и строже остальных. Ты с трепетом смотришь на них и думаешь: когда-то они все умрут до единого, и ни одного не останется больше.

Ветераны неохотно рассказывают о войне. Это как водится: все истинно важное сопровождается умолчанием, тишиной благоговения, отрывистым намеком, иногда шуткой.

В детстве я с любопытством пытался расспросить каждого ветерана — знакомого семьи, соседа, встречного на улице, — а что там было.

Александра Аваева, 12 лет. «Страшная весть».

Детская школа искусств п. Запрудня

Талдомского муниципального района Московской области

Ветеран уклонялся от ответа или дарил выпуклую деталь.

— Я кричал «ура!» — и видишь, пуля навывает... «Ура» меня спасло вроде как, — застенчиво засмеялся старик. Обе его щеки были в рывинах от пули, пролетевшей в момент крика.

Посмеявшись, он больше ничего не рассказал. Будто боялся нарушить какой-то уговор.

Вспоминаю еще одного ветерана, которого как-то на даче мы встретили с моим тогда еще совсем маленьким сыном. Сухой, с палкой, он передвигался по завалам теплого снега необыкновенно ловко. На вопрос о войне показал на себя: на бедро, которое зацепил осколок, и на живот, куда спустя полтора года попала пуля...

— А Суворов за вас? — выкрикнул мой сын Ваня, приблизившись.

— Конечно, — отчеканил старик, подчеркнув букву «ч».

Та война была воспоминанием родства, возвращением — через кровь и пожар — почвы, и судьбы, и исторической преемственности. Вернуло себе полнозвучный трагический вес слово «Отечество», вернулись имена великих полководцев.

Мой дед, коммунист Иван Иванович, погиб в 43-м, мой набожный прадед Алексей Акимович напрасно ждал его, зятка, в деревне с Георгиевским крестом за Первую мировую, моего отца, суворовца, Жуков гладил по сиротской голове...

Теперь-то мой сын Ваня в курсе, что Суворова не было под Сталинградом. Зато у них в третьем классе симпатичная ему девочка Даша думала, будто Жуков, Кутузов и Минин воевали заодно — «они же в народном ополчении». Ваня ее увлеченно разубеждал, а может, и зря... В каком-то смысле она была права. «Война народная» — это все про одну и ту же землю, которая продолжает дышать, пускай покрывают ее люди разных эпох...

Принято ужасаться безграмотности новых поколений. Но историческая память стирается, да и детали истории, элементарные и сложнейшие, выяснить можно. Лишь бы живое дыхание длилось.

...А деду моему Ивану Шаргунову пуля прямо в сердце.

По воспоминанию выжившего однополчанина, он шел в атаку, прикрепив на груди, поверх шинели, фотографию маленького сына, моего отца. Пуля пробилась фотографию.

Отец мой в это время играл в избе, на полу. И вдруг зарыдал, закричал:

— Папку убили! Папку убили!

Его била мать, а он кричал:

— Я же не виноват, что папку убили...

Он потом стал священником, мой папа.

На обложке нашего журнала — детский рисунок. Похоронка.

Личная история как общая. Каждую семью перепыхала война. Без преувеличений — каждую.

Память, которая неистребима. Эхо тех залпов, отсвет той войны и того салюта в этом номере.

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

Александр Городницкий — поэт, бард, профессор, заслуженный деятель науки РФ, геофизик, путешественник, первопроходец... Выбравший местом жительства палатки геологов и каюты судов, живущий в вечном поиске неведомого. Автор песни «Атланты», при первых аккордах которой на любом фестивале авторской песни в любом месте нашей планеты люди встают и поют вместе с автором великую песню надежды...

* * *

Мне в Бога бы давно поверить надо.
 Как я удачу объясню свою,
 Что пережил голодную блокаду,
 На Ладоге не канул в полынью?
 Он мне помог, у смерти отнимая,
 Тотальный сократив ее улов,
 Когда не дал нам в сорок первом, в мае,
 К родителям поехать в Могилев.
 В глухой тайге, на лагерной стоянке,
 Где на пути нас ураган застал,
 Ревнивый муж стрелял в меня по пьянке,
 Но из пяти ни разу не попал.
 Бог помогал мне выжить однозначно,
 Когда внезапно оборвав полет,
 На лед мы сели не совсем удачно,
 И провалилась «Аннушка» под лед.
 И в океане Бог, меня жалея,
 Сумел продлить мой жизненный лимит,
 Когда, упав, схватился я за леер
 И с палубы волною не был смыт.
 Отдавший долг научному познанию,
 Уже перед вхождением во тьму,
 Поверил я в его существованье.
 Иначе непонятно, почему
 Не сгинул на Тунгуске под порогом,
 Под Пашково травюю не пророс.
 Чем дольше жизнь, отпущенная Богом,
 Тем строже, вероятно, будет спрос.

2018

Пианино

Наталье Погуляевой

Жизнь струится мимо,
И закат в дыму.
Ставят пианино
У меня в дому.
Подойду к нему я
Завтра поутру,
Вспомню жизнь иную,
Пыль с него сотру.
Помнится мне мало
Из былого дня,
Где мечтала мама
Обучать меня.
Бодрые плакаты
Довоенных лет.
Дом сгорел в блокаду,
Мамы больше нет.
С ностальгией сладкой,
Как и в том году,
Нотную тетрадку
Снова заведу.
Чтоб в тетрадке тонкой
Ключик рисовать.
Сколько лет ребенку?
Восемьдесят пять.
Я на фото мамы
Погляжу опять,
Буду после гаммы
Снова изучать.
В сумраке рассветном
Спит окрестный люд.
Стану пятилетним
Хоть на пять минут!

2018

АВТОРСКИЕ ПЕСНИ

Эти песни крутого замеса,
Что в душе не могу превозмочь,
Начинались с гитары Бернеса,
С тихой песенки «Темная ночь».
Этих песен сердечное жало
Опознал я внезапно потом
В дребезжащей струне Окуджавы,
На минорный настроенной тон.

В громыхани века другого,
 Летним днем, и в январском снегу,
 Этих песен навязчивый голос
 Я из сердца изжить не могу.
 И когда мне живется не сладко,
 Наступает судьба на мозоль,
 Возникает под левой лопаткой
 Этих песен щемящая боль.

2019

Самойлов и Слуцкий

Не в моде теперь эпистолии.
 Закат догорает в окне.
 Самойлов писал об истории,
 А Слуцкий — о нынешнем дне.
 Различие вижу меж ними я,
 Стихи их, как прежде, любя:
 Один обращался от имени,
 Другой говорил от себя.
 Один, возлюбив Маяковского,
 Ломал о колено строку.
 Размера напевного косного
 Другой не менял на веку.
 Оставим подробности критику,
 Что ищет меж ними границ.
 Один погружался в политику,
 Другой — в щебетание птиц.
 С обоими дружбой отмеченный,
 Вас сравнивать все же боюсь,
 Друзья и соперники вечные,
 Родную любившие Русь.
 Один похоронен в Эстонии,
 Другой — среди русских камней.
 Один остается в истории,
 Другой — для сегодняшних дней.

2019

Муза истории

Смолкни, несносная лира!
 Видишь, стоит вдалеке
 Муза истории Клио, —
 Свиток тяжелый в руке?
 Вот она передо мною,
 В бронзе, зеленой на треть,
 С тонкою длинной трубою —
 Славу героям воспеть.

Их не запомнят потомки,
Глядя в багровый туман.
Слов не услышать негромких
Там, где стучит барабан.
Голубь взлетает пугливо.
Лук зазвенел тетивой.
Муза истории Клио,
Труд не кончается твой.
Горестна эта наука,
Если помотришь назад.
Сладостных мало в ней звуков, —
Стоны, проклятья и мат.
Годы проносятся мимо.
Время спешит по кривой.
Муза истории Клио,
Труд не кончается твой.
Что мы оставили сзади?
Что этот век посулил?
Может быть, в древней Элладе
Не было братских могил?
Снова история мира
Это история войн.
Муза истории Клио,
Труд не кончается твой.
Грохот и дым канонады,
Кровью посоленный хлеб.
Тот, кто писал Илиаду,
Снова бы с горя ослеп.
Клин вышибается клином.
Бомбы свистят над Невой.
Муза истории Клио,
Труд не кончается твой.
Глядя на желтый папирус,
Сколько архивы ни рой,
Не отыскать тебе вирус
Новой войны мировой.
Сохнут без дела оливы.
Рвы зарастают травой.
Муза истории Клио,
Труд не кончается твой.

2018

Горящий Нотр-Дам

(Песня)

Обратимся к минувшим годам,
Видя кадры зловещие эти.
Над Парижем горит Нотр-Дам,
Что сохранен был восемь столетий.

Знак тревоги нам Господом дан,
Предвещание злых потрясений:
Над Парижем горит Нотр-Дам,
Отражаясь в разбуженной Сене.
Превращается в серую пыль,
То, что прежде стояло веками:
Обгоревший обрушился шпиль,
Раскаленный обуглился камень.
Грош цена нашим тщетным трудам,
В бытии ненадежном убогом.
Над Парижем горит Нотр-Дам,
Подоженный невидимым Богом.
Уберечь не сумели его,
От огня и крутящейся сажи,
Ни писатель суровый Гюго,
Ни пожарные чуткие стражи.
О любви позабудьте, мадам, —
Стекла окон мерцают пожаром.
Над Парижем горит Нотр-Дам,
Угрожая бедой горожанам.
Возвращает к иным временам,
Заставляя задуматься — где я,
Погибающий в пламени храм,
Что когда-то горел в Иудее.
Разрушение суля городам,
Вызывая испуганный ропот,
Над Парижем горит Нотр-Дам —
Поминальной свечой для Европы.

16.04.2019

Интервью с Александром Городницким
читайте на стр. 76

Глеб СЕМЁНОВ

Глеб Семёнов (урожд. Глеб Борисович Деген, 18.04.1918, Петроград — 23.01.1982, Ленинград) — поэт, переводчик, окончил химический факультет ЛГУ (1941). Когда началась Великая Отечественная война, по состоянию здоровья в армию призван не был, работал в блокадном Ленинграде в спецлаборатории МПВО, с 1943 по 1944 год был в эвакуации в деревне Шибуничи под Пермью. Впервые опубликовал стихи в газете «Пролетарская правда» в 1935 году, однако началом литературной деятельности считал 1940 год, когда в журнале «Звезда» был напечатан большой цикл его стихотворений; много переводил из славянской поэзии (чешских, словацких, болгарских, белорусских поэтов), из поэзии малых народов Крайнего Севера, а также других народов СССР. Особое место в творчестве занимают переводы Омара Хайяма. С 1939 года и до конца жизни руководил разными литературными объединениями и кружками: в Доме литературного воспитания школьников, во Дворце пионеров, в редакции журнала «Костер», в Горном и Политехническом институтах, в ДК имени Первой пятилетки, имени Ленсовета, имени М. Горького, в Союзе писателей и в Ленинградском Доме ученых. Автор книг «Свет в окнах» (1947), «Плечом к плечу» (1952), «Отпуск в сентябре» (1964), «Сосны» (1972), «Стихотворения» (1979), «Прощание с осенним садом» (1986), «Концерт для возраста с оркестром» (2000). В 2004 году в «Новой библиотеке поэта» (Малая серия) вышла книга «Стихотворения и поэмы» (вступительная статья, составление, подготовка текстов и примечания Е. А. Кумпан), в которой с наибольшей полнотой и без купюр представлено творчество поэта.

Похоронен на Ново-Волковском кладбище Санкт-Петербурга.

Из главы «ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКАДЕ»

ОПОЛЧЕНЬЕ

Памяти Миши Святловского

Добровольчество — добрая воля к смерти.

М. Цветаева

Пришел навестить, а казарма
в торжественных сборах с утра.
И осень в окне лучезарна,
и — вроде прощаться пора.

Ну, выпьем давай на дорожку —
чтоб немцу скорее капут.
Тебе уже выдали ложку,
винтовку — сказали — дадут.

Построили, как на ученье,
на подвиг тебя повели...
На полчища шло ополчение,
очкарики, гении шли.

Шли доблестно, шли простодушно,
читали стихи на ходу...
Как выстоять ей, безоружной
душе, в сорок первом году?

И вот — на каком-нибудь фланге
серо от распластанных тел.
По небу полуночи ангел
летел, и летел, и летел.

А я, в три погибели скрючен
(не так же ли на смех врагу?),
готовлю бутылки с горючим
и правды принять не могу.

МЕТРОНОМ

Никогда не болевшие звуки
умирают...
Куда они делись —
многоверстные отголоски
пароходов и поездов...
...золотое гудение рынка...
...деловитая скорость трамваев...
...изнывание патефонов...
...воркование голубей...

Даже дети свое отзвенели.
Даже вдовы свое отрыдали. —
Город
каменными губами
обеззвученно шевелит.

И один только стук метронома:
будто это пульсирует камень —
учащенно и неотступно —
жив — жив — жив ...

АРИФМЕТИКА

Закапывать без креста
трое
везли
двоих.
Дорога была проста.
И совесть была чиста.
И солнце любило их. —
А с Кировского моста
двое
свезли
троих.

КОНЦЕРТ*Т. Ю. Хмельницкой*

Собираются дистрофики
в довоенный этот зал.
Ветерок недоумения —
кто же их сюда зазвал?

Не обещано им ужина,
ничего не купишь тут.
Ломтик хлеба нержавеющей
дамы в сумочках несут.

Вверх поглядывают искоса:
свод непрочный, свод большой.
Молча хвастаются ватником
между шубкой и душой.

Кресла ежатся от холода,
половина их пуста.
Гордо валенками шаркая,
на шикарные места.

Скрипачи вползли бесполье,
дирижер за ними вслед.
Закивали им из публики:
сколько зим и — скольких нет!

То ли были, то ли не были
легкий взмах и трудный вздох.
Не имея сил откашляться,
зал качнулся и оглох.

Не имея сил расплакаться,
сердце вышло за предел.
Непреложный голос вечности
всем пространством завладел.

Отрубил все злые призывки,
жалкий ропот приструнил.
Лейтенантик забинтованный
память в руки уронил.

Через толщу затемнения
мир забрезжил голубой.
Нимб дыхания сгущенного
встал над каждой головой.

Евгений ЧИГРИН

Евгений Чигрин — член Международного ПЕН-клуба, Союза российских писателей и Союза писателей Москвы. Поэт, эссеист, автор поэтических книг «Погонщик», «Неспящая бухта», «Подводный шар», «Невидимый проводник». Публиковался во многих литературных журналах, в ряде престижных европейских и российских антологий. Стихотворения переведены на четырнадцать языков мира. Лауреат премии Центрального федерального округа России (Администрации Президента РФ) в области литературы и искусства (2012), Международной премии имени Арсения и Андрея Тарковских (2013), Горьковской литературной премии в поэтической номинации (2014), Всероссийской литературной премии имени Павла Бажова (2014), общенациональной премии «Золотой Дельвиг» (2016) и областной премии имени Сергея Аксакова (2017). В 2018 году стал лауреатом премии за большой вклад в русскую поэзию III Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман».

Музыка 1599 года

С музыкой Холборна¹ в небо,
 В госпиталь ангелов, где
 Справа — внимательный Некто,
 Слева в немой черед
 Те, за которыми музы
 Смотрят: шагай на укол,
 Кушай небесные мюсли,
 С братом веди разговор.
 Лютня, продольная флейта —
 Лучших микстур не найти.
 Космосом лечат поэта,
 Звездные дышат пути.
 Марсы, Сатурны, кометы,
 Жизнь на Венере близка.
 От алкоголя — «торпеды»,
 От наркоты — облака...
 Доктор астрального мира

¹ Энтони Холборн (1545–1602), английский композитор и музыкант.

Вылечит музыкой, чтоб
Баба с косою отпустила
На межпланетный флешмоб...
Этим подлечимся, Женя,
Чтобы еще на земле,
Словно в порядке обмена,
В прежней квартире-норе
Стихотворенья всходили
В незаморочных мозгах,
Золото жизни ловили,
Как поцелуи впотьмах.
Я в марсианской больнице —
Связан? Заколот? Забыт?
Мутная родина снится,
Чистая родина спит.

* * *

...Подкармливаю музыку стишками, в мозгах — музей от мамы до любви,
Которая краснела коготками и смешивалась с запахом айвы,
Мешалась с поцелуями до света, и жизнь пила, и пела петухом,
Стихотвореньем офицера Фета нас на заре не мучила... Кругом
Цвели цветы в роскошных опереньях: я вру сейчас, а кто не врал вчера?
Шептала ты о мыслящих растеньях, цвели мозги до самого утра.
...Подкармливаю музыку и снова бросаю взгляд в прошедшие миры:
Я — космонавт постпушкинского слова, я — огонек постблоковской поры.
...Включаю свет... и снова выключаю, и музыка стоит над головой.
К исходу дня, к бутылочному чаю стекает жизнь рифмованной игрой.
Цветет апрель и — вспыхивает к маю: мне с китайкой было хорошо
Царапать ад, притискиваться к раю, шептать на ухо дьяволу: еще...
...В мозгах — музей вчерашнего... кладовка: фрагменты, сновидения, дары,
Билет в кино, от счастья упаковка, и легкий свет, и яркие шары...

* * *

CD: САРАБАНДА
ДЛЯ ВИОЛЫ ДА ГАМБА

Сплошная сарабанда от Маре¹:
Бемольный свет, прикосновение пауз...
За окнами в тончайшей полумгле
Бездомье снега и рекой арт-хауз
Тех призраков, которые везде...
Я вижу их так явственно, что слово —
То зависает в лучшей пустоте,
То говорит над рюмочкой спиртного.

¹ Марен Маре (1656–1728), французский композитор и музыкант.

Вздыхает бархатистый инструмент:
 Живет смычок над формой грушевидной,
 Кругом шмелиный слышится акцент,
 Лишь музыканта галльского не видно.
 Я переводчик музыки в слова,
 Мне парадиз доверился недаром:
 Строфа к строфе. Строфа к строфе. Строфа,
 Которая космическим астралам
 Доносит эту музыку, словарь
 Того, кто смотрит в золотые книги,
 Витье барокко, каждую деталь
 И февраля метели и задвижки.
 И сарабанда гамбами цветет,
 Равно пион в хрустальном обрамленье,
 Марен Маре по музыке идет,
 Бемольный рай подыгрывает тени,
 Верней — теням... Живым и мертвым... Я —
 Смотрю, как тень перетекла в Мелету.
 И мотылек словесного витья
 По Хлебникову крылышкует к свету.

CD: АЛЛЕМАНДА
ДЛЯ ВИОЛЫ ДА ГАМБА

Сквозистый праздник света смывает легко,
 Зима стоит последними снегами.
 С виолой теноровой существо
 Идет по небу мягкими шагами,
 Так высоко, не дотянусь рукой
 До аллеманды, что звучит оттуда,
 До пауз, говорящих тишиной,
 Играющих на маленькое чудо.
 И сновиденья из-под рукава
 Творца текут, переходя в подушки,
 Высвечивая смыслы божества,
 Картинки, книжки, фишки, побрякушки
 Для маленьких: мы — дети для Него,
 Я сам ребенок, ну, поспорь, попробуй...
 Все в музыке Маре: и Рождество,
 И колдовство — врачу и мизантропу,
 Поэту и таксисту, и тому,
 Кто слышит *поезд, по воде идущий*,
 И закрывает старую тюрьму,
 И видит, как бредет с хлебами Сущий,
 Чтоб накормить последних из бродяг...
 ...Над квартами и квинтами барокко
 Я мысленно вздымаю белый флаг,
 Я говорю: осталось так немного,

Свернется ангел — отойдет ко сну,
И аллеманда завершится скоро,
И Тот, который нам несет весну,
Уже на расстоянье разговора...

ПАРИЖСКОЕ

Под огромным билбордом Сезанна — играет оркестрик,
Африканцы танцуют с оттягом горячую самбу.
Неленивое солнце — локального счастья предвестник —
Добродушный Творец подключил
Неустановленную лампу.
Под громадным билбордом и мы эту жизнь погуляем,
Смерти нет этим грушам и персикам алым и желтым,
В красных красках фанатика: в яблоке Бога узнаем,
Не расплачемся флейтой, аккордом
Затянемся твердым.

Сильно тубу врубили, придали ей гулкости эти,
Раскрутившие музыку, старые лабухи Сены,
С этим «мокрым» кларнетом готов подтвердить, что на свете
Нет и не было смерти, и все мы
Сезанном нетленны.
Эта музыка так раскатилась под ярким билбордом,
Открывая любовь и цветение слив на картине,
И щемящая нота плывет над курильщиком бодрым,
Что колечки «Житана» пускает
Теплеющей сини.

Постоим на мосту Сольферино, пока валторнисты
Окунаются в код, в последнюю музыку флейты,
Мы и сами по жизни — к закату ее — анархисты.
Камарады. Кенты. Сотоварищи.
Лучшие френды.
Постоим на мосту в простоте окончательной, что нам
Остается в столице, где смерть по Сезанну сменяли
На знакомые сливы, на вечные вазы с крошоном...
Под счастливым билбордом мы сами
Нетленными стали.

ДЕВУШКА С ТАТУИРОВКОЙ ДРАКОНА

В парке Чаир распускаются розы...

Павел Арский

Красный дракон и зеленые змеи любви —
Это я видел, когда попадал в твою пламя...
Хочешь — гадай по иероглифам, хочешь — язви,
Как научила тебя азиатская мама?

Девушка в ярко-зеленом, как чай в чайхане,
С музыкой из Поднебесной — январское диво
В твердой Москве, в изумрудном и синем огне
Бьющих реклам... На закуску тайваньская слива

И карамбола экзотикой тает во рту.
Сколько любви вырастает в округе Тайбэя?
В белой постели не спутать твою наготу:
Делала нежно, и делала *ничто*, смелея...

Я бы поплыл за тобой по реке Сюгулан
Мимо бамбука, тайваньской сосны, эвкалипта,
Выпей, подруга, проклятый московский обмен:
Линия счастья — от эроса до недосыпа.

Остров Тайвань обнимаю не раз и не два:
Тай или *вань* я твоими глазами увижу?
Где-то к рассвету густеет в предгорьях трава,
Солнце ласкает какую-то ветхую крышу...

В парке Тайчжун (в сновидении) я окажусь,
Что мы вдвоем натворим в этих скрытых беседках!
Сколько подарков вручу я дракону. И — пусть.
Птицу счастливого Будды примечу на ветках.

Так ты врасплох сновиденьем забрала меня,
Желтый Тайвань — Гумилева неспетая песня!
В жирной Москве нам хватает по горло огня,
Линия жизни — от эроса до поднебесья.

Линия в полночь — зеленые змеи любви,
В парке Тайчжун распускаются розы? — промашка.
Хочешь — гадай по иероглифам, хочешь — язви,
Женщина из... Недопита последняя чашка.

Хочешь, тебе расскажу, кто такой Гумилев?
Хочешь, целуй нараспашку от рая до ада.
...Так вдохновенье плывет от твоих берегов
Древнекитайского сада.

РЕКИ АЛЬБЕРА МАРКЕ. ВОЗЛЕ ДОМА РЕКА

Миры Марке — и берег, и причал,
И парусник, который мой до неба.
Я жизнь свою по чайкам сосчитал
До вечера, который смотрит слепо
И просит говорить о нем, затем
Стирает свет и занимает место,
И сумраком роднит с небытием,

И призраки плывут от переезда
До Старой бухты, где, как светлячки,
Флажки марины, огоньки кофейни,
И жизнь дает безумные круги,
И дремлет в бухте пароход трофейный.
Я лодочник, которого Альбер
Окликнул и запомнил на мольберте,
Но знаю: самый хищный глазомер
Не оградит от неизбежной смерти.
Я почему об этом? — не скажу
И передать словами не сумел бы...
Стоит луна в окраске акажу,
Подсвечивая маленькие вербы.
Река Марке с холста течет сюда:
Вода живая смотрится как будто
Соткался с ней художник навсегда,
Не растеряв доверенное чудо.
Миры Марке: от мелкого куста
До старой баржи... Сумерки, пейзажи
Сыграл бы я, как музыку с листа,
На скрипочке стиха, который даже
Сгодился бы и старику Марке
Палитрой братской, химеричной тенью,
Что тянется к придуманной строке,
К неспешному, как жизнь, стихотворенью.

* * *

Я пролистал всю зиму. Вышел к марту,
Который вышел мальчиком мультфильма,
Смотреть на снег, на солнечную смальту
И воздух света целовать несильно.

...Мы так и не списались. Вьюга — буквы
Не подсказала в заморочках стужи,
Где счастье пело, там забиты бухты
Чужими кораблями. Чьи-то души

Эдемское шумят на фоне моря...
Я прочитал всю зиму. Вышел к ветру,
Который с моряками пил у мола,
Вставал на мостик, отдавался свету

И прятался в забытых лодках... Я бы
Тебя преобразил по Хокусаю,
Но где японец? Золотые лампы
Не озаряют больше. Я листаю

Все то, что можно пролистать о прошлом,
 Я знал тебя, как только знает темень.
 Ты знала море. Ты брала дотошным.
 Ты пахла экзотическим растением.

...Теперь весна. И я, как тот полковник,
 Которому не пишет старый Габо,
 Рифмую с существительным «любовник»
 Все то, что выше. Понимаю: слабо.

Сейчас весна, и словосочетанье
 «Совместно жили» стерто до предела,
 Но даже в этом прячется желанье
 Вдохнуть весну в невидимое тело.

* * *

Тончайший шорох листьев... Скоро нам
 Невидимый опустит осень... Осень
 Уже дохнула музыку ветрам,
 Две стрелочки свела на цифре восемь.
 К замостью фиолетовая мгла
 Спешит на крыльях ангелов и птичек.
 Ты теплоту легко с собой взяла,
 Как несколько живительных страничек,
 В которых ты так обольщала, что
 Все становилось образным и скрытым:
 Закат стоял в костюмчике бордо,
 Вышептывал то музам, то харитам,
 Которым было не до нас. Звезда
 Выглядывала с дикостью такою,
 Что нагота светилась без стыда
 По Модильяни: белою рекою,
 Темнея треугольником волос,
 В молчании, которого хватало
 На темноту, на летний дождик слез,
 На горний свет мажорного хорала,
 Живущего в голландском сидюке,
 Как гномики в дремучем подземелье,
 На светик в постаревшем ночнике
 И коду меланхолика Корелли,
 Который — листья, шорохи, слова
 Не Самого, так ангелов и птичек...
 На ноготок везения — сперва,
 Потом — на холод бархатных ресничек.

Из хуторских диканек

Не открывай ту книгу, там гробы
Летают и — рыдает старый сотник
Да в монстров превращаются попы
И смотрят на чудовищ, как на сводных
Сестер ли, братанов — перекрестись!
Меж синеватым лесом и приходом
Огромным скорпионом пухнет высь
Таким-сяким размашистым уродом.
Не открывай полтавский гримуар,
Там слабый лузер закликает Книгой,
А время — уплотнившийся кошмар —
Борзеет, как матерый черт с шутихой,
С кричащего геенной полотна,
Чей прародитель¹ спит в Хертогенбосе,
Ну это к слову. В полночь простыня
Видений растекается. На дозе
Фантомов заковыристых нельзя...
Я что хотел сказать? — читай сначала...
Замри. Замкнись. И не смотри в глаза
Начальнику бродячего кошмара.
Здесь даже многоточия — сюжет
Того, что видишь то ли третьим оком...
Развитие. Деталь. Раскрутка. Тренд.
Все станет завтра безмятежным вздохом.
Эй, старый ключник, не проспай рассвет:
Вот-вот и запоет петух крикливый.
Петух в реестре Демиурга — бренд!
На хуторе NN все люди живы?

Полнолуние

*...большой красный дракон с семью головами
и десятью рогами, и на головах его семь диадем...*

Откровение Иоанна Богослова

Зимой он смотрит, как змеей зима
Затягивает раны переулка,
И белый колер напрягает тьма,
И крепкий ветер голосом придурка
О смерти говорит, с которой жизнь
Так корешит, как панночка с гробами.
Он смотрит с 19-го вниз:
Весь снежный двор заполнен мертвецами
И полумертвецами: дышат, а?
Где неотложка с дошлым айболитом?

¹ Иероним Босх.

Из мира параллельного сюда,
 По курсу каббалистики, транзитом
 Влетают те, кто молятся ему —
 Полмира разводящему дракону,
 И засевают мандрагорой тьму,
 И посылают к речнику Харону.
 ...Он впитывает темень, как сюжет:
 Огромный шар, в котором скорпионы,
 Клубок из чудищ недоступных недр,
 И — ряд второй — когтистые грифоны.
 Он долго смотрит... становясь другим,
 Нанизывая глюки полнолуныя,
 И будто кто-то говорит над ним —
 Смеется в черном тощая колдунья?
 Морана в темном, бабушка с клюкой?
 Он шепчет заклинания, и монстры
 Бегут в Полтаву быстрою рекой
 К приспешникам уездной коза ностры.
 И — остаются мальчик и старик
 В одном флаконе, правильнее — в теле,
 В котором жизнь смертельнее, чем стих,
 В котором смерть привычнее свирели.

* * *

Это небо — веселое счастье, в полный рост Адриатика... Ты —
 Точно мысли о солнечном ястве, поцелуях, которые рты
 Не забыли и смогут едва ли... Это небо в сквозистой слюде,
 Видно, ангелы нам рисовали, чтобы жить в голубой чистоте.
 Я так молод, что стар поневоле. Облака или знахари, кто
 Нас утешит? Ядранское море, как сапфировое естество?
 ...Если я без тебя просыпаюсь — режьте ножиком жизнь нелюбви —
 Я в такую хандру зарываюсь,дохнут в сердце мои соловьи,
 И молчанье тревожно до нерва... Я так молод, что лету кранты,
 Надсмехается дева Минерва с управляемой кем высоты?
 Потешайся, мудрейшая, мне ли возражать?.. Никого я не смог
 Удержать. От последней потери в словаре неприятный комок.
 Адриатика счастье играет, эта жизнь до кончины густа...
 И морщинками море стекает прямо в небо, а дальше куда?

Наталья ЕЛИЗАРОВА

Наталья Елизарова родилась в г. Кашире Московской области. По первому образованию юрист. Выпускница Литературного института имени А. М. Горького.

Автор поэтических сборников «Осколок сна» (Москва, 2006), «Черта» (Сербия, 2014), «Страна бумажных человечков» (Москва, 2019), книги для детей «Мой ангел» (Иркутск, 2015) и публикаций в периодике. Участник российских и зарубежных поэтических фестивалей. Лауреат премии имени Анны Ахматовой журнала «Юность» (2015). Победитель конкурса «Поэзия в парках» (2016). Автор гимна «Ночной хоккейной лиги».

Стихи переведены на английский, сербский, немецкий, польский, румынский, турецкий, даргинский, болгарский, венгерский языки.

* * *

И. Н. Крупнику

Я звоню ветерану, он не из нашей семьи,
он чужого отряда, полка, но того поколенья,
где все те, что дорогой войны шли — те звались свои,
и неважно уже — в отступление иль в наступленье.

Я звоню человеку, ему скоро будет сто лет.
Он не помнит меня, хотя мы с ним недавно встречались.
Я звоню потому, что моих-то в живых больше нет:
дед убит на войне, прадед умер в санчасти.

Дед второй никогда ничего о войне
не рассказывал, только военные песни
пел, как выпьет, порою вполголоса мне,
а как я подросла, стали петь мы о летчиках вместе.

Но и он очень скоро покинул меня,
так война подкосила и смелых, и сильных, и стойких.
Ну а тех, кто и выжил в пучине огня,
перетерли в муку жернова перестройки.

Не с кем спеть... Я же помню о том, что «пора
в путь дорогу...», и пусть нас судьбина бросает
так далеко, как сможет, мы все умираем от ран,
но «Катюшу» споем угасающими голосами.

* * *

Памяти моей бабушки — Морозовой В. М.

Отца забрали. Мы бегом в подвал,
к соседке — тете Мане за оврагом.
У мамки после немец ночевал,
все по двору ходил казенным шагом.

Убило Таньку. Бомба... Самолет...
Так быстро — оглянуться не успела.
Она лежит, и кровь по лбу течет...
Была сестра, а стало просто... тело.

Потом-то многих немцы извели,
на кладбище не узнаны могилы,
а у других — так просто пядь земли,
и не узнать, где милые погибли.

Мне часто снится 41-й год,
что я сижу одна в сыром подвале.
И Танька, и немецкий самолет,
и мне 16 скоро будет, Вале.

* * *

Жили без Турций-Египтов: дача и лес за калиткой,
вин итальянских не пили, все больше водку
или настойку на клюкве — свою, что в бутылке липкой
тихо стояла в серванте, а рядом — стопки.
Свечи оплывшие каждый год зажигали
и убирали в ящик, туда же — скатерть.
Так и лежали они и курантов ждали,
тостов за «новое счастье» (всегда некстати).
В Пасху встречались на кладбище: птичий гомон,
карканье тучных теток, золовок, братьев.
Жил да почил — вот и все этих мест глаголы,
крашены луком яйца совали сватьи.
А про войну зачем? Вспоминали редко:
«Нашу деревню тогда под Москвой бомбили.
Танька по полю бежала со мной, соседка.
Я вот жива, ну а Таньку тогда убили...»
«Ну а отца забрали. Да, на допросы.
Очень боялись мы, думали, расстреляют.
Долго тогда стояла сухая осень,
плыло по небу облако с журавлями».

Владимир КАЧАН

Владимир Качан — народный артист Российской Федерации. Родился в 1947 году в г. Уссурийске Приморского края. В 1953 году отца-военного перевели на полгода в Москву, а затем, когда Владимиру было шесть лет, — в Ригу. Учился в 10-й рижской средней школе с производственным обучением. Занимался легкой атлетикой. В 1969 году окончил Щукинское театральное училище (курс Львовой). В фильме «Звезда пленительного счастья» Владимир Качан исполняет песню на стихи Булата Окуджавы. После этого Леонид Утесов приглашает его в свой театр. Качан работает там, но не оставляет выступления на бардовской сцене. С 1991 года — артист Московского театра «Школа современной пьесы», до этого работал в других театрах: в ТЮЗе (1969—1980), в театре на Малой Бронной (1980—1984). Член Союза писателей Москвы. Написал пять книг. Выпустил тринадцать CD со своими песнями. Один из них — «Оранжевый кот» — только на стихи Леонида Филатова.

ПИШИТЕ ВСЕ!..

Рисунки Настасьи Поповой

Детективные и любовные сериалы так густо оснащены затертыми штампами, что, взяв их на вооружение, можно легко самому (самой) написать средненький такой сценарий, в котором не будет ничего выдающегося, но он проскочит под девизом «И так сойдет». Надо только принять во внимание основные, базовые, так сказать, штампы, непобедимо кочующие из фильма в фильм, из сериала в сериал. Вот как раз для этого мы предлагаем методическое пособие начинающим, амбициозным авторам, которое, безусловно, поможет им пробиться в ряды сценаристов, не претендующих ни на что, кроме денег. Так же, как в песнях есть застывшие навечно словесные обороты и любовные крики о помощи партнеру типа «Я не могу без тебя» или, как в одной песне Киркорова, — «мне нечем любить», — так и здесь, для невзыскательного кино

есть верные маяки успеха, без которых уже никак не обойтись.

Сначала чуть-чуть коснемся любовной темы в кинематографе наших дней. Но только чуть-чуть, ибо тема эта неисчерпаема и требует отдельного внимания. Отметим лишь два, но основных, по сюжету, клише для неременного использования, чтобы потом сразу обратиться к главному жанру нашего ТВ — детективам, триллерам и боевикам.

Так вот, для внезапно пропадающей любви необходим апофеоз страдания из-за подлой измены. К примеру, жена (или давняя и верная подруга) входит в квартиру в неурочный час, когда он (муж, суженый или постоянный друг и партнер) ее совсем не ждет. Он настолько не ждет ее, что она застаёт в спальне на широкой тахте, еще не остывшей от их горячих ласк, своего возлюбленного в бесстыдно голом виде рядом с такой же голой де-

вицей из тех, кого мужчины чаще всего называют телками. В глазах «телки» — ни тени смущения, она даже нагло улыбается в лицо вошедшей. В его глазах — страх и панические поиски выхода из создавшегося положения, выхода, которого, в сущности, нет. Но он, как ему кажется, его находит. Он произносит фразу, уникальную по своей обреченной абсурдности, но повторяющуюся часто из фильма в фильм. Внимание! Натягивая одеяло на свою обнаженную натуру, он говорит: «Слушай, это совсем не то, что ты думаешь».

И когда обманутая и оскорбленная (жена, подруга и т. д.) в слезах убегает, он, как правило, кричит ей вслед: «Подожди! Я тебе все объясню!» В то время как шансов на «потом» практически нет. Все изложенное можно зеркально повернуть в другую сторону, то есть поменять действующих лиц местами. А именно — это он входит и застаёт ее в объятиях вульгарного мачо с волосатой грудью. Но далее — все то же, текст остается прежним. Возможны, впрочем, варианты — драка с мачо или даже убийство. Кто кого прикончит — на усмотрение автора, но на этом любовная часть истории заканчивается и начинается триллер (куда спрятать труп, как вынести из квартиры и подъезда, завернуть в ковер, расчленить или растворить в ванной в серной кислоте и т. д. — все на усмотрение сценариста). Но тут мы уже переходим к анализу чудесных штампов из боевиков и триллеров. Точнее, не к анализу, а, скорее, к демонстрации возможностей для дебютантов-сценаристов.

Часто встречается несправедливо обвиненный герой. Он будет встречаться всегда, чтобы потом справедливость все же восторжествовала. Так что тема эта — благодатна и неисчерпаема. Поэтому — флаг вам в руки и — смело вперед по пути обязательных штампов, ведущих к успеху.

Итак, герой звонит в квартиру, где его должен ждать друг, с которым договорились о встрече. Звонит раз, другой, третий — тишина. Неясное, смутное подозрение закрадывается в душу героя. Ведь друг, когда просил о встрече, говорил дрожащим голосом, задыхаясь от волнения. Он намекал на свое частное расследование и поэтому неприятную криминальную историю, в которую неосторожно влип, и к тому же он оказался случайным свидетелем убийства, совершенного коррумпированным офицером полиции (по-нашему — «оборотнем в погонах»). И поэтому за другом все время гонятся «плохие парни», чтобы его уничтожить. Но никак не могут поймать его, серий шесть-семь не могут. Но все же он попадает. Его вычисляют и «мочат». Но и герой оказы-

вается под колпаком у «оборотней в погонах», так как они подозревают, и не без оснований, что друг его посвятил в жгучую тайну полицейской бессовестности. Тут следует еще подчеркнуть, что друг по телефону сказал ему примерно так: если, мол, со мной что-нибудь случится, знай, что флешка с компроматом на него и видеозаписью убийства, снятой на его мобильник, находится в ячейке камеры хранения на таком-то вокзале. В общем, герой перед дверью друга находится как бы в мышеловке, в которую бесстрашно попадает. После безуспешных звонков он трогает дверь и почему-то она оказывается незапертой и зловеще открывается. Медленно. Тут хорошо бы немного простой, даже примитивной, но тревожной музыки, сопровождающей вход героя в квартиру. Он проходит коридор, кухню — никого! И осторожно открывает дверь в спальню. Музыка все тревожнее и громче. И он, естественно, обнаруживает распростертое тело друга с явными признаками удушения подушкой. Нетрудно догадаться, что подушкой, потому что подушка — у него на лице. Вариант: у него из грудной клетки торчит нож. Да, так лучше. Потому что он должен подойти к трупу, склониться над ним, потрогать и, конечно же, испачкаться в крови. И вот как раз в этот момент в квартиру врывается опергруппа. И, понятное дело, берет героя. И сколько он ни отбивается, сколько ни кричит о своей невиновности, на его кровавых руках защелкиваются наручники. Кстати, кричит он при задержании, как правило, одно и то же: 1) я никого (его, ее) не убивал и 2) меня подставили. Он просит снять наручники, поскольку неудобно перед соседями идти в них по двору. Опер снимает наручники с неперемными словами: «Только без фокусов» («без глупостей»). А герой стискивает в кулаке какой-то клочок бумаги. Этот клочок он освободил из судорожно сжатых пальцев погибшего друга. На нем какие-то цифры. Потом он догадается, непонятно как, что это номер и шифр багажной ячейки на любимом Курском вокзале. А там, разумеется, — страшный компромат на «оборотней в погонах» (диск, флешка — неважно). Так что грязный клочок бумаги служит толчком для дальнейшего развития сюжета и потянет за собой еще серий шесть, не меньше.

Кстати, друг, теперь уже труп, увяз в криминале, будучи честным и порядочным человеком. Но пришлось, так как ему позарез нужны были деньги на дорогостоящую операцию сестры, жены, дочери, сына — выбирайте сами. А достать такие деньги было негде. Вот он и попался. Согласился один раз (имея такую возможность) перевезти груз через границу. А оказалось, что не один раз, да

еще и наркотики!.. А потом решил все же освободиться от щупальцев отечественной мафии и снял на свой телефон компромат. С тех пор был обречен. А теперь все нити преступлений «оборотней» — в руках сериального героя. Кстати, без мобильного телефона теперь не может существовать ни один сериал. Мобильник подчас — чуть ли не главное действующее лицо телефильма. Без него сюжет, сценарий никуда не двигается. Он должен быть всегда под рукой, особенно в боевиках. Иначе — тормоз, все встает.

Теперь вообще-то что касается именно боевиков, триллеров, детективов и прочего экшена. Это уже не касается той самой намеченной схемы сценария об убитом друге и «подставленном» герое. Там возможны уже разные нюансы, но это уже — на усмотрение начинающего автора: жаждущего легкой добычи сериальных денег.

В других случаях — почти обязательный дежурный набор приемов и слов. Например, при допросе расколовшийся преступник просто обязан в одном месте сказать: «Я не хотел ее (его) убивать». А при поимке киллера жертва неудавшегося покушения в ярости трясет промахнувшегося убийцу и непременно орет ему в лицо: «Кто тебя послал, говори! Говори!» Может еще пообещать киллеру-неудачнику, что тот будет умирать либо быстро и безболезненно, либо страшно, медленно и мучительно. Можно пообещать пытки, а можно и включить их в экранизацию. Это еще больше оживит ее и придаст действию дополнительный, щекочущий нервы телезрителю импульс.

Так... Идем дальше. Дочь или сына похищают. Похитители по телефону назначают выкуп. Взбешенный отец требует: 1) услышать голос похищенного (и ему дают послушать) и 2) бессмысленно ставит свое условие («если с его (или ее) головы упадет хоть один волос, я тебя найду и убью»). Похититель цинично смеется в ответ. Дальше, как правило, на семейном совете возникает конфликт. Чаще всего жена за то, чтобы заплатить выкуп, а муж — за то, чтобы обратиться в полицию, несмотря на то что похититель пригрозил: «Если хотите живым увидеть своего сына (дочь), даже не думайте позвонить в полицию. Или получите своего сына (дочь) — о, ужас! — по частям!» — «Каким частям?» — «А так, мелкими частями!» Перспектива такого кошмара заставляет

отца собрать деньги, уложить пачки в кейс и сесть в машину, чтобы ехать в условленное место для обмена денег на ребенка. И тут — хоть и банально, но все равно хорошо! — на заднем сиденье притаился злодей с пистолетом. Далее — пистолет к затылку несчастного родителя и приказ изменить маршрут и ехать в другое место. Страховка на случай вмешательства ментов. К слову, этот трюк с прокравшимся на заднем сиденье персонажем может употребляться в разных сюжетах, вовсе не обязательна схема «выкуп — отец — злодей». Да кто угодно может притаиться! Сзади может возникнуть с пистолетом и положительный герой, который борется за справедливость (за рулем — как раз злодей), и наоборот, отвратительный преступник, но главное — чтобы действующее лицо, приставившее пистолет к затылку водителя, не забыло произнести волшебные слова: «Тихо, тихо, не дергайся!»

Ну, не стоит упоминать, вы и сами знаете, что без этого — никак, в апофеозе любой погони обязаны звучать слова «Брось пистолет!», а также «Отпусти ее (его)».

Вот где-то так, ребята! И все получится! А теперь главное: не следует ни в коем случае стесняться написанного. Ибо поговорка «Краткость — сестра таланта» потеряла сегодня свою актуальность и нуждается в изменении первого слова, что послужит девизом и руководством к действию для смелого и беззастенчивого писателя: «Наглость — сестра таланта». Впрочем, можно обойтись и без таланта... Так что дерзайте, пишите, и деньги вам улыбнутся...

СЕРДЦЕЕД

Я его узнал сразу, несмотря на сильно поредевшие волосы, одутловатое лицо, растолстевшее тело и то, что мы виделись с ним последний раз лет двадцать тому назад на Грушинском фестивале. Я был там в первый и единственный раз в качестве гостя. А он в ту пору стремительно набирал силу и популярность. Мне показалось тогда, что этот фестиваль — не только смотр художественной и не всегда художественной самодеятельности, но и тотальная пьянка в антисанитарных условиях.

«Ах, он, видите ли, брезгует!» — говорили про меня барды, если я отказывался примкнуть к их компании и к тому же не хотел ночевать в палатке. В принципе, они были правы, я и вправду брезговал. Наверное, это ощущалось окружающими, и, естественно, меня больше не приглашали туда, где костры, комары, гитары и мимолетные связи. А с ним, кажется, тогда хотели слиться — и не только в поэтическом экстазе — все исполнительницы тонкой песенной лирики, а также все остальные, которые не пели, а приехали просто так. Чуть ли не первая его песня стала тогда шлягером, а потом обрела статус почти гимна, исполняемого всеми участниками всех фестивалей всегда и в обязательном порядке. «Как хорошо, что вместе мы сейчас и навсегда» — эту задушевную песню знали все, и всем она нравилась.

Испытание так называемыми медными трубами Илья Темнов проходил тяжело. Слава обрушилась на него неожиданно, он к ней совсем не был готов. Песня, которой он не придавал никакого значения, вдруг оказалась выигрышным билетом. Почти как знаменитая «Бэсамэ мучо». Он не ожидал и удивился. Наверное, как и та девушка, которая невзначай взяла и сочинила эту, пожалуй, самую популярную в мире песню.

Илья удивился, но все равно с удовольствием принял как должное все дивиденды, принесенные ему вместе с популярностью: и концерты, и деньги, и подарки, и вдруг появившуюся тьму друзей и приятелей, непременно желающих с ним выпить, и, разумеется, девушек, за которыми уже не надо было ухаживать, только успевай выбирать. Словом, множество приятных вещей, сопутствующих пусть даже кратковременной, но все-таки славе.

На том фестивале однажды ночью, когда все уже уgomонились и разошлись по палаткам и темным углам, я почему-то решил пройтись по территории и увидел сюрреалистическую картину:

в хлам пьяный Илья Темнов в обнимку с гитарой сидел у давно погасшего костра. То ли думал о чем-то, то ли спал, — я так и не узнал, потому что не подошел. Но, согласитесь, классная была бы картина, жанровая живопись, с названием «Пьяный бард у погасшего костра». Написать такое смог бы только какой-нибудь современный Репин, но таких теперь нет. А картина эта, этот кадр, до сих пор стоит у меня перед глазами.

А сейчас я сижу в своем любимом прибрежном кафе, которое вечером переходит в крытое помещение и превращается в ресторан. Любуюсь на закат. Самый красивый закат в мире, так я считаю, хотя мир объездил далеко не весь и не все закаты сумел увидеть. Видно, такой уж я патриот здешнего пейзажа, однолюб.

Он совершенно не узнает меня, когда входит и этак по-хозяйски окидывает взглядом помещение. Точнее, он не узнает меня того, из давнего периода своей молодости и восходящей славы. А теперь он узнает меня другого, из телевизора, и идет к моему столику. Но я-то думаю, что он узнал того давнего знакомого и готов с ним тепло поздороваться. Через минуту понимаю, что это не так, он пришел познакомиться с телеперсоной.

— Я вас знаю, — говорит он, — вы писатель Алексей Качалин.

— И я вас знаю, — отвечаю я, знакомясь по новой, — вы Илья Темнов, автор и исполнитель замечательных песен.

— Да какой там, — отмахивается он с невеселой усмешкой, — это все уже в прошлом, — и протягивает руку.

Я пожимаю к моему неприятному удивлению его вялую и влажную руку, которая кажется даже липкой. Словом, рукопожатие оказалось противным, хотя «пожатием» этот протокольный акт можно назвать весьма приблизительно. Ну представьте себе, что вы берете в руки мертвую жабу и слегка ее стискиваете. Однако я легко преодолеваю этот неуместный приступ отвращения, вглядываясь в опухшее лицо кумира 80-х, и предлагаю ему присесть к моему столу.

— Садитесь, Илья, — приглашаю я его, — расскажите, как вы сейчас живете. Я что-то давно ничего не слышал о вас...

Он садится. Я предлагаю выпить.

— Не могу, — он слабо улыбается и мельком, на секунду, останавливает взгляд на графинчике с коньяком.

Взгляд недвусмысленно заинтересованный. Нетрудно догадаться, что ему очень хочется выпить или, может быть, опохмелиться. Не знаю, но он почему-то отказывается. Вскоре выясняется почему.

— Я тут теперь работаю, — смущенно произносит Илья.

— Как? Кем?! — недоумеваю я.

Но он меня успокаивает.

— Нет-нет, я здесь не официант и не мойщик посуды... Почти по профессии... У меня в этом кабаке программа, — с иронией добавляет он. — Пою каждый вечер в 23 часа. Ровно 40 минут. Потом могу и посидеть с вами, если пригласите, если не передумаете, — опять усмехается он.

Я, честно сказать, опасался, что, оставшись его послушать, испытаю разочарование и досаду. По счастью, этого не случилось. Темнов пел и старые песни, и несколько новых, и новые мне особенно понравились. Там были и мудрость, и печаль, и ирония, тем более убедительные, что были подкреплены красивыми и точными мелодиями, которые никак не существовали отдельно, а лишь подчеркивали смысл и суть каждой песни. Словом, я был рад, что потом смог похвалить его программу не из любезности, а вполне честно. Он принял комплименты более чем сдержанно, а скорее — равнодушно. Я почувствовал, что никакие оценки ему сейчас не нужны, он где-то в стороне от любых комментариев, он выше... Но это все было после его выступления...

Впрочем, он и прежде уважал то, что делает, то есть содержание песен, стихи в первую очередь. И если его не слушали, он просто прекращал петь, разворачивался и уходил. И от денег за выступление отказывался. И его перестали приглашать, посчитав, что он слишком капризен. С частными концертами, с корпоративами тоже, конечно, не сложилось. Он считал это лакейством и публично об этом заявлял. Но обо всех этих изгибах его биографии в ту пору я знал, потому что он был мне интересен, мне нравилось то, что он делает, и поэтому я следил за его песенной и непесенной жизнью. Следить становилось все труднее, так как на ТВ и радио его не было. Наверное, не звали по уже указанным причинам. Слишком, дескать, гордый и принципиальный. Казалось бы, такие положительные качества, однако они оборачивались для него чем-то вроде шлагбаума на пути к успеху.

Ну а потом он и вовсе исчез из моего и не только моего поля зрения. Ничего нельзя было узнать о нем, негде, даже в Интернете не было, хотя я время от времени интересовался. Он про-

пал. И на долгие годы. И вот теперь мы повстречались. Неожиданно и невероятно. То, что мы сейчас сидим в ресторане напротив друг друга и разговариваем, настолько для меня удивительно, что я немного смущен и веду себя на первых порах скованно и неуверенно. Я никак не могу избавиться от мысли, что передо мной — воплощенная биография гордого и, кажется, не сломленного человека, который начинал с невеселого объявления, выставленного в окне своей квартиры на третьем этаже: «Бесплатно пою свои песни по телефону». Это было объявление абсолютно одинокого человека, которому не с кем было поделиться самым важным, что было у него в жизни. Это как кто-то дал объявление в газете: «Ищу любую женщину для встреч». Грустно, что — любую. Ну а потом... потом все же — короткая, но громкая слава, а вслед за ней — полное исчезновение из привычного мира, из социума, из бардовского сообщества...

И вот сидим теперь здесь и разговариваем. Вернее, это он просто сидит, а я ни на минуту не забываю, что общаюсь с настоящей легендой. Он с удовольствием рассказывает мне о некоторых эпизодах своей жизни.

— Ну, отчего же не рассказать, — посмеивается Илья, — вы популярный писатель. А кто же откажется от шанса быть увековеченным. Может, вы напишете книгу или, по крайней мере, рассказ обо мне.

— Конечно, — соглашаюсь я и добавляю, словно цитируя его: — Ну, отчего ж не написать. Уверен, что услышу немало интересного. Выпьем, — говорю, — за знакомство, — а про себя думаю: «которое было тыщу лет тому назад».

У меня так уже было. Здесь же, в этом же кафе-ресторане год назад. С одной дамой в белой шляпе. Только в тот раз я ее не узнал, через прошедшие годы, а в этот раз не узнали меня. Ну и слава богу! Он будет, в таком случае, говорить свободнее и честнее. Интересно, проявится ли в его рассказах какая-то женщина?.. Будет ли его рассказ отягчен (или напротив — облегчен) любовью, которая, так или иначе, фигурирует во всех историях, услышанных мною в этом кафе от разных людей, которых эта самая любовь либо измутила, либо осчастливила.

— Я, можно сказать, — говорит Илья, — верой и правдой служил песне... как я ее понимаю, конечно... Чужеродное слово «бард» я бы заменил словом «песенник». Тут было бы что-то и национальное, и уважаемое. Вот как французы уважают своих шансонье. Осмысленное пение, а не тупая попса, понимаешь? — Он резко умолка-

ет и извиняется. — Что это я на ты перешел без позволения?.. Но, может, для удобства будем на ты?

— Да не вопрос, — отвечаю, — даже с удовольствием. Так ты про французских шансонье, значит? А наш самый популярный жанр — тоже вроде «шансон», в который ты ну никак не вписываешься?

Мой вопрос, конечно, носит провокационный характер, и я даже жалею, что эту тему затронул, так как вижу, что у честного песенника Ильи Темнова меняется лицо.

«Наш “шансон”, — догадываюсь я, — он ненавидит всем сердцем». Помолчав с минуту и сделав глоток коньяка, Илья говорит, кажется, главное, то, над чем думал и что сделал своим кредо.

— Древний философ Сенека однажды сказал: «Я никогда не стремился угождать массам. Потому что то, что нравится мне — непонятно массам, а то, что нравится массам — непонятно мне». Вот и мне, — продолжает он, — непонятно, как могут нравиться звезды, как они себя именуют, «шансона» с их примитивными текстами и еще более примитивными мелодиями. Эти чудесные ребята, типа какого-нибудь Гордея Залетного или Васи Кромешного.

— Но массам... — довожу я до окончательного вывода его философию.

— Ну да, конечно... И мне лично очень интересно было бы понять, почему русский шансон выступает в Кремлевском дворце съездов, а французский — в скромной «Олимпии». И массам, разумеется, нравится, — продолжает Илья с каким-то злым удовольствием. — Вот почему я не с массами, а здесь. С теми, со всеми, не могу, хоть и звали не раз. Что-то внутри не дает, не пускает... Вот недавно, — смеется он, — предложили поучаствовать в одной программе. Приятель, мой бывший поклонник, задумал крутейший проект. Покруче, чем наш «шансон». «Что ты, — говорит, — сидишь в своем ресторане, мурлыкаешь для двух десятков почитателей песенки свои заумные. А мы такое замутим, что от концертов отбоя не будет, стадионы пойдут! Такие бабки будем стричь, что весь наш “шансон” обзавидует. Знаешь, как назовем?» — Ну и как? — спрашиваю без интереса, так как уже заранее решил отказать. — «Песни десантников и цыган», — победно восклицает мой бедовый приятель-предприниматель.

— И что у них общего? — спрашиваю. Стараюсь не смеяться.

— У кого?

— Ну, у десантников и цыган?

— Как что? Не понимаешь? Нет? Думай! Удаль, блин, понял?! Вольница! Душа нараспашку!

— И цыгане на парашютах с гитарами... — подкалываю я приятеля своего. Но он серьезен.

— Надо будет — и клип снимем с цыганами-парашютистами. Ну вот, понимаешь, Алексей, ну как мне с ними? Совсем не по дороге, ты же видишь...

— А здесь?

— А здесь два-три десятка человек. Знают, куда пришли, зачем, что услышат. Они меня понимают. А я — их! И нормально!.. На жизнь хватает. И на выпивку тоже. И не дергаюсь больше по жизни, — вроде как подытоживает Илья, но я вижу все же в его глазах и слышу в интонации ледяную тоску по несбывшимся мечтам и, выражаясь пафосно, растоптанным идеалам.

Он давно уже пережил крушение надежд, однако чувствуется, что шрамы от этой раны затянулись еще не совсем.

— А хочешь, я тебе сейчас спою, — вдруг предлагает он, — одну из своих любимых, из тех, с которыми начинал. Хочешь? Музыка моя, стихи Гумилева...

— «Жирафа»? — раскалываюсь я, обнаруживая перед ним то, что хотел скрыть, то, что мы давно знакомы.

Но он, не обращая на это внимания, идет на крохотную эстрадку этого ресторана. Там на подставке его гитара. Он ее берет в руки и склоняется к микрофону. Собравшиеся видят это и одобительно аплодируют.

— По просьбе нашего дорогого гостя, — пародирует он манеру ресторанных лабухов и, построив гитару, начинает петь.

«Сегодня особенно грустен твой взгляд, и руки особенно тонки, колени обняв. Послушай, далеко у озера Чад изысканный бродит жираф». Он поет именно эти стихи Н. Гумилева. Поет превосходно, как и тогда, в ту пору, когда я с ним познакомился в первый раз. Он не потерял ни голоса, ни таланта. К тому же Илья снабдил эти стихи, эти шикарные, что и говорить, слова, очень правильной мелодией, которая подчеркивала очарование этих слов. Получился в результате отличный романс. Он молодец! Все на его прежнем уровне, а может, даже и лучше.

— Ну скажите мне теперь, — говорит Илья и вновь садится к моему столику, сопровождаемый аплодисментами посетителей, — скажите, ну кому такое нужно на стадионе или, скажем, в «Олимпийском»?

— Да никому, конечно, — соглашаюсь я.

— Вот-вот... А видел, как они, — он кивает головой в сторону ресторанный аудитории, — слушают? Видел? Никто даже вилок не звякнул. А как хлопали! Вот потому-то я здесь и пою, как говорится, скромненько, но зато с удовольствием.

У него сейчас уже нет тоски в глазах, и я его с этим мысленно поздравляю; с сочинением и исполнением этого романса сегодня. Как-то сразу и рельефно обрисовался смысл жизни Ильи Темнова.

— Давай, за тебя, — поднимаю я рюмку с коньяком. — За талант твой, который ты ухитрился сохранить, несмотря ни на что! Давай! Я серьезно.

— Романс этот, — говорит он, слегка смущенный моим пылким тостом, — вообще бы не случился, если бы не одна девушка...

«Оп-па! — тихо радуюсь я про себя. — Вот наконец и она!» Жждались! Без женщины, без любовной тематики мы же никак не можем. Так что вновь вперед, на привычную любовную трассу, точнее, на эту проторенную лирическую тропу, пока она не заросла бурьяном ревности, измен и скандалов.

— Ну-ка, ну-ка, — поощряю я Илью к продолжению, — давай-ка об этом поподробнее. Как звали? Кто она?

— Юля, — охотно соглашается он на то, чтобы рассказать. — Юля Быстрова... Романс — это позднее. А вообще-то именно она меня и познакомила со стихами Гумилева. И не только... Я ведь тогда полным невеждой был. А она боролась... с моей безграмотностью. — Он замолкает.

— Ну? Ну и где же она теперь? То есть тогда и все? И больше никогда?

— Ну почему «никогда»? Хотя... может, и никогда...

— Как это?

— Да вот так. Может, больше и не встретимся с ней.

Он вздыхает и опять замолкает. Загрустил. Потом сам себе налил коньяк, спросив «можно?».

— Да конечно можно. — Я тоже помолчал, потом спросил: — Не расскажешь?

— Долго рассказывать, — отозвался он, впрочем, не отказываясь.

— А мы разве торопимся? — приободрил я Илью.

А он, наверное, желал втайне высказаться, рассказать все равно кому, любому первому встречному, но все-таки хоть немного подходящему, достойному. И я оказался в этом смысле очень кстати, я подходил Илье в качестве компетентного, как он надеялся, слушателя. Видно, на лице у меня написано, что я тут регулярно и тер-

пеливо выслушиваю исповедальные истории. И он начал...

— Я был тогда то ли в зените славы, то ли в апогее популярности — хрен ее знает... Концерты, гастролы, чуть ли не двадцать штук в месяц. И пить я начал тогда страшно — запой за запоем. Чес, помню, был по Дальнему Востоку. Кто-то из команды шутил: «Дальний восторг»... Да какой там восторг! Все будто взбесились с алкоголем, концерты вытягивали с трудом. — Илья неожиданно засмеялся. — С японцами, помню, познакомились. Они балдели от моей музыки и от того, сколько мы можем выпить. Удивляться не переставали от общения с нами и от того, что видели вокруг. Помню, директор мой тогдашний Яшка Шляпман заметил: «Чем ближе японцы приближаются к нашим границам, тем более когда пересекают ее и углубляются в нашу территорию, тем больше округляются их узкие глаза, потому что таких чудес они еще никогда не видели. — Илья снова засмеялся: — Тонкое, однако, замечание. А если бы еще подальше зашли, глаза бы у них вообще стали квадратными.

— Так они и зашли, — говорю я, — и ничего, обошлось. Адаптировались, привыкли, язык русский выучили, торгуют здесь вовсю.

— И со мной, — подхватил Илья, — они ухитрились проводить время с пользой. Даже записывали что-то, когда вместе сидели в ресторане после концерта моего. Их больше всего интересовало содержание песен и сколько я могу выпить водки этим вечером. А мог я много... И глаза у них все больше округлялись. Уже грамм пятьсот были позади, а я все еще держался и беседу поддерживал. Они сами почти все понимали, и еще переводчик у них был — Тосиро, тезка их знаменитого киноактера. Потом я что-то пожаловался, что голос теряю. Перетрудился. Перебор с концертами. Не знаю, говорю, как завтра буду выступать, голос совсем садится. А мой соло-гитарист Славка Семин, вкладывая в рот шпроту, задумчиво так, сказал:

— Да, проблема... Придется петь душой...

— Что? Что? — не поняли японцы.

— Это значит сердечно, всем сердцем, душевно...

Но они все равно не поняли. И тогда я там, прямо за столом, без всякого аккомпанемента, тихо-претихо спел, скорее даже, проговорил своего «Жиrafa». То есть я им тогда как мог показал, что значит петь душой. Они снова не поняли, но что-то тем не менее почувствовали.

— Да, — говорю, — японцы в зачет не идут. И тогда не шли, хотя и полюбили потом русские пес-

ни. У тебя, помню, было тогда совершенно убийственное воздействие на женщин. «Жираф» твой всех их буквально парализовывал.

— А-а, да брось ты, — отмахнулся Илья, — я тогда его редко пел. А что дамы впадали в какой-то транс под воздействием песен, меня самого сначала удивляло, потом забавляло, а потом я этим стал беспардонно пользоваться... Мерзость! Теперь стыдно...

— Да? — якобы удивляюсь я. — Почему?

Я понимаю, почему стыдно, однако мне хочется именно от него услышать ответ, чтобы разобраться в этом бесчестном механизме гитарного обольщения. Илья ведется на мое живое любопытство и отвечает. Видно, он и сам хотел бы дописать и поставить точку в той позорной странице своей биографии, когда так цинично пользовался своим талантом для обольщения романтических девушек с открытым, понимаете ли, для большой любви сердцем.

— Стыдно, — говорит он, — что я тогда все, чем обладал, что умел — пропил и протрахал... Никаких, знаешь, усилий! Я никого не клеил. Меня клеили. Но временами я все же... В чужой компании, если там сидели те, кто меня знал, и если там была какая-нибудь, кто нравился, я выжидал время и если видел, что разговор и мои шутки на нее не действуют, выкладывал последний козырь: брал гитару и что-нибудь поэтичное исполнял, глядя прямо на нее. Беспроегрышный был ход! И бесовестный! Никогда, знаешь, не подводил. Она смущалась, отводила глаза, понимала, что за ней пошла охота, но не сопротивлялась, и утром мы просыпались вместе... — Илья поморщился. — Стыдно и даже подло воспользоваться таким оружием массового поражения, которым я владел тогда. Ведь смотри, мастерам спорта по боксу или там по боям без правил просто запрещено пользоваться своим умением в уличной драке, в стычках с простыми людьми. Вот так и со мной, потому что я пользовался, да еще как! — Илья опять поморщился, даже сказал «тьфу» и обругал себя, добавив: — Певучий козел!

— По чуть-чуть? — спрашиваю я, беря графинчик с коньяком.

— Не, лучше потом, у меня ведь сейчас программа. Сейчас, — вдруг усмехается он, — такое оружие теряет силу. Остается у считанных людей. А недавно вообще по телику увидел, что оказывается, существует теперь чемпионат по игре на воображаемой гитаре! Нет, ты представляешь! На воображаемой (!) гитаре! То есть звучит фанера, а парень на сцене якобы берет аккорды и якобы перебирает струны. Он якобы

виртуоз! С ума сойти! И он такими вот финтами, ни черта не умея, действует на женскую аудиторию?! Хотя... время изменилось. Может, и действует...

— Да ведь и девушки другие, — развиваю я его мысль. — Теперь черт знает что их может увлечь.

Мы молчим.

— Ну а Юля-то твоя что? — возвращаю я его к генеральной женской линии в его жизни, потому что именно так о ней он начал говорить.

Илья невесело так на меня смотрит и говорит:

— Все-таки выпью сейчас рюмку. Наверное, не повредит.

Мы выпиваем немного, грамм по сорок, и он тихо говорит, почти как поет этот прозаический пассаж: «Она ходила по улице, лежала в постели и не знала, что судьба в моем лице уже на пороге».

Он улыбается своим воспоминаниям и помещивает ложечкой кофе. Через минуту выясняется, что воспоминания уводят его в сторону от главной женщины. Престарелый бабник, но все-таки бабник, так как бабники, как и разведчики, бывшими не бывают, он вспоминает и других покоренных женщин, разных размеров и мастей, некоторые свои скоротечные романы, имена девушек, их манеры и способы ему понравиться. Он медлит с рассказом о своей Юлии, оставляя его, видимо, на десерт. Его устные мемуары замечательны своей острой наблюдательностью и юмором. Я отмечаю про себя лишь некоторые эпизоды, вероятно, с намерением использовать их впредь в своих прозаических опытах. Да что там намерение! Вот, уже использую.

Например, он вспоминает одну свою восточную любовницу с каким-то танцевальным именем Джалала. Она, говорит, обладала какой-то феноменальной способностью к терпению, прощению и деликатной предупредительности. Поэтому он долго с ней был, месяца три. Илья иронично хмыкает. Вероятно, по отношению к себе и тогдашнему своему представлению о том, что такое «долго». Остальные, стало быть, покороче.

У Ильи особенная, только ему свойственная память о девушке по имени Джалала. Не просто фрагмент мемуарного рассказа, а с попыткой философского обобщения. Он не просто говорит сейчас, он ее вспоминает с нежностью и благодарностью.

— Однажды лежу дома на диване, задремал и проснулся вдруг от громкого стука каблуков, от наглых таких шагов. Входит моя восточная красавица, ласково смотрит. А я недоволен. Упрекаю: как громко твои туфли стучат. Разбудила. И знаешь, что она ответила? Отпад! «Это специально,

чтобы было слышно, как я иду. На всякий случай. Смотри, я пришла домой и ничего плохого не застала — ни лишнего телефонного разговора, который мне не нужно слышать, ни секретов каких-нибудь».

Ты, Алексей, встречал когда-нибудь такую тактичность?! А?! Такую нечеловеческую деликатность?

Я признаю, что не доводилось.

— Вот! То-то и оно! — удовлетворенно констатирует Илья. — И еще, знаешь, у моей Джалалы была своя жизненная установка, своя концепция по поводу взаимоотношений мужчины и женщины, свое представление о любви. Как-то я с ней заговорил об этом, спросил, отчего она такая терпеливая и нетребовательная. Откуда? Воспитание или что-то еще?

А она очень серьезно отвечает: «Я много думала об этом. И уверена, что настоящая любовь, большая, даже не нуждается во взаимности. Ты любишь человека, и это твоё личное дело. Ты хочешь, чтобы любимому было хорошо, и это главное. Если ему когда-то вдруг хорошо без тебя... что ж, пусть так, не доставай его. Тебе нравится не брать, а давать, ну так и давай. А если хочешь что-то получать взамен — я тебе, ты мне... Это уже похоже на бизнес. Может, это и не так, но я так думаю и живу так. И так живу с тобой...»

Илья замолкает.

— И что, — спрашиваю, — все равно расстались? Отчего?

— А ты что, сам не понимаешь?

— Нет.

— Слишком безупречно — это тоже плохо. Помнишь анекдот про любовника, спрятанного от пришедшего мужа в парфюмерный шкаф?

Я помню этот бородатый анекдот, старше которого только на скальная пещерная живопись, но вру, что не знаю, так как хочу, чтобы он рассказал и связал анекдот с брошенной восточной девушкой.

— Ну как же! — с удовольствием излагает он финал анекдота. — Через два часа терпеливого ожидания среди парфюмерных ароматов — а муж все не уходил никуда — он выпал из этого шкафа с мольбой: «Дайте быстро кусочек говна, я больше не могу!» То есть что получается? Такое количество хорошего, в таком объеме становится невыносимым. Вот мы и расстались. А она на прощание только улыбнулась и, изо всех сил сдерживая слезы, чтобы меня не огорчить (!), лишь повторила свою жизненную установку: «Если тебе без меня будет хорошо, то и мне от этого будет хорошо». И добавила, отвернувшись: «Только немного

позже...» Удивительная она, эта Джалала, — завершил Илья свой рассказ о той своей давней любви — ее и не любви — его. — Ох! Сколько же их было! — устало хвастается он.

Даже нельзя сказать, что хвастается, скорее, вспоминает о своих покинутых женщинах как о грехах, которые хочется отнести к банальным ошибкам молодости и забыть, но все никак не получается, потому что распылять свой дар на случайные связи и мелкие победы, как он все время делал в те годы, — это так же глупо и недостойно, как использовать лазер для открывания пивной бутылки. Этот диагноз Илья вот теперь беспощадно ставит сам себе.

— Пошляк! Самовлюбленный пошляк! Вот кем я был тогда. Ведь пошлость что такое? Это своего рода коктейль из банальной амбициозной глупости и плохого вкуса человека, который использует плохой вкус тех, кто его слушает, и тех женщин, которые от него без ума, от его так называемых фанаток, мечтающих о близости с ним.

Илья смотрит на часы. Говорит:

— Выступить через двадцать минут. В песнях своих я еще как-то держался... А в жизни... А-а, черт! Вспомнить противно!

— Успех развращает, — уточняю я. — Тот самый вкус начинает тебе изменять, да?

— А знаешь, что сказал об этом знаменитый и избалованный успехом Версаче? Идол моды, которому поклонялись все бабы планеты?

— И что? — с живым любопытством спрашиваю я, потрясенный широтой интересов моего собеседника.

— Он сказал так: «Стать знаменитым — значит потерять перспективу». Вот я ее и потерял, — резюмирует Илья эту часть нашего диалога, а скорее, своего монолога. — И довольно быстро...

Я сижу рядом с человеком, который в полной мере испытал то, что называют «медными трубами», и их оглушающий рев лишил его способности воспринимать музыку в себе и отделять ее от сопутствующего мусора, от очевидно дурного.

— О! Это все такой был соблазн! — вздыхает Илья, не оправдывая себя, но как бы огорчаясь. — Владеть трехтысячным залом, ощущать, что сейчас ты с этими людьми можешь делать что угодно! Они все по-собачьи преданно будут смотреть тебе в глаза, и почти каждая женщина в зале готова отдаться тебе хоть сейчас, в твоей артистической комнате! О-о-о! Это особое состояние, эйфория! Власть! Это, знаешь ли, заблудившееся сознание всех наших поп-звезд, которые сразу начинают себя считать именно что звездами. А по-настоя-

щему, все они в это время — обыкновенные плебеи... И я тогда в их числе! Получили эту недолгую власть и думаем: вот она, слава! А это не слава, а обыкновенная популярность, и не фиг ее переоценивать!

— Да пусть будет такая эйфория! — встаю я на защиту поп- и бард-звезд. — Пусть будет эта короткая радость, будет потом что вспомнить!

— Нет! — вдруг яростно возражает Илья. — Нет так! Все они в одночасье начинают чувствовать себя звездами и соответственно себя вести. Потом вдруг их перестают снимать и приглашать. И в окружающем большом мире выясняется, что они, в сущности, — никто и ничто. Но они же привыкли, что они — звезды! И это — психологическая травма, понимаешь! — почти кричит Илья о передуманном и выстраданном. — Можно сломаться! Разочарование, злоба! Винаваты все вокруг, а не ты сам. Мол, все эти идиоты меня не ценят, не видят, какой я гениальный! И еще — болезненная зависть к пробившимся новым, которым, как они думают, просто больше повезло, или у них «папа», или деньги на раскрутку, на клипы кто-то дал! А-а! Словом, как только возникают «медные трубы», надо немедленно покупать беруши, затыкать уши и беречь себя от этих «труб» и фанфар. У меня не очень-то вышло... Но, может быть, хотя бы сейчас, когда ушел из этого духового «оркестра», все пойдет правильно...

— Дай-то бог, — поддерживаю я Илью.

Что-то мне подсказывает, что он нуждается в моей поддержке и сочувствии. Совершенно искренне я желаю второй жизни и ему, и его песням.

А дальше он закрывает женскую тему в нашем разговоре. За исключением короткого рассказа о его главной даме сердца — Юле. Но закрывает почти мистически. В том смысле, что он был прощен за свои грехи самими же женщинами, с которыми, в чем он и раскаивался, поступил подло и эгоистично.

Оказалось, что когда он слег в больницу на операцию с сердцем, ему ни с того ни с сего позвонили все его бабы («бабы» — это именно он так сказал); все его бабы последних лет. Он выкарабкался в жизнь, и они вдруг все ему позвонили, и кто-то пришел навестить. Некоторые не звонили давно, а кое-кто — вообще никогда. А тут почему-то позвонили. Не знали об операции, а все равно позвонили и пришли.

Тут Илья отвернулся и заплакал, хотя я видел, он и не хотел. Этот рассказ о странных продолжающихся и после разлук связей с его женщинами был доказательством того, что все они его простили и продолжали любить. И то, за что он сейчас себя

так безжалостно казнит, может теперь отпустить его с миром. Он зла после себя не оставил.

И все же приходит пора вернуться к его Юле и понять, почему она — самая-самая значимая в его жизни. И хотя до выхода на площадку остается всего пять минут, Илью это не останавливает. Он так и говорит:

— Что Юля... Все с ней просто, потому и коротко... Я успею.

Однако без предисловия, преамбулы своего рода, он все равно не обошелся. Вероятно, для того, чтобы противопоставить свою Юлю всему остальному женскому племени.

— Вот, — говорит Илья, — смотри. Мы обычно разговариваем с женщинами, иногда спорим как с равноценными партнерами по дискуссии. А там обыкновенная логика не работает. Там, у них, совсем другая логика и другая система ценностей, которую мы считаем мелочью и суетой. Причина многих ссор и даже разлук — ошибка с нашей стороны. Мы приводим какие-то разумные доводы, говорим двадцать минут, а она все это время думает, как выглядит, стоя к нему в профиль.. Мы подходим к ним со своими мерками, что совершенно неверно.

Он делает грамотную паузу, чтобы уже непосредственно перейти к Юле и ее отличию от всех других женщин.

— Так вот, — продолжает он со своей обычной иронией, — удивительно то, что она абсолютно соответствовала нашей, мужской логике. Любые ее аргументы в спорах или разговорах были убедительными и жесткими. По интеллекту, образованности она превосходила всех окружающих мужиков. И даже на поле юмора она заставляла всех признанных мастеров жанра смириться с постыдным поражением. А если еще учесть, что она была красавицей, самим своим существованием опровергающей штампованное утверждение о том, что красавицы, как правило, дуры, то поражение в правах любых мужчин, вступающих с ней в какой-то спор, было для них особенно обидным. В правах, которые, как они считали, принадлежат исключительно им. Считали это незбылемым, не подлежащим сомнению. Интеллектуальный, да еще и с убийственным юмором разгром на собственном поле — представляешь, как это было унижительно для сильного пола.

— Представляю, — говорю я, так как однажды испытал нечто похожее. Но это уже другая история, а речь сейчас не обо мне.

— И вот такое совершенство, — продолжает Илья Темнов, знаток женской психологии и в ту пору записной сердцеед, — ухитрилось в меня

влюбиться. До сих пор могу только догадываться, почему... Вот как мой гитарист сказал, когда я количеством концертов посадил голос: «Придется петь душой». Вот ее, наверное, при всей ее красоте и уме привлекло мое песенное и стихотворное воплощение души, то есть то, чего ей, наверное, недоставало для полной гармонии. Она никогда не давила, только советовала. Мягко, никак не навязывая своего мнения. Мягко познакомила меня с чудесной поэзией. Чтобы стихийный, так сказать, мой талант (тут Илья хмыкнул, обозначая сарказм по отношению к себе) направить в благородное русло, в правильном, понимаешь ли, направлении. Ой, там был не только Гумилев, но и Бунин, и Волошин, и Арсений Тарковский, и еще многие, все те, в ком сегодняшняя публика не особо нуждается. Но я на это гуманитарное образование повелся, ступив тем самым на тропу, которая отделяет от народа и обозначается им же как «кино не для всех».

Эх! Да что там говорить! Ступил на эту тропу, решил, ну так иди и не ной, что меньше денег и меньше популярности. Юленька моя поводом оказалась в элитарную изоляцию. Бунин и романсы на его стихи нужны нашему народу... — Тут Илья замолчал, подыскивая какое-нибудь свежее, не избитое сравнение, и нашел: — ...как пирожное «тирамису» — голодному медведю. Она все время твердила, что все у меня будет хорошо, что я иду верной дорогой, что все у меня будет и все исполнится. А ничего не исполнялось и не приходило! Она своим умильным оптимизмом просто убивала меня. Я начал сильно пить, попадал в дикие запои, а она молчала. Даже не упрекнула ни разу, а только смотрела на меня грустными своими глазами, молчала и странно улыбалась. Это еще больше меня бесило, и я начинал возражать ей, хотя она и не говорила ничего. Скандалил... Ты не знаешь, кричал я ей в лицо, все ты знаешь, на все вопросы можешь ответить, но ты не знаешь и никогда не узнаешь одного: как и почему пьяницы сочиняют стихи и песни и почему у них получается! И еще — почему у них такое обостренное чувство юмора. А-а! — отмахнулся Илья от своих же вопросов. — Да я и сам до сих пор не знаю... — Он посмотрел в зал, потом на часы. — Ну все, пора идти выступать. Ты посидишь? Подождешь меня?

— Да ты что? Я с удовольствием тебя послушаю!

— Лады... — сказал Илья и пошел к своей маленькой сцене. Но, отойдя на несколько шагов, обернулся и добавил к своему рассказу объяснение, почему он расстался со своей, пожалуй, единственной и по-настоящему любимой Юлей. — Знаешь, как-то один из лучших наших юмористов

заметил, что на Руси одним из самых тяжелых оскорблений считались слова «больно умный». Тонкое замечание. Вот и мой несовершенный организм не смог вынести того, что она настолько лучше и чище меня. Вот так...

Под аплодисменты зала Илья взобрался на крохотную эстрадку и взял с подставки свою гитару.

Его зал, его немногочисленная аудитория, конечно же, совпадала с ним по вкусу, и приоритеты — что у солиста, что у его публики — были одни и те же. Осмысленное пение, базирующееся на высококлассной поэзии, составляло основную, базовую часть его концерта. Не обошлось и без заявки на его «Жирафа», всеми любимый «хит», хотя сам Илья Темнов не выносил этой сегодняшней попсовой терминологии. Записка с этой заявкой несколько смутила его. Что-то в записке показалось ему знакомым — то ли почерк, то ли манера обращения... Он ответил, что, дескать, уже исполнил это в начале вечера, еще до концерта. Но кто-то из публики крикнул с места:

— Ну, это вы пели для вашего товарища за столиком. А многие в то время еще не подошли. Так что, если можно, извольте исполнить. Пожалуйста!

Илья усмехнулся и «изволил». Спел, надо сказать, еще лучше, чем в первый раз. Как-то по-особенному проникновенно и нежно. Может, записка с заявкой повлияла на него особенно. И весь его микроконцерт прошел блестяще. Настроение у него соответствующее появилось после нашего разговора, после этого погружения в прошлое, или еще что-то — не знаю, но было здорово.

Илья, вполне довольный своим выступлением, вернулся за наш столик и сказал:

— Вот теперь можно и выпить.

Налил себе полстакана коньяка и выпил одним глотком.

— Поздравляю тебя, — совершенно искренне сказал я и протянул ему руку, — ты вообще форму не потерял, знаешь. А некоторые свои вещи спел даже лучше, чем тогда, в те годы... Годы расцвета, как принято говорить.

Он засмеялся и, потом, пожимая мне руку, мрачно пошутил:

— Или заката... Кто теперь поймет...

Рука его в этот раз оказалась совсем другой — не такой, когда начинался наш вечер воспоминаний, а, напротив, сухой, теплой и крепкой.

— Это ты меня завел сегодня, — сказал он, — и записка... Знаешь, бывают такие моменты, когда ты чувствуешь, что не зря поешь, не зря живешь...

— Знаю, — говорю я, — и у меня было два-три таких момента в жизни.

И тут мы оба видим, что через весь зал к нашему столику направляется улыбающийся метрдотель, а в руках у него... огромный, под два метра, надувной жираф... Жираф был большой и смешной, но с грустными глазами и странноватой ухмылкой на морде. Вроде как специально был выбран именно такой, отражающий суть характера того, кому предназначался.

— Кто?! Где?! — закричал Илья и бросился к выходу. Через полминуты вернулся, растерянный.

— Она передала это и сразу уехала на машине, — пояснил метрдотель.

— Ничего не просила сказать, передать на словах?

— Да вроде... А-а, нет, сказала, что там еще записка для вас.

— Какая? Где?! — всполошился Илья.

— Да вот, между рожками...

Действительно, на лбу жирафа, между рожками, был приклеен небольшой листочек. Илья схватил листок, стал читать, и лицо его начало расплываться в сплошную улыбку. Все лицо превратилось в улыбку! Он дочитал и доверил записку мне. Я прочел:

«Он всегда с тобой... и я...»

— Стало быть, и я у нее — единственный, — еле слышно прошептал Илья.

— Красиво, — отозвался я.

— Еще бы, — ответил он. Потом продолжил дрогнувшим слегка голосом: — Она опять опередила меня. Два года я хотел ее вернуть, найти. Она нашла первая...

Илья легко вздохнул, а потом обнял за длинную шею и поцеловал в нос своего надувного жирафа.

Андрей ИВАНОВ

Продолжение. Начало в № 4 за 2019 год

УДАР ДЕШАПЕЛЯ

Рисунок Марины Медведевой

РУССКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ

1

14:10. Прозвенел звонок, сигнал об окончании последнего урока.

Обычно я немного заранее укладывал вещи в портфель, чтобы в нужный момент не терять ни секунды. Никого более не слыша и ничего не замечая, я схватил портфель и кинулся к двери.

Вперед по коридору, а затем прыжками вниз по лестнице! Вестибюль был пуст — я, как всегда, первый. И скорее на выход! Я покидал и на время забывал мир школы и устремлялся во Дворец пионеров на Ленинских горах, где меня ждали чудеса и приключения.

Через пару минут я уже звонил в дверь нашей квартиры. Бабушка ее открыла, на столе стоял обед. В бешеном темпе я проглотил несколько ложек супа и выпил чашку киселя.

В 14:20 я выбежал из дома в направлении станции. Электричка пришла в 14:24, и я успел! Двенадцать минут езды до Савеловского вокзала, и бег продолжился. Короткая очередь на маршрутное такси быстро растаяла, а значит, через семь минут я буду в метро.

В вагоне можно перевести дух. Четыре станции по кольцу до «Парка культуры», и там еще три — «Фрунзенская», «Спортивная», «Ленинские

горы». Занятие начнется в 15:00, и я мысленно отметил этот момент («началось»).

Переход на станции «Парк культуры», который для меня стал очередной перебежкой. Я занял позицию у первого вагона. Часы у въезда в туннель показали 15:06. Поезд остановился и вскоре тронулся в путь.

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Ленинские горы!»». Услышав эти слова, я развернулся, чтобы направиться к дверям. Вдруг мимо меня промчался Антон Штельтер, худой и высокий юноша в очках и с короткой стрижкой. Он не заметил меня и что-то бормотал. Прислушавшись, я понял, что он вслух считает варианты. Штельтер был самым сильным из нас и не занимался в нашей группе.

Поезд начал движение, разогнался, затем замедлил ход и вынырнул из-под земли. Мы над Москвой-рекой!

Я смотрел Антону в затылок. Понимая, что он не будет рад общению, я просто обогнал его после выхода из вагона и начал последний забег — вначале по прямой, на открытом воздухе — направо, затем налево и вверх по эскалатору. Я бежал по ступенькам что было сил и стал мокрым от пота.

Штельтер отстал, а мне предстояло перейти через широкую дорогу, преодолеть короткое

расстояние по тротуару и сбежать вниз по длинной и крутой лестнице.

Специализированная детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва — так называлась организация, где я занимался шахматами. При входе в здание я порой испытывал неловкое чувство, памятуя об одном случае. Однажды я прошел через входную дверь, не думая ни о чем, кроме шахмат, и не уступив дорогу нашему уважаемому тренеру — ветерану Великой Отечественной войны Юрию Мефодьевичу Зирко. Получилось, что мы одновременно протиснулись сквозь узкую дверь, и тренер укоризненно произнес: «Ты что, не знаешь, что нужно дорогу уступить?»

К счастью, вскоре возникла та же ситуация, и я пропустил тренера. Он вошел в здание широким шагом и всем своим видом выразил удовлетворение прогрессом в моем воспитании. Однако осадок все же остался, и случай тот я помню всю жизнь.

Я сдал куртку в гардероб и, усталый от бега, стал подниматься по ступенькам. На втором этаже располагался морской клуб, к которому я хотел присмотреться и никак не находил времени. Юноша-морячок сидел на стульчике и драил какую-то гильзу наждачной бумагой.

И вот я в нашей секции. В большой прихожей стояли шахматные столы с фигурами, на стене висели портреты всех чемпионов мира — от Стейница до Карпова. В школе было тихо, и лишь с улицы доносились звуки репетиции конкурса строя и песни.

Я не постучал в дверь комнаты, в которой проходило занятие по теории. Стук отвлек бы шахматистов от дела, а я хотел остаться незамеченным.

Впрочем, это было невозможно. Ко мне повернулись головы, и я сел за крайний стол. В тот осенний день я опоздал на двадцать две минуты.

Юрий Мефодьевич показывал партию Рагозин — Левенфиш, сопровождая ее обстоятельными комментариями. Он указывал на ошибки и неточности в игре и предлагал верные планы. Ученики сидели молча, вопросов не задавали. Однако они любили пошепаться и порой передразнить тренера.

— Е-дэ, едят, — слегка шутил Юрий Мефодьевич, говоря о взятии пешки другой пешкой.

— Цэ-дэ, цедят, — в рифму, хотя и с неправильным ударением, тихо произнес пересмешник Гена Плисецкий, худенький темноволосый мальчик с аккуратненькой челкой, и слышавшие его реплику приглушенно захихикали.

Гена станет первоклассным блицором и будет играть на деньги, но это случится позднее. Вообще, в секции любили пятиминутки. Юрий Мефодьевич проводил блицтурниры по воскресеньям и сам с удовольствием в них участвовал. Мне удалось набрать большую силу в такой игре, порой я ставил мат самому тренеру. Он немного сердился и придирался к тому, что я перемещаю фигуры слишком резкими движениями.

Я увидел лишь половину партии Рагозин — Левенфиш. Обычно Юрий Мефодьевич показывал игру целиком, затем мы анализировали какой-нибудь эндшпиль, а в конце решали задачи и этюды.

Стол стоял в несколько рядов. Тренер сидел за столом у дальней стены, а с противоположной стороны комнаты находилась демонстрационная доска. Фигуры по доске двигал кто-либо из нас, но я этого никогда не делал из-за своих опозданий. В день теоретических занятий у меня было шесть уроков в школе.

После коневого эндшпиля, во время анализа которого я неудачно предложил перевести белого коня на активную, но бесполезную позицию на с6, мы наконец добрались до задачек. Их лучше всех решал Боря Яночкин, он был просто гением задач и этюдов. Его репутация в области композиции была безупречной.

Юрий Мефодьевич предлагал задачу, и мы накидывались на нее, стремясь опередить товарищей. Всякий нашедший решение писал его в тетрадке или на клочке бумаги и нес на проверку тренеру. Тот коротко отвечал, верное оно или нет.

Боря имел неслыханную привилегию. Он просто подавал устный сигнал о том, что нашел правильные ходы, и Юрий Мефодьевич верил ему на слово.

Любопытно, что в наших дворцовых турнирах Боря играл посредственно, но при решении шахматных задач его фантазия воспламенялась, и он быстро находил истину.

Я играл с ним один раз. Помнится, я провел выигрывающую комбинацию и завершил ее ходом слона (единственной оставшейся у меня фигуры), полностью парализовавшим коня соперника. В такой позиции другие бы еще сопротивлялись, но Боря немедленно сдался из уважения к моему замыслу.

После занятия мы обычно шли к метро компанией из пяти-шести человек. Перед входом на станцию стоял киоск мороженого, и мы покупали по пломбиру. Он представлял собой вафельный стаканчик по цене 19 копеек.

Все были голодные и быстро съедали свои порции. Говорили больше об игре в наших турнирах.

рах, чем о теории, и обсуждали важные события в мире шахмат. Были и другие темы, но осенью 1978 года всех волновал ход матча на первенство мира: Корчной оказывал Карпову самое упорное сопротивление.

Через день я играл с Юрием Князевым. Дела мои были хороши, и я должен был выполнить норму первого разряда. Перед партией Юрий — широколицый рыжий мальчик в очках — сказал мне, что вечером он пойдет на какое-то мероприятие во Дворце культуры ЗИЛ. На этом заводе работали его родители. Я понял, что ему нежелательно опоздать на мероприятие, и он хочет завершить партию как можно раньше. Разумеется, я не должен был принимать в расчет его желания.

Партия началась, игравший черными Юрий выбрал защиту Уфимцева. Я смотрел на его старенький свитер и думал: «Школьную форму бережет, переодевается перед игрой. Наверное, семья скромного достатка...» Сочувствие вместо спортивной злости — шахматы такого не прощают!

Первые ходы я сделал по Фишеру, но не нашел хорошего плана. Вскоре я остался без пешки.

Вдруг в игровой зал буквально ворвался взволнованный Юрий Мефодьевич и в нарушение правил соревнования громко объявил: «Корчной выиграл тридцать первую партию! Счет сравнялся — пять-пять!»

Теперь я понимаю, что он сделал это не без удовольствия. Тогда же я был поражен известием. Пока Юрий думал, я вышел в прихожую и посмотрел на портреты чемпионов мира. Молоденький Карпов улыбался мне из-под стекла и не подозревал, какие его ждут испытания. Я представил портрет Корчного рядом с ним... нет, этого не может быть!

Я потерял вторую, третью пешку, и моя позиция развалилась. Самое жалкое поражение. Теперь для завоевания первого разряда мне нужно было выиграть в последнем туре у грозного Егора Краснова, причем черными.

Напряженные дни! Я готовился к решающей игре и, как умел, боролся за честь советской шахматной школы, едва не подравшись с одноклассником, проявившим симпатии к Корчному.

Играли мы с Красновым в воскресенье. Егор дал мне построить пешечный центр, но умело его подорвал. Что и говорить, стратегически он мыслит лучше меня! Я использовал свой последний шанс и бросил вперед пехоту, прикрывавшую короля. Егор должен был отразить мою атаку двумя точными ходами, после чего я остался бы у разбитого корыта. Однако удача была на моей стороне — соперник оказался не на высоте положения.

Мой центр устоял, и атака стала неотразимой. Через несколько ходов все было кончено.

Егор пожал мне руку, поздравляя с победой. Следом он полез в карман, достал синий носовой платочек и заплакал. Чуть полноватый тринадцатилетний шахматный боец сидел на стуле, лил слезы и вытирал их платочком. Это выглядело как ритуал. Позднее я еще раз видел, как он оплакивал поражение. Впрочем, проигрывал он нечасто и постепенно стал вторым по силе членом секции после Антона Штельтера. А я стал перворазрядником и начал бороться за баллы кандидата в мастера.

Карпов выиграл тридцать вторую партию и сохранил звание чемпиона мира. Число портретов в прихожей шахматной секции осталось неизменным.

2

Обычно я езжу на связанные с трудоустройством собеседования общественным транспортом, но в тот день поехал на машине. Разговор с кадровиком потенциального работодателя показался мне неплохим, и я сел за руль окрыленный. Включив радио на спортивной волне, я прослушал выпуск новостей.

Одна из них была необычной. Речь шла об искусственном разуме. Ведущий сообщил, что интеллектуальная платформа «Айвенго» обыграла лучшую шахматную программу — чемпионку мира.

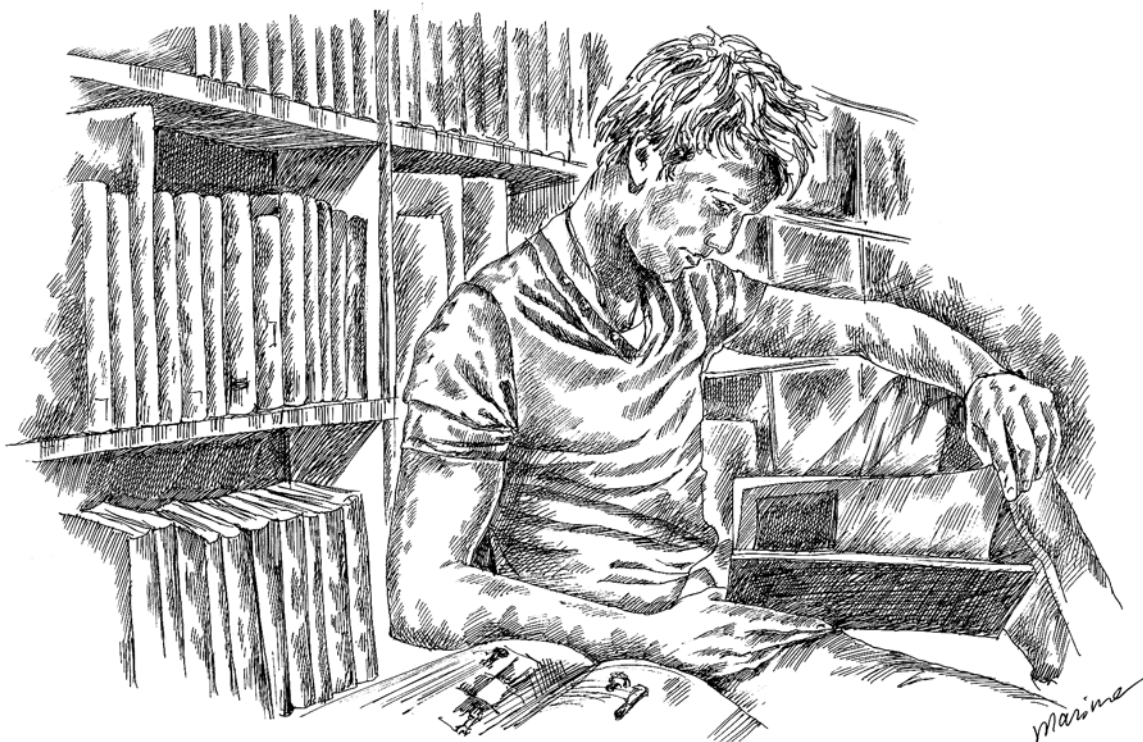
«Как интересно, — подумал я. — И какое название... "Айвенго"! Видно, создатели ее — люди с фантазией!»

Меня больше взволновала не сама новость, а свежая сила, исходящая от слова «шахматы». Я вдруг ощутил магию моей шахматной Атлантиды, обитателем которой я был. Она погибла, покинутая мною.

Прошло двадцать восемь лет со дня окончания последнего турнира, в котором я играл. Я прекратил посещать шахматную секцию, когда стал готовиться к поступлению в институт. Во время учебы в вузе я участвовал в командных соревнованиях, но и это прекратилось с началом взрослой жизни.

Думал ли я о шахматах все эти годы? Порой перед сном я мысленно передвигал фигурки, пока мозг не отключался. Однако подолгу я вообще не вспоминал, что есть такой вид человеческой деятельности — шахматы.

Прекратив ими заниматься, я сказал себе, что жизнь намного шире шахмат. Она хороша тем,

что в ней если и делаются ошибки, то их можно исправить. А в шахматах ошибки часто оказываются роковыми.

Страшно сказать, сколько событий шахматной жизни прошли мимо меня! Я помнил первые два матча Карпова и Каспарова, но за последующими их поединками уже не следил. Я пропустил момент смерти моего кумира Михаила Таля. Чемпионы от Крамника до Карлсена — незнакомые мне люди, равно как и шахматные королевы после утраты титула Майей Чибурданидзе. Я не знал о расколе шахматного мира и о том, что Каспаров проиграл матч компьютеру.

Услышав однажды о смерти Фишера, я был потрясен. Когда-то я зачитывался его книгой «Мои 60 памятных партий» и помнил наизусть все его интервью. Он был правителем моей шахматной Атлантиды и первым среди великих.

Новость о победе интеллектуальной платформы «Айвенго» будто пронзила меня током, но шок был недолгим. Жизнь продолжалась. Я искал работу и возлагал надежды на новую возможность.

Вакансия была привлекательной: отечественная фирма купила завод в Северной Америке и подбирала кадры. Я морально готовился ко второму собеседованию, слушал английскую речь и ждал звонков или электронных писем.

Не получив таковых, я написал тому самому кадровику. Ответа не последовало. Я понял, что напрасно ждал продолжения истории.

Был конец апреля. Мы с женой приехали на дачу открывать сезон. Часто бывало, что на свежем воздухе у меня происходила умственная перезагрузка: я по-другому начинал смотреть на знакомые предметы, а в голове сам собой рождался новый план.

Я механически делал рутинные работы, повторяющиеся каждый год, — сгребал листву, собирал упавшие ветки. Отлично помню все, что меня в тот момент окружало. Это был миг большого прозрения. Я понял, что нужно делать.

Шахматы! Не просто шахматы, а мои шахматы. Я найду свой путь в шахматной вселенной.

Это был момент переоценки вещей, дел и событий. Момент, когда малое становится большим, а большое малым. Проходит боль, и проясняется небо. И ты видишь на нем звезды.

Я вернусь в мир шахмат! Да, я это сделаю. И начну с понимания того, что я могу как игрок.

Являются ли шахматы моделью человеческой жизни, и помогает ли жизненный опыт за доской? Я утвердительно ответил на эти вопросы и собирался на деле доказать свою правоту.

Много лет назад я вывез на дачу шахматную литературу. Почти все, что осталось от моей не-

когда приличной библиотеки. Теперь я мысленно говорил «спасибо» покойному отцу, без усталости покупавшему для меня шахматные книги. Это были труды великих шахматистов, турнирные сборники и книги по психологии борьбы. В начале 1990-х годов я отдал за бесценно ряд отличных книг — увы, такое было время.

Я начал с того, что освежил в памяти историю шахматной культуры. Ящички памяти хранили сведения, которые я быстро активизировал. Затем я узнал о событиях в мире шахмат за три последние десятилетия и стал готовиться к возвращению в ряды действующих игроков.

Дома я отыскивал записи своих партий. Тетрадки школьных лет не сохранились, но я нашел десятки партий институтских времен. Некоторые записи в маленьких блокнотах делались чернильной ручкой и теперь едва читались.

Я начал анализировать свои игры тридцатилетней давности. Никогда я не испытывал такого душевного подъема и энтузиазма! В одной из книг я прочитал, что Осип Бернштейн не играл много лет, однако затем вернулся в большие шахматы и на равных сражался с Алехиным. Навык с годами не теряется! И я чувствовал, что все еще способен считать длинные варианты и находить оригинальные планы.

Я письменно комментировал партии и отмечал свои ошибки красным цветом. Тяжело в учении, легко в бою! Я готовился к новым битвам и уподоблял себя не Суворову, а Наполеону в 1814 году, считавшему, что он «нашел свои сапоги Итальянской кампании». Нет, мне не думалось о печальных финалах последних походов этих полководцев!

Я исписывал толстые тетради с верой в пользу этих занятий и свои шахматные силы. Анализируя, я видел много нового — того, что раньше пропустил. Я улучшил дебютный репертуар, добавив в него самые активные схемы. Я освежил в памяти второй том «Шахматного наследия А. А. Алехина» Александра Котова — в юности именно эта книга помогла мне освоить основные принципы позиционной игры.

Заглянув в Интернет, я узнал о доступных для меня турнирах. В Центральном доме шахматиста проводились мемориалы великих игроков, и я решил сыграть в одном из них.

Состав соревнования был смешанным — кандидаты в мастера, мастера, пара международных мастеров и даже один гроссмейстер. Хорошо выспавшись и испытывая историческое волнение, я направился в дом на Гоголевском бульваре.

Приятная неожиданность: я не был вычеркнут из рейтинг-листа Международной шахматной федерации, несмотря на свою многолетнюю пассивность. Я сделал турнирный взнос и вскоре узнал имя своего первого партнера. Точнее, партнерши: ею была девушка по имени Марианна.

Я начал неуверенно, и игравшая белыми Марианна захватила инициативу. Черные аккуратно защищались и нашли подходящий момент для контратаки. Марианна могла точной игрой лишить меня активных возможностей, но не стала заниматься профилактикой и позволила мне объявить вечный шах. Она не предлагала мира, а просто констатировала факт — ничья!

Так состоялось мое возвращение. В том турнире я набрал «плюс одно», то есть выиграл на одну партию больше, чем проиграл, а в следующем — «плюс два».

Вскоре я устроился на работу и уже не мог ходить на туры по вторникам и четвергам. Теперь я участвовал в воскресных открытых турнирах, где надо играть по две партии в день. Выйдя на уровень «плюс три», я взял небольшой денежный приз.

Превзойти этот результат мне долго не удавалось. С самого начала нового этапа моей шахматной активности я много размышлял о том, как добиться существенного прогресса в игре. Я прочитал, что многие шахматисты достигают рейтинга 2000 или 2100, но лишь восемь тысяч человек на нашей планете имеют рейтинг 2300 и выше.

Чем эти восемь тысяч отличаются от остальных? Я понимал, что дело здесь в первую очередь в глубине понимания шахматных проблем.

«Шахматист, как музыкант, должен иметь в кончиках пальцев чувство — какую фигуру, когда и на какое поле поставить», — говорил Сало Флор. Только и всего! Следует понимать, что делать и чего не делать.

Человеческий мозг ученые сравнивают с компьютером. В него как бы записываются программы. А в мозг шахматиста закладываются принципы игры и критерии оценки позиции на доске. У наиболее талантливых это происходит быстро, легко и как бы само собой, однако большинство шахматных тружеников лишь постепенно постигают закономерности игры на основе знаний и опыта.

Я начал формулировать эти принципы и критерии. Часть из них я просто перенимал у великих учителей, но что-то было и моим ноу-хау. Игра по центру, планомерность, взаимодействие фигур, контроль полей, на важность которого указывал Эмануил Ласкер. У Смыслова я учился стремлению к гармонии, у Карпова — взгляду на шахматные фигуры как на живые существа. Мои принци-

пы касались и общих представлений о шахматном творчестве, и психологии борьбы, и конкретных правил игры королем, ферзем, ладьями, слонами, конями и пешками. Я нашел сходство между игрой в шахматы и писательством: поиск хода, развивающего инициативу, сродни построению упругих и энергичных фраз. Многие великие шахматисты были писателями и журналистами.

Найти верный ход или план — все равно что придать красивое и перспективное направление своим мыслям. Сила и эстетика игры неразрывно связаны.

Я многое усвоил, но почему я все еще кандидат в мастера, а не гроссмейстер? Знаний много, а где результаты?

Прозреть мне помог выдающийся гроссмейстер Александр Белявский, поклонник античной литературы и классических историков. «Победа в сражении даруется бессмертными богами» — я почерпнул это из его книги. Именно так считали древние римляне.

По Белявскому, шахматист должен делать лучшие из возможных ходов, но исход поединка находится вне его воли и «в меньшей степени зависит от усилий игрока, чем это принято считать». А в шахматах как на войне, ведь это же военная игра!

Почему данная мысль важна? Такая психологическая установка меняет настрой шахматного бойца. Играй и не заботься об исходе партии. Твори, фантазируй, воображай! Получай удовольствие от игры!

Шахматы считаются спортом, наукой и искусством. Давно известный взгляд, в котором я не вижу никакого противоречия. А оно должно быть, если мы хотим постичь истину. Может быть, это противоречие увлекательной *игры*, которой всегда сопутствуют легкость, веселость и удовольствие, и *работы* с ее тяжеловесностью и скукой?

Человек знакомится с правилами шахмат как формы отдыха и источника радости. Однако чтобы побеждать, нужен труд. Оказывается, как говорил Сало Флор, для достижения прогресса в игре следует «проливать пот над шахматами». Вместо легкости — тяжесть: это первое отрицание.

Писателя не останавливает мысль о том, что до него написаны миллионы книг. У каждого свой путь в литературе. Шахматиста не смущает необъятность шахмат и высокое развитие теории.

Он идет уникальной тропой, ищет свою игру, свои дебюты, свои принципы. Он отстаивает и защищает эти принципы в упорной борьбе и выходит на новый уровень, обретая легкость. Это — второе отрицание.

Легкость — тяжесть — новая легкость. Я вспомнил кем-то написанные слова о молодом Александре Белявском. Он был подающим надежды гроссмейстером, но какое-то время находился в поиске своей игры. «Пока он мучительно работает, а не играет» — такой была оценка проницательного критика. В итоге Белявский обрел новую легкость и поднялся к вершинам шахматного олимпа.

Законы диалектики в действии! Единство и борьба противоположностей (легкость и тяжесть), переход количественных изменений в качественные при самосовершенствовании, отрицание отрицания (вновь обретенная легкость на более высокой стадии спиралевидного развития).

Я чувствовал, что в меня вселяется *шахматный дух* и я во власти Каиссы, волшебной шахматной музыки. Я понял, как важно добиться единства шахматной и психологической подготовки. Последняя не менее важна, чем чтение книг по стратегии.

Шахматист должен быть уверен в себе, иначе нет смысла садиться за доску. Стать раскованным игроком и ничего не бояться, блефовать и рисковать! Не перепроверять каждый ход по десять раз. Ошибки неизбежны, их делают даже великие. Осторожность не должна быть помехой свободному творчеству. Пусть в бою будет весело! Пройти через отрицание отрицания, обрести новую легкость и заиграть как гроссмейстер, не будучи гроссмейстером!

В самом деле, любой может обыграть любого. Известны случаи побед скромных по рейтингу и статусу игроков над чемпионами мира. И окажись я за доской с кем-то из великих, я буду играть без страха и упрека.

С таким настроем я начал выступление в очередном турнире и взял первый приз. Моя система принесла успех, я был на верном пути!

Я долго никому не проигрывал и набрал хорошую скорость, но вдруг мое движение замедлилось. Причиной были изменившиеся жизненные обстоятельства — работодатель стал посылать меня в дальние командировки по выходным дням.

Окончание следует.

Вячеслав МАЛЕЖИК

Вячеслав Малезик родился в 1947 году в Москве. После окончания школы поступил в Московский институт железнодорожного транспорта, где получил профессию инженера-электрика. Три года проработал во ВНИИ стандартизации младшим научным сотрудником, а в 1973 году ушел на профессиональную сцену. Работал в ВИА «Веселые ребята», «Голубые гитары», «Пламя» певцом и музыкантом. В 1986 году начал собственную артистическую карьеру, будучи лидером группы «Саквояж». Выпустил около тридцати сольных альбомов, являясь автором большого количества популярных песен, многие из которых, такие как «200 лет», «Черный рынок», «Мозаика», «Провинциалка», «Попутчица», «Ты мне нравишься», стали широко известны. На телевидении был ведущим программы «Шире круг» и автором-ведущим программы «Острова В. Малезика». Автор пяти книг и одной аудиокниги. Снялся в телевизионном фильме «Погоня за прошлым» в одной из главных ролей.

«МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА»

Рисунки Настасьи Поповой

Когда я был уже достаточно известным музыкантом и довольно часто давал интервью, я, читая, что говорят журналистам мои коллеги, с раздражением стал отмечать, что большинство из них рассказывало, как они беззаветно любили The Beatles и буквально впитывали в себя их творчество. С одной стороны, во мне говорила банальная ревность: ну не хотелось мне ни с кем делить любовь к Джону и компании, а с другой стороны, я знал, что поклоняться великой четверке — это просто модно, и той любви, которую они заслуживают, данный музыкант не испытывает. Вспоминаю, что больше всего меня расстроило откровение Аллы Пугачевой, которая во время гастролей The Rolling Stones заявила репортеру, что росла на этой музыке. Вкусовые пристрастия ранней Аллы я хорошо знал и поэтому пишу об

этом с очень высокой степенью точности. Написал про Аллу и понял, как похвалил самого себя... Простите!

Собственно, к чему я это говорю? А вот к чему... Вкусы нашей публики, в том числе и музыкантов, формировались не только под влиянием народной музыки, советской и англо-американской эстрады (у широкой публики так в последнюю очередь), европейская — французская, итальянская — эстрада повсюду звучала на пластинках и даже по радио. А эстрадная музыка стран социализма звучала в полный рост. И мощным таким мазком в музыкальной палитре шестидесятых была югославская. Вообще югославы были такими, что ли, полукапиталистами, и жизнь у них была продвинутая. Они играли на приличных инструментах и пели в качественные микрофоны. Их певцы:

Джордже Марьянович, Ивица Шерфези, Радмила Караклаич, если забыть, что они из «братской» Югославии, — пели как какие-нибудь французы или итальянцы. Сразу же вспоминались Ив Монтан, Доменико Модуньо, Джерри Скотт... Приезд в 1963 году в СССР Джордже Марьяновича произвел оглушительное впечатление на неискушенную советскую публику. Он пел по три концерта в день и получал из зрительного зала такую эмоцию, которой в маленькой Югославии он получить не мог. Хотя он в своей стране был суперзвездой. И, я думаю, немаловажным было то, что деньги югослав получал в рублях, а перед отъездом домой менял рубли на валюту, причем доллар тогда стоил аж 63 копейки. Так что при наших просторах и нашей многочисленности поездки к нам в страну были очень выгодным коммерческим предприятием. И юги зачастили в СССР. А потом, они же западные, а значит, предприимчивые люди: музыканты приноровились в конце тура продавать всю аппаратуру и инструменты нашим музыкантам, так что многие наши артисты были экипированы югославскими товарищами. Но не буду сильно наезжать на югославских «мастеров искусств». Они в целом были неплохими, в чем впоследствии я многократно убеждался, ребятами — веселыми, бесшабашными, и им в СССР нравилось, и не только потому, что можно заработать, но просто нравилось, потому что нравилось. Наверное, сказывались традиционно теплые отношения сербов и русских, одинаковая религия, да и то, что это были два славянских народа, сближало наших и их ребят.

Что касается Марьяновича, то он был влюблен в нас, что называется, по уши. В результате он в СССР женился, и в его наследниках течет русская кровь. А как он славно пел наши песни! Например, для меня было открытием его исполнение песни Марка Фрадкина «Три года ты мне снилась» (может, у нее другое официальное название, но я думаю, вы понимаете, о чем идет речь). Я даже разучил эту песню после исполнения Марьяновича и потом очень веселился, когда у Маккартни обнаружил песню ну очень похожую на фрадкинскую колыбельную. А как мои московские друзья начали подражать югославу в манере одеваться и даже в походке и осанке! Я сейчас вспоминаю, как был одет Джордже, и думаю, что он носил пиджаки с подплечниками. И от этого он был широкоплеч, и эти самые плечи покоились у него практически на ушах. Он был высок, но имел привычку сутулиться. И вот в сочетании с пиджаками у Марьяновича получался запоминающийся силуэт. Однажды от своей сестры я услышал термин

«модная сутулость». И многие мои сверстники, не проводя подобно мне подробного анализа, начали при ходьбе искусственно задирали плечи вверх, достигая этой пресловутой модной сутулости. То, о чем я сейчас рассказал, является верным признаком джорджемании в нашей стране, которая вовсю бушевала и в Югославии.

Прошло много лет, и не было больше стран с такими названиями, как СССР и Социалистическая Федеративная Республика Югославия. Появившиеся свободы и деньги позволяют нам с женой решиться на приобретение квартирки на Адриатическом море. После известных событий и распада Югославии цены на жилье очень умеренные, и приобрести квартиру на зарубежном море значительно дешевле, чем построить дачу в Подмосковье. И мы облюбовали себе местечко в Черногории в Бока-Которской бухте в поселке Прчань. Место удивительной красоты, где горы обрамляют залив, который внедрился вглубь Балканского полуострова аж на тридцать километров. Красота холодных норвежских фьордов причудливо соединилась с горами Южного берега Крыма. Я так думаю, процентов восемьдесят денег, что мы заплатили, стоит, как это звучит по-сербски, «погляд», и до сих пор мы не можем наглядеться на виды, открывающиеся с нашего балкона.

И мы начали проводить все свободное время на нашей «ядранской» даче. У нас появились новые друзья — русские и местные. И кто-то из местных показал нам дом, принадлежащий Марьяновичу. Всего в каких-нибудь трехстах метрах от нашего жилища. И я сначала поглядывал в сторону жилища Джордже, надеясь увидеть знакомый силуэт, а потом забыл о том, кто в этом домике живет. Я не знал, что в начале девяностых у Марьяновича случился тяжелый инсульт и что все это время он с ним боролся. Он сумел встать и начать ходить через два года после приступа, а через шесть лет он отважился спеть со сцены. Причем произошло это на территории бывшего Советского Союза. Во время фестиваля «Славянский базар» зрители, увидев Джордже среди членов жюри, упростили его спеть. Поэтому-то он и не посещал свой дом так дисциплинированно, как мы.

И все-таки нам повезло. Наша подружка Ирина Маслова, которая долгое время работала на телевидении, купаясь с нами в заливе, однажды вдруг встала в стойку и прошептала:

— Жора!

— Какой еще Жора? — спросил я.

— Какой-какой? Да Марьянович! Славик, пойдем, я тебя с ним познакомлю. Я его тыщу раз снимала, мы так зависали — мама не горюй.

— А удобно это?

— Пойдем-пойдем! Он классный.

И мы пошли по направлению к немолодому мужчине, следы болезни и возраста явно проступали на его фигуре. Он еще не успел загореть и обветриться, и восемьдесят с хвостиком явно читались в его облике. Ирка, не доходя до Марьяновича метров десяти, вдруг громко запела: «Девонька мала...» Это была суперпопулярная в Союзе песня «Маленькая девочка». Я, толком не зная слов, подхватил известную мне мелодию. Маслова же извивалась в каком-то ритуальном танце. Марьянович сначала остолбенел, но затем, начав узнавать Ирку, начал все смелее улыбаться.

— Ирен, — воскликнул Джордже, — как я рад тебя видеть, я понял, что не зря ездил к вам и меня еще помнят.

— Помнят-помнят, еще как помнят! Вот Славик — известный русский музыкант! Так он просто вырос на твоих песнях. Скажи!

— Джордже, — начал я, — мы сбегали из школы, чтобы купить билеты на ваши концерты. И то, что через много лет я с вами познакомился, — это сказка!

— Жора, — снова вступила Маслова, — мы имеем честь тебя пригласить на чашку вина в соседнее кафе. Славик принесет гитару, и мы что-нибудь споем.

— Споем — это хорошо. С вином есть проблемы. Да и с пением, если честно, проблемы есть тоже, — грустно заметил Марьянович.

— Это ничего. Малежик у нас поет как магнитофон.

И вечером мы сидели в кафе и пели... Пели, забыв о прошлых и не думая о грядущих инсультах. И русская, и черногорская публика, узнавая меня, а потом и признавая Марьяновича, все заходила и заходила в кафе. А в конце мы спели вместе «Маленькую девочку», сорвав аплодисменты, которых не слышал поселок Прчань, что на Адриатике.

ПОРА — НЕ ПОРА...

*Пора — не пора,
Я иду со двора,
Кто не спрятался, я не виноват!*

Детская считалочка

В первый раз я обратил на нее внимание после одного из концертов где-то в провинции. На сцене я, кажется, перестарался и устал больше обычного. Из зеркала на меня взглянул немолодой мужчина с синяками под глазами, нуждающийся в неслабом отдыхе. Выходя из здания, где прошло мое выступление, я увидел, что на меня неотрывно смотрит незнакомая женщина. Она сканировала даже не мою внешность, а как бы мою сущность... Вообще-то я привык к подобному разглядыванию себя, но что-то в этот вечер было особенное во взгляде незнакомки. Я сделал шаг в ее сторону, но она непонятно как исчезла, вернее, растворилась в пространстве. А я... А я пошел себе в гостиницу, быстро забыв эту встречу. Потом в разных местах я чувствовал на себе взгляд именно этой особы, я не сомневался в этом, но наше знакомство не происходило. То ли она считала, что еще не время; то ли я от себя гнал даже мысль, что мы можем быть вместе.

А однажды, когда силы мои на концерте окончательно иссякли и я практически без сознания сидел в грим-уборной, у меня над ухом раздался ее голос... Я никогда его не слышал, но не сомневался, это был именно он. Бесцветный, скрипучий, лишенный какой-либо энергии, этот голос проникал в самые глубины моей души.

— На, выпей, тебе это поможет восстановить силы.

И я увидел перед собой рюмку коньяка.

Выпил, мозги прояснились, вернулась энергия, и чувство разбитости постепенно ушло. Но ушла, вернее, незаметно исчезла и моя незнакомка. И опять мы с ней не познакомились, но я понимал, что она меня волнует и что она меня просто так не оставит. Боже мой, нет-нет, никакой постели, просто она пытается поселиться в моих мозгах и рулить моими поступками и чувствами.

Мне нужно было поделиться с кем-то тем, что со мной происходит, иначе мои мозги грозили взорваться. И я решил рассказать обо всем своей жене. Она внимательно выслушала меня и, продолжая заниматься приведением себя в кондиционный вид, сказала:

— Ты знаешь, мне кажется, эта женщина преследует и меня. Мне кто-то постоянно нашептывает — нет, не на ухо, а прямо в душу, что не надо

никаких фитнесов и диет, косметики и новых нарядов, не надо вообще ничего, и пора забыть на все и плыть по течению. Каково?

— Да пошли ты ее, — ответил я, — мы еще сам с усам и сможем решить, как нам жить дальше.

Но...

Но вот однажды после веселой вечеринки в нашей квартире, когда мы устали развлекать гостей песнями, анекдотами и выпивкой, наша незнакомка, непонятно как появившаяся среди гостей, подошла к моей жене и предложила:

— Слушай, может, я останусь у вас? Меня, собственно, никто не ждет, и все даже порадуются, что я зависла с вами и не прошусь в их дом.

— Нечего, дорогая, проваливай, — с неожиданной даже для меня резкостью ответила моя супружница, — и заканчивай заглядываться на моего мужа, он неплохо проживет и без твоей компании. А повспоминать и погрустить о прошлом мы прекрасно можем и с ним вдвоем, тем более что прошлое у нас было о-го-го какое. Ты посмотри на себя, ты не то что его ноющие кости не сможешь отогреть, ты душу, главное, его душу никак не расстроишь. Моль ты бесцветная...

Мою благоверную несло, и остановить ее порыв я не отважился.

— Ты посмотри на себя и на меня, — не унилась укротительница всех моих потенциальных возлюбленных, — кожа да кости — твое достоинство, а улыбка... Он столько не выпьет, — процитировала наконец она бородатый анекдот.

— Дорогая, ты не психуй, — не теряя самообладания, отвечала наша мучительница, — все пойдет своим чередом... Я сейчас уйду, но я не прощаюсь.

И что? А то... Все чаще и чаще я замечал нашу новую знакомую. Нет, не рядом с нами, а где-то на периферии нашего внимания. Было видно, что она явно не хочет мозолить нам глаза, но не напоминать о себе она тоже не может. И это тревожило нас и явно портило настроение.

— Ты знаешь, — однажды затеяла, заметно нервничая, разговор моя жена, — что мне Эта предложила?

— Кто эта? — спросил я, хотя на сто процентов был уверен, о ком пойдет речь.

— Ну, эта бесхребетная тварь, которая хочет задружиться с нами.

— Да, ты и словечки выбираешь...

— Именно выбираю, если бы не выбирала, то ты услышал бы такое... Не перебивай, слушай!

— Ну и что она тебе такого сказала?

— Представляешь, она меня тут подловила после бассейна, взяла под руку своими цепкими когтями и говорит: «Пойми, то, что я хочу тебе предложить, — вполне нормальная ситуация!» «Ты о чем? — спрашиваю я ее, пытаюсь освободить свою руку из ее тисков». «Да все о том же... О тебе, о твоём муженьке и о безжалостном времени». — «Что ты имеешь в виду?» — «Прости, обычный вульгарный секс, который является основой любой хорошей семьи». — «И чего ты понимаешь в сексе, вернее, в нашем сексе, который наш, и я не хочу его обсуждать ни с кем!» — Да, я рада за ваш секс, но время идет, и проблемы будут возникать непонятно откуда», — смеясь, ответила эта мымра. «Ну, знаешь, не одной постелью живут наши взаимоотношения...» — «Подожди, подожди, — перебила она меня, — я тебе сделаю предложение, а ты уж сама решай, как быть...» — «И что ты хочешь нам предложить, мне даже интересно». — «Я хочу предложить вам взять меня с собой в вашу постель...» — «О как! Я что-то не поняла... Ты предлагаешь секс втроем?» — «Какой секс? Нет, я буду твоим, да и мужа твоего своего рода адвокатом. Понимаешь, со временем в постели возникают иногда проблемы... Так вот, свои неудачи вы сможете всегда свалить на мое присутствие на вашем любовном ложе на меня... Тем более ты же говорила, что я такая непривлекательная. Подумай, неглупая мысль...»

— Ну и что ты сказала? — спросил я жену.

— Во-первых, кого-то впускать в нашу постель — великая пошлость, — ответила я ей, — а во-вторых, наши проблемы — это наши проблемы, и никто их кроме нас не решит. Поэтому я послала ее в весьма резкой форме.

И моя благоверная потащила меня к зеркалу, и мы как по команде уставились на свое отражение.

— Ну и как? — спросила жена.

— Ты просто чумовая, и лучшей партнерши для постели мне и не надо. Хочешь проверить?

— Еще как...

А вчера, опять же после концерта, меня прихватило. В колене разыгрался, наверное, артрит; а радикулит скрутил меня так, что я шел к своей машине по стеночке, каким-то образом волоча за собой гитару. Почему меня никто не провожал? Не знаю, видно, судьба. И тут меня под руку подхватила... Конечно же, она — наша... даже не знаю, как ее назвать.

— Пошли, пошли! Я тебе помогу!

Я и не сопротивлялся. И даже не возникло у меня вопроса, почему она со мной, а потом и я с ней на ты.

— Тебе что, делать больше нечего, как посторонним мужикам помогать? — спросил я.

— А вот ты и есть мое дело. Молчи, молчи... Я тебя отвезу домой, тебе ни к чему сейчас за руль!

Мы добрались до моего авто, и она села на водительское кресло.

— Как тебя хоть зовут? — спросил я, когда мы тронулись.

— Не пугайся, моя девичья фамилия Старость, а по мужу... тебе больше понравится, я — Зрелость!

— А мужа как зовут?

— Не смейся, Опыт Знатьевич!

— И чем же он занимается?

— Да людям помогает найти баланс в зрелые годы.

— Похвально, — усмехнулся я, — а ты-то чем занимаешься?

— Да вот помогаю тебе и твоей жене с меньшими синяками и ссадинами идти по жизни!

— Благородно!

— Ну что ты все «благородно», «похвально»? Кто-то же должен это делать? Вот мы с моим Опытом и стараемся.

Мы подъехали к дому и с некоторыми сложностями поднялись к нам в квартиру.

— Вот жена, — сказал я своей благоверной, когда мы вошли, — к нам Зрелость пришла.

— Хорошо, что не старость, — сказала моя вторая половинка, не понимая, почему я улыбаюсь.

— Дорогая, — проворковала Зрелость или Старость (совсем запутался), — ничего, если я останусь у вас, пока наш музыкант плох?

— Ну что ж... Временно поживите у нас, места хватит, — ответила жена.

— Временно?

Ирина ОСНАЧ

Ирина Оснач родом с севера Камчатки, где долгая зима, короткое лето, сопки и тундра. Родители Ирины — из поколения советских романтиков, приехавших осваивать Дальний Восток. Ирина Оснач училась на семинаре прозы А. Е. Рекемчука в Литинституте. Потом на перекрестке (остаться в Москве или вернуться на Камчатку) выбрала «вернуться на Камчатку». Работала в областной газете. Теперь живет в подмосковном Красногорске. Автор повестей и рассказов, которые публиковались в альманахе «Камчатка», журнале «Дальний Восток», антологии камчатской современной литературы «Земля над океаном», альманахе «Пятью пять», журнале «Наша молодежь», международном литературном альманахе «Особняк». Рассказы переводились на болгарский язык, вошли в лонг-листы международного Волошинского конкурса и литературной премии имени О. Генри «Дары волхвов». В сентябре 2018 года стала дипломантом XVI Международного литературного Волошинского конкурса.

БЕЛЫЙ СНЕГ, КРАСНЫЕ НИТИ

РАССКАЗ

Рисунок Марины Медведевой

Этого Поселка уже нет на земле. Но он мне до сих пор снится — как я бегу по улице мимо дома Плотниковых, потом Сергачевых, и тетя Маша Сергачева кричит мне: «Аленка, скажи Ви-итке...», а что сказать, я не слышу, ветер шумит и свистит в ушах, я мчусь-мчусь: мимо огородов, к лугам, к высокой прибрежной траве — и выскакиваю к реке, а там мальчишки ловят рыбу, и Витька Сергачев, мой дружок, показывает щуку:

— Во-он какая, сам поймал!

— Поймал! Тоже скажет — поймал! Зацепил только, а мы тащили ее! Хороша щука! Какой рыбный нынче май! — смеется его старший брат.

— Я сам поймал! — обижается Витька. — Аленка, смотри, какие у нее зубы!

И я с восхищением смотрю и на Витьку, и на зубатую щуку.

Я могу без запинки рассказать, каким был этот Поселок.

К северу излучина реки образовала большой клин, полуостров, окруженный с трех сторон водой. В весеннее половодье река затопляла прибрежные луга и огороды, в воде стояли и ближние дома.

Мальчишки легко ловили щук, лещей, судаков.

К лету вода сходила, и в огороды высаживали капусту — Поселок (мы его так и называли — Поселок) славился ранней капустой, за которой приезжали из Москвы.

Москва была рядом, рукой подать, пешком можно было дойти, да и железная дорога — вот она, слышно, как паровоз гудит.

Поселок не был еще Москвой, оставался сам по себе, почти деревней: коровы на заливных лугах, во дворах куры и гуси. Сколько не вспоминаю, не вижу ни одного фруктового дерева. Вымерзали. Мать моя рассказывала, что в трех дворах росли яблони, да и те в финскую войну померзли.

Но я не помню ни тех яблонь, ни финской войны, мала была.

В памяти только черный платок тети Клаши Воробьевой, взрослые говорили, что на финской войне ее сына убили.

С тех пор тетя Клаша так и ходила в черном платке. Я тогда не понимала, как это — взяли и убили? Это была первая потеря, первые слезы и первое горе той поры нашего Поселка.

А вот сирени было раздолье, сирень росла у заборов огромными кустами-деревьями, сквозь которые в мае и домов не разглядеть.

А дома были знатные, добротные и красивые: точеные и резные балясины у крыльца, ажурные причелины с цветами невиданной красоты и зверями диковинными, которые дом охраняют. На всех окнах — белые наличники с резными солнцами и веерами кружев.

Поселок был просторным, дома друг друга не теснили, поднимаясь в горку тремя улицами: Луговой, Центральной и Колхозной.

А дальше, за горкой, лес, мы в него за ягодами и грибами бегали.

У леса лежал огромный валун, мы называли его Горячий камень — приложишь к нему руку, а он теплый. А еще он был синий в дождь, а под солнцем — серый, как и все камни.

После мая со щуками и сиренью пришел июнь. И все тоже было хорошо — отец приезжал из Москвы, с завода. Мать кормила его ужином, я сидела рядом с ним за столом, смотрела, как он ломает хлеб, солит его, ест кашу, и рассказывала, что было днем. Отец смеялся, слушая, как мы ловили рыбу, что сказал Витька и как мы его напугали в лесу. Мать вторила ему тихим, счастливым смехом.

А потом взрослые перестали смеяться. 22 июня сказали о войне. Мать плакала весь день. В жаркие дни конца июня прямо посреди капустных грядок в Поселке появились батареи зениток.

Отец стал все реже приезжать домой.

Мать уже не плакала, молчала. Помню, к нам в гости зашла тетя Маша Сергачева, мать моего

друга Витьки. Они сидели весь вечер за столом, не включая свет, и говорили о вещах, мне непонятных — призыв, броня, эвакуация...

— У Миши броня, его и в финскую не взяли. А твоему Сереге повестка пришла? — спросила мать.

— Два раза в военкомат ходил, и ведь добьется своего. Сколько я ни плакала. — Тетя Маша поджала губы и вздохнула.

Вздохнула и мать.

У Сергачевых уже призвали Сергачева-старшего (мужа тети Маши все так и называли, потому как в семье у них одни мужики) и Толика, старшего сына. Остались Серега, средний, которому еще нет семнадцати, и Витька.

— У Миши броня, — повторила мать. — Приезжал вчера на ночь, весь черный, все работают и работают. Говорит — езжай с дочкой в эвакуацию от завода. Куда-то в Сибирь.

— Какая Сибирь? Поедешь, а потом на полпути возвращаться, разве ж война до зимы будет?

— И я ему — никуда от тебя не поеду! Здесь наш дом, здесь и будем. Твои-то пишут?

— Старший написал. Две строчки всего. — Тетя Маша достала письмо, уже порядком потертое и перечитанное много раз. — «Жив, здоров, про Толика ничего не знаю. Маша, писем пока не пиши, на днях предвидится движение на фронт. Жди меня». А Толик молчит...

— Ничего, он у тебя боевой. Как вспомню, какой переполох утворил в ночном, когда пасли лошадей. Накинул на себя шкуру — и давай волком выть! Ребяшня перепугалась! А шкура-то овечья была!

Мы засмеялись.

— Аленка? А ты тут чего, дочка? — схватилась мать, заметив, что я сижу за столом и слушаю их разговор, раскрыв рот. — Пойди кур загони на ночь!

Я быстро-быстро принялась загонять в курятник переполошенных кур, привыкших к обходительному отношению. В голове вертелось только одно — Сибирь! Вот это да — эвакуация, Сибирь, про которую так много по радио говорили! Там холодно, и там заводы строят! И еще там Дальний Восток, на который так рвался уехать Толик-балмут...

Вернулась в дом. Тетя Маша плакала, мать обнимала ее за плечи. Я тихонько присела на другом конце стола — интересно, вдруг еще об эвакуации и Сибири будут говорить?

В доме темно. И вскоре я видела только силуэты матери и тети Маши на фоне еще светлого окна.

— И чего плакать? Не надо, Маша! Не наклей беду. Давай споем, что ли! — И затянула:

Дайте в руки мне гармонь —
Золотые планки!
Парень девушку домой
Провожал с гулянки.
Шли они — в руке рука,
Весело и дружно,
Только стезька коротка —
Расставаться нужно...

— Ой, гармонь, моя гармонь, планки золотые! — подхватила соседка, но голос звучал невесело.

— Все будет хорошо, Маша, — слышу я голос матери, молодой и звонкий.

Эти ее слова я повторяю до сих пор, когда что-то не ладится или тяжело на душе.

«Все будет хорошо...» Эти слова волшебные, от них легче, и дело спорится.

Волшебные, но не всемогущие.

В октябре пришла похоронка на Сергачева старшего.

Тогда же, в октябре, стали собирать народное ополчение. В него записался и отец.

Я хорошо помню, как он несколько раз приходил домой перед отправкой, обычно поздним вечером. И я упрямо ждала его, сколько мать ни уговаривала спать, ни обещала, что разбудит меня, когда он придет. Лежала в кровати, старательно тарасила глаза в темный потолок, прислушивалась.

И дожидалась. Сначала тихо скрипела калитка, потом он поднимался на крыльцо, я слышала отцовские шаги и, крича от радости, бежала к двери, где меня подхватывал на руки отец.

Однажды он пришел с мешком, в котором были два ватника, штаны — его и товарища по заводскому цеху, с которым шел в ополчение.

Попросил мать починить их. И мать засела за шитье на весь день — отец сказал, что придет вечером.

Мать торопилась, все шила и шила, как назло потерялся наперсток, она исколола пальцы, и когда пришивала какую-то белую полоску на воротник, нитки были красные от крови.

— Все хорошо! — отмахнулась она от меня. — Заживет! Выйди во двор — не идет ли?

Я выбегала во двор еще и еще — кудахтали куры, голосил-кукарекал соседский петух, вдалеке загудел паровоз...

Мать наконец оторвалась от шитья, жарко за-топила печку, пожарила блины:

— Авось и отец подойдет, к горяченьким.

Отец пришел за полночь.

Уже потом, когда я выросла, мы с матерью вспо-минали тот вечер.

— Мы с ним говорили — будить тебя, не будить.

Ты просила разбудить, я обещала, но... ты так сладко спала. Отец посмотрел на тебя, потом со-брал вещи и ушел. Я хотела проводить его... «Не надо, давай здесь, в доме, простимся». Я все рав-но выбежала на крыльцо — но его уже и видно не было в ночи.

А ты проснулась под утро, давай кричать — где папа? И, как была, в рубашке, влезла в сапоги, мой платок накинула — и на улицу. Я за тобой, догнала на полпути к железке. Как не простыла, не забо-лела, холода тогда уже стояли и снег выпал...

Это я и сама помню — как вдруг проснулась, под-хватилась ранним утром, глотая слезы, бежала по улице. Ночью выпал первый снег, и на нем хорошо были видны следы. Это шел отец.

А когда мать догнала меня, я все кричала ей:

— Почему не разбудила? Обещала ведь!

Мать гладила меня по голове, тоже плакала и говорила, что придет он еще, придет, вернется...

Не пришел, не вернулся. Ни отец, ни отцов приятель по заводскому цеху, с которым он ушел в ополчение. Мать все потом корила себя, что не разбудила, не дала нам проститься: «Вдруг он то-гда бы выжил, уберется». Кто знает...

Леша Кузьмичев погиб весной 1942 года, Толика Сергачева убили под Курском, Ивана Плотни-

кова и двух его братьев — в октябре 1943-го, Се-режа Григорьев дошел почти до Берлина, он погиб в апреле 1945-го...

Их имена на том самом Горячем камне, к ко-торому приложишь ладонь — и она станет теп-лой. Этот камень сейчас стоит на прежнем месте, только рядом с ним теперь станция московского метро.

А больше от Поселка ничего и не осталось. Только Горячий камень да река. Да, еще сирень! Когда я приезжала с младшим внуком к памят-нику, которым теперь стал Горячий камень, и мы шли по улице с высотными домами, я вдруг охнула и засмеялась.

— Ты чего, бабушка?

— Смотри, сирень! Понимаешь, это наша си-рень, старая, из моего детства! Видишь — кусты какие большие, как деревья, им много лет. Навер-ное, когда новые дома строили, сирень не стали вырубать, вот она и растет.

И я рассказывала внуку, каким был его дед, про исколотые в кровь пальцы матери, белый снег и следы отца, рассказывала про Лешу Кузьмичева, Толика Сергачева, Ивана Плотникова и его брать-ев, Сережу Григорьева...

Мы, кто выжил после той войны, давно разбре-лись по свету в поисках счастья. Но нет-нет да и настигнет меня: я, совсем маленькая, бегу по ули-це мимо дома Плотниковых, потом Сергачевых, ветер свистит и шумит в ушах, и Витька Сергачев, мой дружок, хвастает щукой. И я чувствую тепло, которое непостижимым образом дает моей ла-дони Горячий камень.

Николай КАРАЗИН

Предисловие

Предисловие необходимо, во-первых, чтобы рассказать, зачем понадобилась реконструкция представленного здесь романа, а также чтобы сообщить хотя бы то немногое, что знаем о его авторе — академике живописи, авторе двадцатитомного собрания сочинений Николае Николаевиче Каразине (1842–1908).

Род Каразина — из Слободского казачества (Харьковская губерния). Родился там, но детство прошло в Подмосковье. Поступил в Московский кадетский корпус (мечтал стать офицером, а рисование, хотя увлекался им с ранних лет, считал, как теперь говорят, за хобби).

Об отце, Николае Васильевиче, известно мало, зато о деду, Василии Назаровиче Каразине, есть что сказать.

Но сначала, в связи с прочтением этого романа, расскажу о разговоре в Самарканде возле недавно тогда установленного здесь памятника Тимуру (Тамерлану). Я, первый там заговоривший, — литератор из Москвы, они — студенты из Ташкента. И так они, молодые узбеки, хорошо говорили по-русски, что я было забыл, что разговариваю с гражданами уже другого государства: учатся на гуманитарных факультетах университета, то есть будущие историки, филологи.

— Почему, — спросили молодые люди, — русские писатели, так много повествуя о завоевании Россией Кавказа, ни одним своим произведением не откликнулись на завоевание Россией Средней Азии?

В произведениях русских писателей завоевание Северного Кавказа было не темой, а фоном того, о чем хотели они сказать. И в «кавказских» романах и повестях русских писателей присутствует не восторг победителей — отнюдь! — а понимание

чувств местного населения. Так, мои однокурсники по Литературному институту ингушский прозаик Саид Чахкиев и аварский поэт Адалло Алиев заявили на семинаре по литературам народов Северного Кавказа, что повесть Толстого «Хаджи-Мурат» чувствам их народов отвечает сильнее, чем все написанное об этом времени литераторами их республик.

— Продвижение русских войск по Кавказу, — возразили мне ташкентские студенты, — вы можете объяснить просьбами грузинского и армянского народов о помощи, известно, кто им грозил... А вот узбекский и туркменский народы о вхождении иностранных войск на свои земли не просили. Так как же русские оказались на наших границах с Ираном и Афганистаном? Еще, помните, английский писатель Киплинг сказал о встрече там «пробковых шлемов и серых шинелей». Это уже сейчас в Москве — конная статуя князя Юрия Долгорукого, а прежде на этом месте (мы это откопали, то есть нашли, где об этом прочитать), на площади, называемой прежде его именем, скакал — памятником тоже — царский генерал Скобелев. Ну да, наверное, талантливо командовал этот генерал войсками, освобождая болгарский народ от ига иноземцев, о нем Василий Немирович-Данченко написал повесть «Белый витязь». Но никто из русских писателей не показал, как талантливо этот витязь покорял народы Средней Азии. И правильно потом приказал Ленин снести памятник этому покорителю народов.

Оказалось, что раскопали они и такое, о чем наши, русские, историки предпочитают умалчивать, называя походы русских войск в Среднюю Азию лишь хивинскими походами с середины XIX века.

В «Журнале Петра Великого» (издание 1772 года) читаем статью под названием «Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в великую Татарию экспедиции» (здесь дается в кратком пересказе).

Экспедиция эта (3600 воинов!), ведомая князем Александром Черкасским, в 1717 году подошла к столице Хивинского ханства с верительной грамотой российского правительства. А так как хан такую грамоту, естественно, не принял (верительная — с таким войском?!), Черкасский приказал палить по городу из пушек. Из Хивы — тоже: ядра сначала железные, потом — из сухой глины.

Далее произошла трагедия. Видя утомленность своих людей переходом (зимой!) через пустыни — да и теперь, вне селений, холодно было и голодно, — попросил Черкасский разрешения войти в Хиву с миром.

Войти в столицу хан разрешил малой части отряда: невозможно разместить здесь и кормить столько пришлых людей; остальные части отряда Черкасский согласился отправить для отдыха в другие города ханства.

Размещенные в Хиве и других городах пришельцы были ночами перебиты; спаслись, вернулись на родину (без своего предводителя) лишь несколько человек.

Коварство? Да. А только и вспомнить надо: всегда ли «во честном бою» мы сами, русские, отстаивали свои земли от захватчиков? И не только отстаивали. Давайте вспомним хотя бы эту — в «славное Петрово время» — Хивинскую трагедию... О которой, видимо, в муках патриотизма, не хотят вспомнить наши историки. И я было в ответ этим все помнящим удивился: как же вы не читали роман своего туркменского (среднеазиатского) писателя Клыча Кулиева «Черный караван»? О том, как эти пробковые шлемы уже собирались из Афганистана в оазисы Каракумов, то есть в Среднюю Азию. И что, мол, даже сам Энгельс заявил: «Господство России в Центральной Азии играет там цивилизаторскую роль». И лишь потом я подумал, что он, Фридрих Энгельс, подумал так об Азии как европеец.

О Михаиле Дмитриевиче Скобелеве, освободителе болгарского народа — и его же, согласен, не лучшей деятельности в Средней Азии... Вместо ответа своим вопрошателям, этим замечательно образованным азиатам, показал им на памятник тому, величием кого, я видел, они гордились. Гордились великим среднеазиатским полководцем, завоевателем многих стран, покорителем многих народов!

Да, конечно, полководцы, предводители армий не всегда в своей деятельности однозначны: там, где побеждает сила, однозначности нет. Ведь вот, скажем, кто для русских Чингисхан, предтеча Батыева нашествия на Русь? Для современных монголов это культовая личность! Наш Иван Сусанин для поляков — подлый обманщик, для русских — герой! Стоит ли говорить, кто для французов Наполеон! А для россиян? Лермонтов: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французам отдана!» Немецкие историки Второй мировой войны негодуют теперь на русских партизан: «Неправильно в России воевали русские, стреляли — в спины!» Как будто все они, поляки, французы, немцы, являлись в Россию на рыцарские турниры.

К чему здесь, в предисловии, этот разговор с узбекскими интеллигентами? Чтобы, читая этот роман о нашем общем прошлом, и узбеки, и россияне не ожесточились друг на друга. Да, прошлое не отменишь, и его надо знать. Но не должны упреки прошлым руководить отношениями народов сегодня. Что было, то прошло.

О Каразиных в дореволюционной России знали многие. Так, император Александр Второй, начиная всем известные реформы, заинтересовался перепиской своего августейшего дяди, Александра Первого, с украинским ученым, просветителем, основателем Харьковского университета Василием Назаровичем Каразиным (1773–1842). И правда: невиданное по тому времени дело: царь обсуждал со своим подданным пути устройства России! Так что, рассматривая представления к наградам офицера действующей в Туркестане русской армии Николая Николаевича Каразина (к св. Анне 4-й степени, золотому оружию с надписью «За храбрость», св. Владимиру с мечами...), император уже знал, что это внук «того самого прелюбопытнейшего малоросса» к тому же, судя по его рисункам в журналах, хороший художник. И уже вышедший в отставку капитан Н. Н. Каразин был командирован на места своей службы «для написания картин на тему походов русской армии на Хиву и Бухару». Император Александр Третий знакомится с Каразиным лично, его картины вводит в галерею Зимнего дворца, рекомендует художника своему сыну (рисунки Каразина украсили книгу «Путешествие Наследника Цесаревича на Восток»).

Да, поначалу Каразин — только художник, один из зачинателей искусства акварели¹. Иллю-

¹ Акварель — краски с клеем, разводимые водой. Достигается прозрачность изображения, сквозь которое просвечивает

стративные журналы избирали Каразина художником года. А за его композиции по дереву и иллюстрирование книг называли русским Доре (Гюстав Доре — французский график, иллюстрации к Библии, к «Дон Кихоту» Сервантеса). Любопытно, что в мнениях о Каразине-акварелисте сходились такие разные в своих понятиях о формах живописи корифеи, как Бенуа, Верещагин, Куинджи.

Выскажу здесь и свое куда более скромное мнение. По-моему, акварелью увлекаются те художники, кто по своей натуре — романтики. Именно романтиком, несмотря на все жизненные реалии, был академик живописи Николай Каразин и в своем литературном творчестве. Да, дерзает Каразин и в художественной литературе!

Рукопись его романа «Брамин», который он читал цесаревичу, была вдвое больше той, что затем была представлена им для перевода на немецкий язык. В романе воплотились впечатления от его немалого по времени пребывания в Средней Азии (кроме службы там в армии, Каразин участвовал в двух центральноазиатских ученых экспедициях Географического общества).

Читать цесаревичу удавалось лишь изредка. Но и то, что удалось прочитать, еще не мог тот до ослабления цензуры, в том числе церковной, реформами 1905 года одобрить как будущий, фактический тогда при отсутствии в России патриарха глава Церкви. Это, мол, как же: чтобы над христианскими чувствами главного, во всем положительного героя романа возобладала вера в многобожие индуизма¹!

После этого путешествия с будущим императором Каразин начал какие-то части романа «Брамин» преобразовывать в самостоятельные произведения, в повести и рассказы. Так что когда представилась возможность опубликовать роман хотя бы на немецком языке, это немецкое издание оказалось лишь костяком его первоначально го варианта.

Однако этот роман под названием *Der Brahmane* (брамин — жрец, человек, принадлежащий к высшей жреческой касте в Индии) был напечатан в «Венской коллекции европейского романа». За-

тон и даже фактура основы (чаще всего бумаги). Достигается чистота света.

¹ Кроме многих богов — высшие: Брахма, Вишну, Шива. Индуизм — религия, возникшая на основе более древней — буддизма, проповедующего состояние внутреннего бытия, отрешенности от внешнего мира. Но буддизм отрицает такое понятие, как душа. Индуизм — это учение о перевоплощении души (сансара), происходящем в соответствии с законом воздаяния за добрые дела (карма). Упоминаемая же в романе нирвана — это счастье полного спокойствия, упоение красотой мира.

мечательная бумага, готический шрифт, изящное оформление — эта книжная серия в последние десятилетия XIX века была самой престижной в немецкоязычных странах Европы, издание каждого ее тома обходилось дорого, поэтому залогом успеха у читателей-покупателей был успех произведения, вышедшего перед тем обычным изданием (например, в «Венскую коллекцию» пригласили повесть Тургенева «Вешние воды»).

Быть может, случилось так. Одно из доверенных лиц цесаревича по части искусств и литературы князь Э. Э. Ухтомский встречался с петербургским издателем К. Л. Риккером. Именно он, Карл Леопольдович, устраивал издание в Германии альбома литографий с акварелью Каразина. Так не этот ли частый гость Берлина и Вены (в своих русских изданиях сообщал о новейших достижениях немецкой техники, медицины, архитектуры, выпускал журнал «Зодчий») был уполномочен Ухтомским предложить издателям «Коллекции» рукопись Николая Каразина? Со всеми необходимыми в таком неординарном случае финансовыми поручительствами. В Вене этот на немецком языке роман вышел в 1896 году.

Наконец, к истории уже русских изданий этого романа в 1905 году.

Николай Второй не забывал своего художника по «Путешествию», поздравлял его с именинами, следил за его творчеством... В 1904 году, будучи в Гатчине, приехал к Каразину на дачу (по воспоминаниям, один, без сопровождения, в форме кавалерийского офицера).

О чем могли они разговаривать? Возможно, о неизбежном уже тогда ослаблении цензуры? Как бы там ни было, но уже через несколько месяцев после этих событий роман Каразина (теперь, в русских изданиях, он назывался «Наль») вышел в свет в Петербурге и Москве почти одновременно.

Но и радость, и печаль автора, увы, одновременно тоже. Ибо нельзя уже было возвратиться в роман то, что вылуцил он когда-то из его первого варианта: все это уже было известно читателям как самостоятельные повести и рассказы. Между тем текстов именно этих произведений как раз и не хватало теперь в романе.

Да, ожидаем вопрос: а почему бы эти включаемые вами в роман тексты из других произведений этого автора не издать отдельной книгой? Нет, все-таки сборник из этих произведений будет недостаточен для нашего времени. Между тем эти рассказы, несколько сокращенные, по-моему, в художественном отношении пошли на пользу роману.

Да, я, автор реконструкции романа (составитель), решил заполнить в нем некоторые лакуны (не столько в повествовании, сколько в обрисовке характеров персонажей) текстами из его, Каразина, рассказов. Конечно, установить их, так сказать, адресное нахождение в рукописи первого варианта романа уже невозможно: главы романа переделывались в самостоятельные произведения. И все-таки многое в этих рассказах угадывается как тогда изъятое из романа: подчас даже и фамилии их персонажей (Шолобов, отец и сын Глухаревы) те же, что и в первых русских изданиях. Разве что не принадлежат автору те фразы, которые эти включения связывают в общее повествование, они забраны в квадратные скобки.

Вспомнить о таком писателе (и художнике!) Николае Николаевиче Каразине, наконец, надо! Между тем совсем не случайно, что наши издатели, переиздавая довольно-таки посредственные романы дореволюционного времени, не подступаются к изданию этого романа в том виде, в каком он был издан в 1905 году.

Но вот что еще надо здесь сказать наперед (об этом сказано в предисловии к венскому изданию романа). Мать главного персонажа (русского офицера) англичанка Агнеса Блэквуд — это как

раз та, подлинная Агнеса Блэквуд, дочь колониального администратора в Индии, которая в 1857 году была захвачена тамошними жителями. Удивительное в судьбе Агнесы Блэквуд то (об этом тогда писали все английские газеты), что она, европейская женщина, вернувшись из индийских джунглей с рожденным ею там ребенком, говорила о его отце не как о насильнике, но как о человеке особенном, с духовно высокими устремлениями. И это уже русский писатель Николай Каразин «пригласил» затем Агнесу Блэквуд в свой роман, то есть пригласил из ее Англии в нашу Россию, которую тогда, как сказано в романе и об Англии, «влекло в Центральную Азию что-то роковое, неизбежное». Да уж, поистине, время — на все что происходит...

Хотя, конечно, какими бы благими целями, наподобие крестоносных походов Европы или своей цивилизаторской роли, ни оправдывали завоевание чужой страны, завоевание и есть завоевание. Для поручика Наля, названного так его товарищами-офицерами по имени героя любимого им древнеиндийского эпоса, русское завоевание Средней Азии — это то поле его души, на котором разыгрывается драма встречи человека Запада с человеком Востока. Драма, которая не окончена до сих пор.

Юрий Сенчуров,
автор реконструкции романа

Юрий Сенчуров после окончания Литературного института и до своего шестидесятилетия — литературный редактор в издательстве «Художественная литература», в редакциях журналов «Огонек», «Октябрь».

БРАМИН

РОМАН

ПРОЛОГ

Лет двадцать назад в Петербурге появилась красавица, заставившая говорить о себе чуть не весь город. В первый раз увидели ее в итальянской опере, в ложе известного в то время банкира.

Ложа эта была абонирована, все привыкли видеть в ней только трех лиц: на первом плане — толстую, расплывшуюся физиономию жены банкира, полузаслоненную громадным веером, с прическою, буквально осыпанною бриллиантами; рядом с нею — тщедушную, лимфатическую девицу лет семнадцати... Дочь — одетую просто, в противоположность маменьке даже бедновато. И — фигуру отца семейства, напоминающую туповатого, откормленного обер-кельнера в гостинице не первого разбора. Вот в этой-то ложе вдруг появилось четвертое лицо, сразу же оцененное по достоинству.

То есть первый же нечаянно направленный в эту ложу бинокль угадал (хотя она сидела) то, что отметили потом все бинокли (ожидающие потом, когда она входила в ложу перед началом спектакля), что это была женщина высокая, стройная, с тонкой талией и прекрасным бюстом.

Как самое лицо ее, замечательно овальное, так и шея и плечи поражали наблюдателя своею необыкновенною белизною. Знатки ни на минуту не сомневались, что белизна эта происходила не от косметики — выражение лица, грация и сила в движениях красавицы... а когда кто-то впоследствии услышал и полный силы голос, — все сказало в пользу гармонии и здоровья. Первое, что обращало на себя внимание тех, кто был знаком с банкиром и, значит, имел право войти к нему в ложу во время антракта, — это ее высокий, умный лоб, не закрытый прическою, а прелестно обрамленный двумя волнами золотистых волос; затем — глаза красавицы, то полузакрытые темными, длинными ресницами, словно дремлющие... то вдруг загорающиеся особенным, глубоким блеском. Выражение лица было задумчиво-бесстрастно и вместе с тем необыкновенно женственно... То есть не всякий чуткий к земной красоте художник смог бы писать с нее Мадонну: сильнее, чем нужно, билось бы сердце при созерцании этой «модели».

Да, незнакомка была так хороша, что не прошло и недели, как уже встревожила у всех самое жгучее любопытство: кто — и что она?

Знакомые банкира, бывавшие у него в доме, не могли не знать, что почтенный биржевой туз недав-

но возвратился из Лондона, где был со всею своею семьею, что именно оттуда привез он эту девицу, Агнесу Блэквуд. Круглую сироту, особу превосходно образованную, знающую языки весьма основательно, воспитанную, как только могут воспитывать в хороших английских семьях, а посему — вполне надежную компаньонку своей дочери.

Дочь банкира, Эллис, выезжала на балы и вечера к знакомым всегда в сопровождении своей мамыши, но не компаньонки, исключением здесь (то есть выездами сразу троих) была опера. Однако... Заходивших в ложу банкира не знакомили с Агнесой Блэквуд! На балах в доме самого банкира красавица-англичанка не появлялась. Вернее, появилась только раз, но исключительное внимание, оказанное именно ей, кажется, не понравилось хозяйке. Да и то сказать: какой матери понравится такое внимание не к дочери, а к ее, дочери, компаньонке?

В Петербурге в то время жил отставной генерал Николай Сергеевич Рубан-Опальный. Получив блестящее образование, обладая сильными связями, Николай Сергеевич выдвигался скоро и генеральские эполеты надел необыкновенно рано. Впрочем... Крайне самолюбивый, не терпящий подчинения, служивший, что называется, только из чести, — он в одно прекрасное утро, кем-то или чем-то обиженный, подал в отставку и облекся в черный сюртук штатского покроя. Был молодецкато красив, весел, остроумен, наконец, богат... Что же нужно более, чтобы быть баловнем судьбы и общим любимцем? Маменьки и папеньки, имеющие дочерей-невест, не спускали с него глаз; холостяки, старые и молодые, относились к нему с подобострастным уважением; сановники упрекали, но очень ласково, за то, что бросил службу и лишил их возможности тянуть его на высшие иерархические ступени, сами, впрочем, завидовали его положению — обеспеченному и свободному, как воздух.

А жилось Николаю Сергеевичу и впрямь недурно.

Не замечая, как это вдруг случилось, протянул он до сорока лет холостяком, спасшись от соблазнительных уз Гименея. Сам он не помнил, был ли он хоть раз влюблен, кажется, был... Но это случилось так давно, еще до офицерских эполет, и давно уже кануло в вечность. Теперь уже как будто и поздновато было думать о браке — Николай Сергеевич и не думал. И со-

всем не тяготился своим одиночеством. У него был дом-музей в одной из лучших улиц Литейной части, превосходный повар-француз, старший конюх-англичанин, титулуемый даже шталмейстером, — и жил Николай Сергеевич довольно открыто. По четвергам обеды на сорок приборов; ежедневно — не более девяти: это почему-то считается поварами максимальным числом для тонкого обеда высшей кулинарной школы. В карты отставной генерал не играл вовсе и потому не посещал клубов. Единственной страстью его была охота, и в его кабинете, в роскошных шкафах, хранился целый арсенал дорогого оружия. Кроме того, он поощрял оперу и балет, последний — умеренно, то есть не делал особенных, с мужской точки зрения, различий между его звездами.

И вот он-то, страстно относящийся только к лошадям, собакам и оружию, заинтересовался, и очень серьезно, таинственной англичанкой. Начал, несколько чаще, чем следует, посещать дом банкира; там, конечно, были рады, перетолковав это по-своему. Однако интересная ему мисс Блэквуд во время его визитов показалась только раз, а менее интересная девушка Эллис показывалась слишком уже назойливо. Так что же — отказаться от сближения с этой красавицей-англичанкой вообще? Нет, сама мысль о какой-то там *невозможности* начала его, Рубан-Опального, раздражать! И подстрекать на большую настойчивость...

У Рубан-Опального были знакомые из английского посольства; от них он узнал, что отцом красавицы был майор Блэквуд, убитый в Индии во время последнего там восстания; более же — ровно ничего.

И тогда Николай Сергеевич решился на бестактность. Вполне, по моде петербургских аристократов, владея английским языком, написал самой Агнесе Блэквуд. Прежде всего отрекомендовался — обстоятельно и подробно. Затем просил прощения за свою дерзость — и тут же выразил пламенное желание быть ей полезным. Под конец он просил мисс Блэквуд указать ему способ если не сближения, то, по крайней мере, знакомства и возможности лично высказаться.

Как ни скрывал при этом свои чувства автор письма, как ни занят был мыслью не допустить ничего могущего оскорбить строгую пуританку — он предполагал ее именно такою, — но, тем не менее, истинное чувство сквозило сквозь строки, дышащие, хотя, может быть, изо всех сил только братскою, но все-таки — любовью.

«Она, очевидно, несчастна в этой несимпатичной семье и, конечно, из-за куска хлеба...» — решил он про себя.

Отправив письмо с предосторожностями, дабы оно не миновало других рук, Рубан-Опальный тут же и пожалел, что сделал такую глупость, достойную раз-

ве неопытного, влюбленного юнкера. И вдруг... почему-то убедил себя, что письмо останется без ответа.

Но ответ был получен и даже сравнительно скоро...

«Глубоко тронута вашим вниманием ко мне, — писала Агнеса Блэквуд. — Письмо ваше проникнуто чувством искреннего и, кажется, вполне чистого участия. Однако, благодаря доброте мистера Зильбервельта (имя банкира) и его уважаемой супруги, я ни в чем не нуждаюсь. Что же касается более близкого знакомства с вами, то боюсь, что оно не доставит особого интереса такому блестящему представителю высшего русского общества. А потому предоставляю знакомство случайности, но сама не берусь его устраивать».

Подписано было просто: «Агнеса Блэквуд».

«Нет, надо проветриться...» — решил Николай Сергеевич. И уехал на охоту, предполагая пробыть в Новгородской губернии всю неделю.

Но теперь охота занимала его менее чем всегда: вдруг вспомнил о дне его абонементов в оперу...

Увы! В ложе банкира на этот раз были только три лица...

Едва досидев первый акт, Николай Сергеевич вышел из театра, не сразу отыскав Кузьму и своего вороного рысака. И, совсем уже не в духе, покатиł домой. Вдруг, не доезжая до поворота в Мещанскую, он крикнул:

— Стой!

И выскочил из саней.

По тротуару шла женщина, высокая, стройная, с опущенною на лицо вуалью. Николаю Сергеевичу показалось, что это *она*...

«Фу, как глупо! Подойти на улице, на тротуаре... Ни за что!» — мелькнуло было у него в голове. Но все-таки — подошел... Снял шляпу и заговорил:

— Мисс Блэквуд... Простите... Бога ради простите... Я...

Рубан-Опальный назвал свою фамилию.

Англичанка вздрогнула, остановилась и смерила его взглядом.

— Не верю, вы совсем не тот, — произнесла она спокойно. — Тот почтенный джентльмен, чье имя вы сейчас назвали, не остановил бы на улице даму, которой он... был даже представлен.

«Подделом!» — опустил голову Николай Сергеевич. И пробормотал:

— Простите... Я наказан! — Отвесил самый почтительный поклон.

«Выследить! — подумал он, садясь в сани. — Нет, ни за что!.. Гадко!»

А красавица шла все вперед и вперед, даже не ускоряя шага, не обернувшись ни разу, даже не взглянув на него, когда он наконец пронесся мимо с приподнятою над головою шляпой.

Пожалуй, что впервые в жизни провел Николай Сергеевич ночь, полную самых неукротимых волнений; он, кажется, писал и даже не помнил, как заснул полуодетый. Но утром действительно нашел на письменном столе письмо и прочитал его со вниманием, как нечто даже новое.

В этом письме было формальное предложение руки и сердца, только оно было написано крайне пылко, отрывисто и уж чересчур страстно.

«Значит, так и быть! Сама судьба писала мою рукою!» — решил он и сел приводить письмо в порядок, чтобы придать ему вид и слог, вполне приличный такому важному решению и его солидному положению.

«Вот поднимутся в городе толки... Вот пойдет переполох!» — подумал Николай Сергеевич; вдруг расхохотался и велел подавать одеваться.

Письмо было отправлено, и весь день Николай Сергеевич был в прекрасном, даже праздничном настроении духа.

Ответ последовал также своевременно. Его благодарили за честь, оказанную простой девушке, сироте, без средств и положения в обществе, и желали поговорить лично. Адрес был указан так: Мещанская, № дома и № квартиры. Среда, ровно в девять вечера.

Такая простота ответа, даже как бы некоторая его вульгарность, несколько озадачила Николая Сергеевича.

«Позвольте, что же это?» — подумал он. И тотчас же догадался: конечно, это интрига, шутка! Очевидно, его письмо не попало в должные руки и его теперь хотят поставить в смешное положение.

Но все-таки в назначенный день и час Рубан-Опальный явился на место. Спросил дворника, куда пройти, и стал подниматься по не совсем опрятной полутемной лестнице, добрался до четвертого этажа и позвонил.

Дверь ему отворила скромно одетая, очень почтенная на вид старушка и, ничего не спрашивая, произнесла по-английски:

— Пожалуйста прямо, вот в ту дверь. Не заперто!

Николай Сергеевич вошел, сбросив шубу на руки этой англичанке.

Первая комната, освещенная лампой, стоявшей на преддиванном столике, была в два окна и меблирована на крайне просто. Здесь никого не было.

Как вдруг из соседней комнаты, над дверью которой был спущен тяжелый занавес, послышался слабый плач ребенка. Чуть-чуть донесся этот звук... Но холодный пот выступил на лбу Николая Сергеевича, и он почувствовал, будто пол уходит куда-то из-под его ног.

Не успел он прийти в себя, как перед ним стояла она, сама Агнеса Блэквуд, смотрела прямо в упор в

его глаза — и так грустен, так полон глубокой печали был этот взор, что гость поспешил произнести слова, с которыми впору обратиться было бы сейчас к нему самому:

— Что с вами?

Она и улыбнулась его растерянности, и в то же время он увидел, что по ее щеке скатился, ему сейчас показалось, будто бриллиант...

— Садитесь! — указала на стул. И села сама.

— Конечно, вас озадачило мое письмо. Мое предложение более чем поспешное... — начал было Николай Сергеевич.

— Да, озадачило... — отвечала она просто. — Я много получала здесь писем от разных лиц вашего круга, но эти письма были слишком оскорбительны. Ваше меня тронуло. Я вижу, что вы человек честный, сильно увлекшийся мною, то есть, скорее, моею внешностью (она снова улыбнулась), может быть, даже действительно любящий или, вернее, влюбленный... И я решила открыть вам глаза. На ком вы хотите жениться?

— Мисс Блэквуд! — начал было Николай Сергеевич.

— Это все, что вы знаете. О, как это мало! Я видела ваше лицо, как оно изменилось только от того, что вы услышали голос ребенка... Так вот, это — мой ребенок. — И мисс Блэквуд встала, не договорив.

...Даже если женщина не обладает красотой, у нее бывают минуты, в которые она становится красивой. Но эти минуты бывают только у матерей. Высшее чувство женщины, материнская любовь, в такие минуты кладет особую, святую печать на лицо.

Агнеса Блэквуд — такая именно! — встала сейчас и стояла перед Николаем Сергеевичем... Он, конечно, встал тоже, замороженный особенной сейчас ее красотой — склонился к ее опущенной руке губами...

— Это мой ответ! — произнесла она.

И послышались в ее голосе и решение, и вместе вопрос...

— Кто отец его? — заговорил Николай Сергеевич.

— Вы...

Он взглянул на нее и даже отшатнулся.

— Вы! — повторила она. — Если, конечно, вы способны воспитать в себе это чувство: только тогда он никогда не узнает, что у него есть другой отец, кроме вас, и вы должны глубоко верить этому. Потому что в этом, только в этом — и мое счастье, и его...

Агнеса не договорила. Послышался снова чуть слышный детский плач. Женщина взяла за руку Николая Сергеевича — и тяжелая драпировка кольхнулась, скрыв их обоих.

Через час они вышли.

Растроганный голосом, в котором чувствовались непритворные слезы, Николай Сергеевич говорил:

— Дорогая моя, клянусь вам... тебе! Богом клянусь и своею честью, что счастье ваше... твое... и нашего сына будет и моим счастьем!

— Нашего? Вы сказали *нашего*? О, повторите еще раз...

И она, Агнесса, опустила на колени, целуя ему руки...

Он тотчас поднял ее, посадил рядом — и не спускал глаз с этого дивного лица, обрамленного ореолом живого, распадающегося по плечам золота.

Действительно, Петербург — заговорил...

Но, тем не менее, свадьба была отпразднована гласно. Вот только уже на другой день молодые уехали за границу, да так неожиданно, что даже в доме Николая Сергеевича никто не узнал об этом. Распоряжения по дому дворецкий Григорий Иванович получил с почтою из Луги...

Лет восемь продолжалось это отсутствие. Наконец, Рубан-Опальные вернулись, но уже не вдвоем, а в сопровождении прелестного мальчика, смуглого, быстроглазого, по мнению окружающих, похожего на мать несколько, но больше — на отца, на глубокоуважаемого Николая Сергеевича!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*В те дни, когда мы верим нашим снам
И видим в их несбыточности быть,
Я видел сон: казалось, будто я
Цветущую долиной Кашемира
Иду один...¹*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Шли всю ночь. Наверное, идут уже и все утро. Если еще утром считать здешнее... над нездешними их головами солнце.

Впереди, верхами, джигиты-проводники, из местных. И, конечно, казаки... Казаков вперед — по их лошадям, у кого оренбургские их мохнатки покрепче. Казаки ж — и по бокам, и позади колонны. Но эти — оглядывают не с коней... ведут, присталых, в поводу.

И пушкари тоже... Жалеют своих, в упряжках, чуть какой подъем — подпирают орудия сзади.

Пехота, «белые рубахи»... Да нет, все в отряде держатся бодро, устали как бы и не заметно.

¹ Эпиграфами к частям и некоторым главам — стихи из древнеиндийского сказания «Наль и Дамаянти» в поэтическом переложении В. А. Жуковского.

Только надо присмотреться к этим исхудалым лицам, к этим коням... У коней проступают ребра, бока подвело от недостатка питья и корма.

Того и другого вчера на колодцах не оказалось. На месте, где должны были быть мешки с овсом и доставленное во вьюках спрессованное сено (сказали в штабе, что доставили туда наемным караваном), — зола, куски веревок и обгорелой парусины. Хотя и сопроводить груз, и охранять его до прихода двух отрядов (вторым должен был быть кавалерийский полк) поручили нашим джигитам, из местных. Никого! Наверное, устрашили соплеменников. Главное же, главное — на колодцах навалы песка...

Конечно же, в досаде-злости, от ругани не удержался и генерал. Однако — ни слова о коварстве азиат. Потому еще на памяти, как во время прихода в Москву Наполеона жгли мы в предзимней Москве собственные дома. А здесь — засыпают колодцы. Без которых худо им самим.

И генерал вчера принял решение, в правильности которого поначалу усомнились многие: ну как, мол, такое возможно — чтобы уже после пятого дневного перехода продолжать все идти и ночью!

Шли всю ночь. Утром — следующие колодцы... Засыпаны!

Что же — назад? Пять дней обратной дороги — без воды?! Остановиться? Но — скорый! — уже чуяли предел: не поднять тогда лошадей. Вон, как остановы — плюхаются животами.

Идут... Не слышно ни топота, ни колесного грохота пушек — звуки, все, тонут в сыпучем... Песок почти не поднимается выше сапог, и только из самых мелких пылинок — легкие облака над колоннами «белых рубах»...

Наконец... С очередного бархана... Чем там занялись передовые? Даже соскочили с лошадей.

В этом месте песчаные холмы сдвинулись кольцом, образовав в низине просторную котловину. А на самом ее дне... Крышки колодцев там уже поносили — бросились в глаза черные жерла... То есть, понятно, это еще тени колодезных боков, вода — ниже.

И уже там они, казаки и джигиты, спускают кожаные ведра.

Уже — поят! Вот... поят даже лошадей!

А колонны остановлены... Чтобы не бросились туда все разом. По приказу генерала командиры батальонов выстраивают своих в очереди.

Цели! Видно, о нас решили, что еще от предыдущих, от засыпанных колодцев, повернем обратно.

Колодцы глубоки и, чтобы вода не высохла, узки.

Но туда повернуты лица и морды... Все — и люди, и лошади — жадно-трепетными ноздрями улавливают живой дух воды.

Очереди — согласно номерам батальонов, рот, взводов. Разве что (по согласию общему) вперед пустили мучеников-артиллеристов с их мученицами, выведенными для воды из орудийных упряжек. И то... Каждый из пушкарей и каждый конный, еще прежде чем выпить сам, насовывает на морду лошади кожаное ведро. Чтобы ей, вперед, дать несколько глотков жизни.

А вообще-то, если бы сейчас даже упал кто-то на колени, вскричал, взмолился, мол, сама его жизнь зависит от той кружки воды, которую, всклень, вымахивал из ведра каждый — всего-то от нее одной — осьми ведра солдатской кружки мутно-желтой, с солоновато глинистым вкусом, ему бы, вне его очереди, не дали. О милосердии хорошо думать где-нибудь в лечебнице, монастыре, на паперти или в приюте.

Так долго зачерпывают и на длинной веревке поднимают очередное ведро (как только его вытащат — уже скользит по узкой, раструбом вниз, шахте другое), что выходило, сто человек в каждой из этих очередей едва проходили за час. Ко всем пяти колодцам за час — около пятисот... А ведь к этим колодцам, к Адам-Крылган, подступило более двух тысяч! А еще ведь — лошади казаков и артиллеристов, около двухсот.

Передвигались сразу по сто человек, по командам. Скорее... под огнем солнца — перемахнуть от одного участка палаток в тень других, поставленных сплошь, от одного сна-миража к другому, на час, за бытью. И первые пятьсот в этих очередях, обнимая горячими ладонями кружки (хотелось ее, заолодевшую от воды, обнять всем телом), сразу же переходили за спины последних. Прежде чем заставить свои тела опять — по раскаленному морю песков! Еще хотя бы еще по одной кружке!

Как вдруг!.. После сменившихся сторожевых — по второму кругу еще только со своими лошадьми, — артиллеристы... Вдруг, крики сторожевых с бархан:

— Наши!

А потом — отдельный, отчаянием ударивший всех голос:

— А сами — пехом! Ведут в поводу...

И потемнело в глазах сразу у двух тысяч «белых рубах»!

Неожиданный приход сюда кавалерии был чьей-то в штабе ошибкой. Пусть там даже рассчитывали на все по пути колодцы, но отправить тем же маршрутом, за пятью батальонами пехоты и сотней конных — кавалерийский полк — было именно что роковой ошибкой.

Паника (другого слова не подберешь для обозначения чувств собравшихся здесь вместе теперь уже не двух, а трех тысяч), прежде всех паника захватила вновь пришедших. Потому что и им, новым, тоже... Вчера и позавчера на колодцах тех — тоже ни капли... Кавалеристы еле дотянули сюда коней.

Как вдруг — такие здесь очереди к воде!

Но... Они-то здесь, у колодцев, уже — пили!

Да, по кружке каждый. Только ведь и они здесь, «белые рубахи», не ожидали прихода целого полка. А пить... Пить — так еще хотели сами!

И потому какая сила могла сейчас расстроить эти их, пришедших первыми, вторые очереди... За второй, может быть, только спасительной кружкой?! Подождать, когда напьются вновь прибывшие? Тысяча их, даже больше... И если бы пришли только люди. Ведь еще и эта тысяча — еле переступающих на своих четырех...

И потому на грубую силу пришедших ответят они силой, общая паника разразится общей деморализацией. По инстинктивному здесь чувству самосохранения, каждый — почти каждый! — бросится добывать воду себе, более сильный оттеснит товарища, тот ответит пулей, подчиненный, в исступлении смертельной борьбы, не признает своего начальника...

Так что трагическая легенда древнего времени (будто бы такой же случился здесь, одновременный, сход тысяч конных воинов, дотеле между собой дружественных) стала бы явью. И оправдалось бы древнее, с того именно времени название этих колодцев — «Адам-Крылган» («Человеческая погибель»).

Что ж, да, так! Все теперь было бы так же. Было бы! Но если бы это были другие люди. А это были батальоны «белых рубах». И они умели гибнуть, не теряя человеческого достоинства.

И чтобы дать жизнь пришедшим (а тех было вдвое меньше, и в своем яростном наступлении на тех, кто уже напился, пали бы многие из них, так и не успев ни глотка), «белые рубахи» выступили. Да, если бы их сломили лишения, они не смогли бы выступить. Но у них сохранилось еще душевных сил настолько, чтобы идти.

Между колодцами, с которых выступил отряд, и Амударьей залегало пространство мертвых песков. И хотя далеко еще было до Аму, это пространство надо пройти.

«Белые рубахи» выступили!

Рассказанное здесь — подлинная история. Рассказывали потом, что день тогда уже склонялся к вечеру, и чтобы завтра не идти тем же раскаленным днем, шли опять всю ночь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наконец город был взят!

Стиснув зубы, жители его, решив сдаться на волю победителей, выслали депутатов с покорностью и дастарханом (хлебом и солью).

— Аллах прогневался на нас за грехи наши, — говорили депутаты. — Вы — орудие разгневанного на нас Аллаха! Покоряемся Его святой воле и...

Надо было вдуматься в то, что они при этом добавляли:

— Молим усердно, чтобы гнев Его не был вечен!..

То есть это был тот самый худой мир, о котором сложилось странное мнение, будто бы он лучше доброй ссоры.

Депутаты получили почетные медали на красных лентах, жители открыли базары; «белые рубахи», вчера еще дравшиеся львами с «халатниками», мирно и весело толкались по улицам и попивали вместе с горожанами чаек в тенистых чайханах.

Офицеры же ездили по окрестностям ради изучения нового края. Казалось, суровый призрак войны исчез бесследно. Впрочем, орудие разгневанного Аллаха — все поместилось в городской цитадели...

Был полдень. Солнце палило всюду, отбрасывая на изжелта-серую раскаленную почву глубокие черные тени.

Из темной арки городских ворот, стиснутых между двумя тяжелыми, глинобитными башнями, выехала кавалькада, состоявшая из трех офицеров, трех казаков и полудесятка джигитов...

На халатах джигитов блестели белые георгиевские крестики, на их головах красовались уже не чалмы, а высокие черные бараньи шапки, какими обыкновенно эти молодцы запасаются тотчас же, едва только поступают на службу к русским.

Джигиты — это очень характерное явление в Средней Азии.

В периоды военного времени начинается их бенефис. Они служат побеждающим в высшей степени усердно и преданно, но эти два качества испаряются, едва только победитель делается побежденным. Во всяком случае, джигиты — народ весьма полезный, подчас даже необходимый... Никто, как они, не сумеет сделать нужную, опасную разведку; никто, как они, не проникнет в самый стан врагов ради сбора сведений, рискуя головою — и не только ради одной корысти, но и из молодечества, ради почетной выслуги... Они превосходные проводники, ибо до тонкости знают страну, все ходы и выходы, а когда понадобится — переводчики...

Полдесятка таких именно джигитов вместе с тремя казаками и сопровождали трех офицеров, решивших побывать на местном народном празднике.

Впереди рядом полным шагом, каким только умеют ходить кровные азиатские лошади, ехали два офицера: один строевой — видно это было не только по погонам, но и по его аккуратной форменной одежде — высокий, широкоплечий, можно сказать, атлет, с несколько неожиданной на его еще довольно молодом лице окладистой светло-русою бородою; другой — очевидный, даже и на высоком своем коне коротышка-толстяк, погоны у этого офицера были докторские и, мало сказать, поношенные — помятые и старые, в то время как парусина его кителя была чиста и бела именно что как у доктора. И если у его спутника лицо было не очень уж улыбочное, то у толстяка оно то и дело расплывалось в улыбке, а еще более — при громком, заразительном хохоте. Впрочем, замечено, что люди подобного, веселого нрава первые же и впадают в настроение, совершенно противоположное.

За офицерами, не отставая, как говорится, мордою в хвост, трусили на своих горбоносых, толстоногих маштаках три казака-оренбуржца; несколько поотстав, ехал третий офицер, окруженный джигитами. О нем, этом офицере, разговор впереди (и главный!), пока же стоит заметить, как он, столь отличный во всем от здешних, провинциальных офицеров, однако, разговаривал с этими представителями здешнего народа на их же языке.

Между тем вся эта группа, выбравшись за город, втянулась в узкую дорогу, с обеих сторон которой теснились глиняные стены дворов и саклей подгородных кишлаков — скучные стены, не глядящие на улицу ни одним окошечком. Сады и виноградники были, видимо, тоже за этими стенами... Иногда, впрочем, стены куда-то отодвигались, и тогда дорога то пряталась в густой тени тутовых деревьев, то выбегала на открытые, ярко освещенные солнцем пространства, занятые арбузными и дынными бахчами.

В тот день был годовой базар в Ишан-Дауде и там же праздник одноименного святого, весьма чтимого здешним народом. Как рассказывали офицерам джигиты, очень, очень много народу собирается там, в священной роще близ мечети и, кроме торговли, предается молитвам и подчас доходящим до оргий всевозможным забавам... Здесь и трупы батчей (плясунов) и машкарабазов (актеров), дающих (впрочем, говорят, за плату) представления, здесь и чайханы, и походные кухни со всякими сластями, и укромные лавочки продавцов бузы, которой, как рассказывали, можно упиться до полного опьянения, тайные приюты с неизбежными опиумом, анашою и, значит, с доведенными в них до полного истощения тенеполюбными посетителями-курильщиками. Здесь и приюты для игры в кости, где расчет частенько доходит до ножей и крови, и удалые скачки, и другие конные ристалища... В священной роще Ишан-Дауда в этот день

можно вволю наслушаться и сказок-песен бродячих поэтов-сказочников, и горячих речей фанатичных проповедников. Одним словом, как представляется, здесь собирается всё, что только может соблазнить узбека; так что, видимо, не попасть в этот день сюда было бы громадным лишением для каждого правоверного.

Решили посмотреть на все это и офицеры.

Узбеки не любят торопиться, идут и едут обыкновенно, не обгоняя друг друга, и только русских (возможно, в силу их характера) что-то уже гнало...

Мужчины (шли только мужчины) тяжело ступали по мягкой дороге в своих стеганых ватных сапогах, поверх которых были кожаные, наподобие калош, ичиги. Большинство же их, однако, ехало верхом, по одному и по двое, на лошадях, ишаках и даже — были такие — на быках. Впрочем, скрипя высокими, чаще всего несмазанными колесами, колыхаясь коврами и циновками, в облаках густой пыли — катились и экипажи с оплатившими свой проезд пассажирами, попадались арбы, закрытые совсем уже наглухо: это были целые семьи...

Глухой гул человеческих голосов, разнообразные крики животных, звон бубенчиков, лязганье железных стремян — одного всадника о стремяна другого... Весь этот гам стоял надо всею полосой извилистой, запруженной дороги в жарком, переполненном пылью воздухе...

— Эко, однако, сила их прет! — озлился, наконец, веселый доктор, круто осаживая свою лошадь, чуть не наскочившую на упавшего под непосильною ношею, растерявшегося, запутавшегося в своем собственном вьюке ослика. — А ведь далеко! Не опоздать бы!

— Поспеем! — отозвался капитан Шолобов. — Самая тамаша начинается перед вечером, по прохладке. Солнце еще высоко...

— А все-таки лучше бы скорее! Там нас Ибрагимка ждет. Ковры разостлал, чаю, айрану холодного приготовил. Господи, как пить хочется! Дай-ка твоей пыльной глоточек!

Капитан из объемистого седельного кобура вытащил фляжку с водкой.

— Хорошо! Этак, знаешь, уравнивает температуру. Послушай, Шолобов, как ты думаешь? Без большой вероятности впасть в ошибку, не лучше ли нам... То есть, я хочу сказать, не делаем ли мы маленькую глупость с этой поездкою?

— А что? — Капитан удивленно посмотрел на своего спутника.

— Да вот... Как бы нам не влететь! До лагеря двадцать верст, да каких верст — тутошних, клюкою, чай, мереных... Народ здесь... Ишь какими волками глядят! А там, при возбуждении речами Востока... Чик —

и готово! Вон, посмотри-ка ты, Иван Алексеевич, на эту бестию... Вот — субъектец!

Проезжали селение. У одного из домов, прижавшись вплотную, словно вдавившись спиной в стену, вытянув вперед сухие жилистые руки, стоял старый, оборванный нищий, с лицом, испорченным проказою. Его воспаленные глаза, затянутые слепым, беловатым налетом, смотрели вперед взором мертвенно-неподвижным; беззубый, изъеденный болезнью рот судорожно шевелился, испуская какие-то странные, гортанные звуки. Лохмотья едва-едва прикрывали худое, исполосованное рубцами тело...

Шолобов задержал коня и бросил нищему серебряную монету. Тот не заметил подаяния. Какой-то мальчишка, шмыгнув, как ящерица, между ногами лошадей, поднял и сунул монету в руку старика, сказав что-то по-своему... Тот ощупал поданное, и на его лице появилось выражение ужаса. Он отшвырнул монету таким движением, с каким стряхивают ядовитое насекомое. И торопливо начал вытирать эту руку о землю.

— Видел? — шепотом произнес доктор.

— Видел, — спокойно ответил Шолобов. — Этим нам не переучить, не переделать. Такие доживут свое и вымрут нашими врагами. А вон те, что камнем в нас сейчас швырнули... — Иван Алексеевич показал в сторону, где из-за гребня почти плоской крыши выглядывало несколько милостивых детских личиков. — Те уже будут совсем иного взгляда: попривыкнут к нам, увидишь.

— Не знаю, Иван Алексеевич, не знаю... Во всяком случае, мы с тобою такого уже не дождемся. Когда еще произойдет в этом народе перемена? [Да, что ж... Вот я тебе сообщу одну быль, мне ее рассказали, когда мы вошли в Бухарское ханство...]

Многочисленная толпа собралась в узких улицах, огибающих задние дворы дворца эмира. Толпа росла с каждою минутою; даже большой бухарский базар опустел, и в лавках остались одни только их владельцы.

Глухой говор, гул движения, топот копыт по камням, перебранки, смех наполняли воздух. Тесно было в улицах, всякому хотелось пробиться вперед, карабкались на заборы и стены, да и на всех соседних крышах, плоских, как столы, — пестрые группы волнующегося народа.

Квасы¹ с длинными белыми палками в руках пробирались сквозь толпу, пуская в дело, где мало было слов, это свое оружие.

На первом плане толпились сотни ребятишек, которые всегда успеют протиснуться вперед под рука-

¹ Полицейские.

ми и даже между ногами старших; потом виднелись ряды самых типичных физиономий, населяющих многолюдную Бухару: сарты¹, узбеки с своими густыми, курчавыми бородами, с строгими, библейскими лицами, в необъятных кисейных чалмах; скуластые окрестные кочевники киргизы в верблюжьих халатах и остроконечных шапках; евреи с лоснящимися локонами на висках, столь возвысившие казначейство Бухарского ханства своим вавилонским искусством обращения с деньгами²; индусы с красными значками между глаз; авганы³ в ярких красных одеждах, с распущенными по плечам волосами; безобразнейшие нищие в отрепьях... И на самых задних планах, на крышах и в отверстиях полуразрушенных стен — стройные женские фигуры в синих халатах, с черными и белыми чадрами на лицах.

Общее внимание было приковано к маленькой двери, вделанной в глубокую нишу зубчатой глиняной стены, огораживающей обширные дворы эмирского дворца. Эта дверь была сделана из темного карагача с двухстворчатыми половинками и разукрашена тонкою резьбою. В середине половинок изображены были разные звезды, по краям — вызолоченные бордюры, а массивные косяки ярко раскрашены по синему полю ярко-красными, желтыми и голубыми арабесками. Белая ниша вся сплошь изукрашена мелкими, причудливыми барельефами, изображающими фантастические цветы и фрукты. Из-за стены, над самою дверью, торчал шест, а на шесте — вся посинелая, с открытыми оловянными глазами, с искривленным ртом и оскаленными зубами — человеческая голова. Рыжие усы и короткие бакенбарды торчали щетиною, стриженные волосы были перепачканы грязью и черными пятнами запекшейся крови.

Голова была русская... Ее только что привез на поклон эмиру Мозафару-Эддину Юнуска-джигит. Он уже не раз возил такие подарки грозному повелителю благородной Бухары; каждый раз такой подарок оплачивался одной тилля⁴ и полосатым халатом из блестящего адраса.

¹ Так в прошлом называли проживающих в узбекских городах таджиков.

² «Своим вавилонским искусством...» Автор, по-видимому, имеет в виду исторические обстоятельства, в которых древние евреи, переселенные ассирийцами в VI веке до н. э. в Вавилон, были затем освобождены персами (иранцами), однако не все вернулись в Палестину, часть их подалась в Среднюю Азию, в Согдийское государство, население которого было родственно персам; здесь в это же время и был основан город Бухара.

³ Афганцы.

⁴ Золотая монета в четыре рубля серебром (собственно *тилля* значит «золото»).

Наконец за стеною послышались шаги: кованые каблукы звонко щелкали по плитам двора; запрыгала дверная щеколда — одна половинка дверей отворилась... Маленькая фигурка бочком перешагнула высокий порог и показалась на улице, шурша накинутым на плечи, поверх грязного платья, блестящим халатом, на кожаном поясе висел гиссарский нож, сбоку, задевая за камни, прыгала слишком длинная для ее обладателя сабля.

Лицо у этого человека было скуластое, сморщенное, и на подбородке торчали пучочки волос; глаза сияли удовольствием, хотя и забегали сейчас неловко и беспокойно при виде таких многочисленных поклонников. Это был сам виновник выставленного на шесте трофея. Одобрительный говор и крики пронеслись в толпе...

За Юнускою вышли два дворцовых сарбаза⁵ в красных, шитых золотом халатах, с кривыми саблями, и еще несколько невооруженных, но богато одетых придворных; затем узорчатая дверка плотно захлопнулась. Толпа стала расходиться по разным направлениям; но многие пошли вместе с Юнускою на базар, куда и повели осчастливленного джигита насыщаться и наливаться зеленым чаем после его подвига и многотрудной дороги.

И снова на всех базарных перекрестках сталолюдно и шумно по обыкновению, базарная жизнь закипела своим чередом; оживленный говор тысяч голосов глухо опять загудел под сводами крытого центрального ряда с красными, посудными и чайными таварами.

Как раз посредине главного перекрестка уселись на корточки друг перед другом два человека. Один из них был уже совсем старик, с включенною белою бордой, с лицом, обезображенным следами страшной местной болезни паш-хорда, с глазами то поблеклыми, безжизненными, то вдруг разгорающимися, как уголья. На голове — высокая остроконечная шапка, отороченная внизу мехом; на голое, почти черное тело, высохшее, как древняя мумия, был накинут изодранный халат, заплатанный лоскутами всевозможных цветов, преимущественно ярких; ноги босые, покрытые засохшей землей. В руках большой бубен и тоненькая раскрашенная камышинка.

Второй был помоложе, но и в его бороде проби валось множество сединок; голова его не была выбрита, как у всех мусульман, а кажется, и вовсе незнакома с ножницами или бритвою — трудно было рассмотреть, из чего состояла эта его чудовищная «прическа»: казалось, что волосы, длинные, чуть не до земли, были заплетены в несколько кос, и косы эти перевиты и перепутаны между собою в ужаснейшем беспорядке, все

⁵ Солдата.

это скомкано кое-как на макушке и приколото железными булавками. Одет он был в широкий верблюжий халат — и тоже был босоног.

Оба они, поочередно, говорили громко, нараспев, сильно жестикулируя и пронзительно вскрикивая по временам. Это были отрешившиеся от мирской жизни предвещатели, пользующиеся большим авторитетом в народных массах, бродящие всю свою жизнь с одного места на другое.

Кругом накоплялись слушатели и жадно ловили каждое слово, боясь проронить его, вылетевшее из вдохновенных уст. Конные и пешие останавливались на ходу и замирали, как статуи. Вокруг гудела базарная жизнь; здесь же царствовала тишина, в которой отчетливо раздавались хриплые, надтреснутые голоса ораторов.

Старик с бубном говорил:

— Аллах! Единый Аллах! Ты послал на меня глупокий сон, и сон этот тянулся девяносто девять дней!

— Девяносто девять! Слышите ли, девяносто девять! — кивнул другой.

— Да, — продолжал первый, — но спало только мое тело, дух же мой летел высоко над землей и, наконец, стал, по воле Аллаха, на одном месте. И увидел дух мой долину, чудную долину, какая может быть только в раю и какой вы еще, конечно, нигде не видели!

— Где же им видеть что-нибудь хорошее! — поддакивал другой.

— По долине этой текли реки; как серебряные ленты, тянулись они по сочной зелени; на берегах росли тенистые деревья — и гнулись до земли усеянные золотыми плодами ветви!

— Ах, как это хорошо! Хоть бы парочку этих золотых штучек! Да где нам, созданным из грязи...

— Друг мой, ты перебиваешь течение моих мыслей!

— Молчу! Целую прах ног твоих и слушаю. Слушайте — все!

— Сколько роз, — продолжал старик, — сколько разных цветов покрывало долину, и какой чудный запах поднимался под самые облака! А посреди этой долины мирно пасся верблюд, и какой верблюд! Шерсть у него была из чистого персидского шелка, белая, как снег на небесных горах, шея длинная, как у лебедя, глаза черные, мягкие, нежные, как у женщины, походка плавная, голос звонкий, как трубы, которые трубят, когда великий эмир Мозафар едет на молитву. Верблюд губами снимал с роз одни только лепестки или же лежал в тени и пережевывал, а белая, как молоко, пена бежала на густую, душистую траву. Хорошо было жить этому верблюду; его не выучили, не запрягали, у него спина была совершенно чистая, без сбоев и садин: видно было, что выючное седло никогда не прикасалось к чудному животному, оно только ело, спало и прогуливалось. И воскликнул я: «О Ал-

лах! Где же это такая счастливая страна, где верблюдам лучше жить, чем у нас правоверным?» И услышал я голос, исходящий из светлого луча солнечного, и по голосу узнал, что со мною, недостойным, заговорил сам Магомет... Вы не верите? Спросите вот хоть у моего товарища!

— Да, да, я сам видел: Магомет, а не кто-нибудь...

— Святой голос мне сказал: «Посмотри на север, и не будешь ты завидовать этому верблюду». И взглянул я и увидел... Боже, что я увидел!

Здесь оратор вскочил, пронзительно вскрикнул и грохнулся на землю, катаясь в судорогах, грызя землю и горько рыдая: «О, мы несчастные! О, мы жалкий род, созданный для печалей и горя!» Его товарищ старался подражать ему во всех движениях, а толпа замерла...

Наконец оратор успокоился, сел на корточки и продолжал:

— С той стороны, где солнце уже больше не греет, где никогда не видели теплых, летних дней, где царствует постоянная ночь, где все покрыто льдом и снегом, подымались черные тучи. Тучи эти росли и двигались, они приближались, и в самой глубине их, в темноте, горели и бегали огненные искры. Большое стадо волков несло в воздухе; у них были железные когти, железные зубы и страшно сверкали их раскаленные глаза. О Аллах! Помилуй нас! Спаси нас! Покрой своим священным щитом и не дай железным зубам нечистого зверя терзать правоверных детей твоих...

И загудела толпа, и заволновалась: все поняли, что это были за волки...

— Белый верблюд хотел бежать, но было поздно. Звери вцепились со всех сторон, жадно защелкали голодные зубы, и красная кровь полилась по серебряной шерсти верблюда. И упало на землю бедное животное, и тысячи зубов принялись его рвать и терзать. Померкло ясное небо, завыл холодный ветер, погнулись деревья, и стали застывшие воды. Тогда взмолился терзаемый волками, взмолился языком человеческим: «О Аллах, прости детей твоих! Прости, что они стали забывать веру отцов своих, что они позволили неверным осквернять чистую землю и вступили с ними в разные соглашения... Прости их! Они поправятся, загладят свои проступки и все, как один, восстанут на неверных пришельцев...»

И услышал Аллах мольбу эту... С востока, через все небо, перекинулась светлая радуга; по этой небесной дороге спустилось на землю большое крылатое войско. Впереди, на белом коне, ехал сам Тимур и грозно махал своим кривым, как месяц, мечом. Неожиданно ударило святое войско в самую середину волчьего стада, шарахнулись изумленные звери и пустились к себе на полночь. Но не спасли их быстрые ноги: все по-

гибли в бегстве, обагрив землю свою черною кровью. Тогда великий Тимур повелел отрезать все волчьи головы и наткнуть на копья, а копья всадить в землю, одно около другого, и этою стеною отгородиться от холодного севера.

— Вот так точно, как там, у дворца, — пояснил товарищ проповедника. — Наш славный джигит привез сегодня новую...

— Да, так... И снова стало светло, потекли прозрачные воды, выпрямились деревья... А Тимурово войско удалилось снова на небо!

Неподалеку, в угловой чайхане, на коврике у очага с пылающими угольями сидел, поджав ноги, сам Юнуска-головорез; он жадно ел жирный, приправленный мелко нарезанными кореньями плов; он был очень голоден и спешил вознаградить себя, запуская поочередно руки в жирную массу вареного риса и облизывая лоснящиеся пальцы. Около стоял большой медный самовар, ведра в три, тульской работы; самовар этот шипел, свистел и испускал из всех отверстий густые клубы пара, сквозь который сверкали целые ряды развешанных по стенкам медных, покрытых красивым чеканом кунганов (род чайника). Пузатые мешки с кишмишем, урюком и разными сушеными фруктами лепились по стенам чайханы, в камышовых сетках висели сберегаемые на зиму дыни и связки красного стручкового перца. У чайханы толпились мальчишки с плетеными лотками на головах, а на лотках лежали целые пирамиды горячих, только что вынутых из печки лепешек.

Юнуска ел и рассказывал, его внимательно слушали. Юнуска говорил:

— ...а остальные побежали.

— Это все-то побежали? — перебил рассказчика кто-то из толпы.

— Да, все трое. Я как выскочил на них из-за стены, так сразу убил одного, а другие трое испугались и побежали. Их всех было четверо: понимаете ли? Четверо! И у всякого было огромное ружье, и каждое ружье могло стрелять по два раза.

— А хорошие ружья у русских, — снова перебил один из слушателей. — У нас таких не умеют делать!

— Когда я был в Ташкенте, так видел у одного из ихних начальников совсем маленькое ружье. Так то восемь раз стреляло.

— Все это дьявольская работа, — перебил седобородый мулла. — Свяжешься с чертом и сто раз из одного ружья выстрелишь!

— Так вот, — продолжал Юнуска, — побежали они; я за ними и еще убил двух, а уж четвертого не убил, не хочу лгать. Ускакал, проклятый!

— А ведь это он все врет! — раздался гортанный голос.

Все, и Юнуска, оглянулись. У входа в лавку стояли два авгана — и улыбались, глядя на рассказчика.

— Как врет? Почему врет? — посыпалось из толпы.

— А потому врет, — сказал авган, — что видели мы не раз русских в поле. И у нас пушки были, а не выдерживали мы прямого боя — и пушки бросали... Да ты, эй, послушай, не напирай так, а то ведь что же хорошего, — обратился он к одному из бухарцев, который слишком близко подошел к нему с зловещим выражением лица.

— Это вы, подлецы, и от нас, и от русских бегали! — послышалось в толпе. — Наемщики всесветные...¹

— Постой-ка, брат, — шепнул один авган другому, — я кликну наших.

— Куда? Стой! — заревел напарник уличного проповедника, посланный тем на шум голосов. — Ни с места! — Он схватил авгана за ворот его красной куртки, но тотчас же захрипел и присел на землю. Поясной нож авгана угодил ему под ребра.

Это стало сигналом к схватке.

Первое время авганы держались стойко, прижавшись спинами друг к другу; у них были кривые сабли с железными ручками, у нападающих же — одни только ножи, да и то не у всех. Вдруг целая чашка налитого из самовара кипятка плеснула прямо в смуглое лицо; авган вскрикнул, схватился руками за голову и выпустил саблю. Толпа нахлынула.. Послышался задушенный стон... И в минуту все было кончено для несчастных горцев.

С улицы послышался звук флейт. Красивые мальчишки, не старше шестнадцати лет, ехали попарно, на них было все красное, а за плечами ружья с раскрашенными, узенькими прикладами. За ними два пеших старика в парчовых халатах вели под уздцы красивого белого коня, у которого между ушами торчал высокий золотой помпон; на коне сидел сам эмир Мозафар-Эддин, поглядывая остро прищуренными, все понимающими глазами...

¹ В перерывах между войнами с англичанами афганцы служили и в армиях среднеазиатских ханств, и в русской армии (составляли в ней целые отряды).

Продолжение следует.

Алексий БАБУРИН

БОГ ВСЕ ПРЕДВИДИТ И ВСЕ ПРЕДОПРЕДЕЛЯЕТ

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ БЕСЕД ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЯ-МЕДИКА АЛЕКСИЯ БАБУРИНА
С МОНАХОМ-ФИЛОСОФОМ АНДРОНИКОМ (А. Ф. ЛОСЕВЫМ).
1980–1988 годы

Меня многие считают счастливым: профессор, доктор наук, печатается, а я считаю прожитую жизнь неудачной. Я хотел быть настоящим монахом, а стал не поймешь кем: два раза женился; я хотел заниматься одним — работаю над другим. Бог наделил меня различными дарованиями: я был звонарем, регентом, хорошо знал церковный устав, литургию. Наиболее постоянной моя любовь была и остается к богослужению, но даже этого я был лишен... С чем предстану перед Богом?

А. Ф. Лосев. Воспоминания судьбы

Меня, недостойного протоиерея Алексия, в бытность моего церковнослужения (пел, читал и алтарничал в храме Воскресения Словущего на Арбате), обучения в медицинском институте и в начале моей врачебной практики Господь сподобил в течение восьми лет быть не только массажистом известного всему миру ученого Алексея Федоровича Лосева, но, одновременно, иметь в сокровенном его лице, монахе Андронике, — собеседника и наставника, во многом определившего мою дальнейшую судьбу. Из тех счастливых лет общения я, по просьбе чтущих память монаха-философа Андроника, поделюсь здесь некоторыми своими воспоминаниями о нем и отдельными его высказываниями.

В двадцатые годы Алексей Федорович имел духовного отца со святой горы Афон. Это был знаменитый архимандрит Давид (Мухранов), афонский пострижник и воспитанник, начальник и строитель С.-Петербургского подворья Свято-Андреевского скита. В Москве о. Давид служил в Никольской ча-

совне на Таганке. Это он 3 июня 1929 года совершил чин монашеского пострига Алексея Федоровича и Валентины Михайловны, нарекая их новыми именами, Андроником и Афанасией. Умер о. Давид 2 июня 1930 года в возрасте 83 лет от рожистой инфекции. Затем духовником Алексея Федоровича становится иеромонах Досифей (Шонин), служивший сначала в Смоленской Зосимовой пустыне, которая находится в трех с половиной километрах от станции Арсаки Ярославской железной дороги, а затем — в Борисоглебском Аносином женском монастыре, что на берегу реки Истры, в шести километрах от станции Снегири Рижской ж. д. После закрытия Аносина монастыря о. Досифей служил некоторое время в тайном скиту на Никольской улице в Москве, а затем был сослан в Караганду, где и умер от малярии в 1936 году.

Алексей Федорович одно время скрывал у себя в доме от преследования, под видом родственника, схиигумена Митрофана (Тихонова), который после закрытия Зосимовой пустыни служил с начала в Московском Высоко-Петровском монастыре, а затем в храме преподобного Сергия Радонежского на Большой Дмитровке; умер он в годы Великой Отечественной войны, будучи заключенным в Башкирском лагере по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 27 декабря 1941 года.

Мало кому известно, что после смерти в лагере о. Александра Воронкова Лосев долгое время материально поддерживал его многодетную семью.

Алексей Федорович любил монастырские службы. Как правило, первую седмицу Великого поста,

Страстную, а затем Светлую седмицы он проводил в монастырях, в скитах Троице-Сергиевой лавры, Параклите и Гефсиманском, Зосимовой и Аносиной пустынях.

Бывшая насельница Аносиной пустыни схимонахиня Леонтия¹ рассказывала мне о том, как Алексей Федорович, приезжая в монастырь, всегда привозил с собою для монахинь гостинцы и как он подолгу беседовал с о. Досифеем. Кстати говоря, в этой обители действовал устав общежительных монастырей св. Феодора Студита.

В двадцатые годы у Алексея Федоровича был в Москве свой приход, где он, будучи уже профессором Московской консерватории, регентовал, пел, читал и звонил в колокола. Этим приходом была церковь Воздвижения Креста Господня (до наших дней не сохранилась). В этой же церкви подвизались друзья Алексея Федоровича: Николай Васильевич Петровский, Александр Борисович Салтыков, Владимир Николаевич Шелкачев, Петр Черемухин. Как вспоминали друзья, А. Ф. звонил в колокола так, что за душу хватало. Алексей Федорович строго соблюдал посты. Он рассказывал мне, как однажды его нещадно ругал о. Давид только за то, что он во время Великого поста съел кусочек селедки.

Чтобы настроиться на глубокую молитву, А. Ф. нередко ходил в Москве в церковь во имя Ржевской иконы Божией Матери на Поварской, где с 1926 года стали совершать богослужения священноиноки упраздненного Валаамского подворья.

Из церковных распевов А. Ф. особенно любил знаменый и валаамский.

Партесное пение в храме он не признавал, считая, что его «мучительно слушать с точки зрения Строгой веры». Слушая записи современного церковного пения, А. Ф. говорил, что «они рассчитаны на художественный эффект, что это не молитва и не церковь». Вместе с тем Алексей Федорович восторженно отзывался о произведениях протоиерея Петра Турчанинова и, в частности, о стихире на стиховне во Святой и Великий пяток вечера «Тебе, Одеющагося Светом, яко ризою», говорил как о благородно-созерцательном песнопении.

Алексей Федорович любил церковнославянский язык. Он считал, что его нельзя в богослужении заменять русским языком по той простой причине, что церковнославянский язык «сохраняет благоговение у верующих». Перевод на русский язык, например, второй половины Херувимской песни «Яко да Царя всех подымет ангельскими невидимо дориносима чинми»

¹ В миру Любовь Леонидовна Нечуй-Левицкая, внучка украинского писателя Ивана Семеновича Нечуй-Левицкого.

решительным образом не проясняет содержания, но вызывает к тому же ложные ассоциации.

Многие молитвы и песнопения А. Ф. знал наизусть. Вспоминаю, как 13 апреля 1987 года он оживленно делился впечатлениями о богослужениях на Страстной седмице. Он, в частности, напомнил мне о стихире на «Господи воззвах», составленной инокиней Кассианой и поемой во Святую Великую Среду. Вот ее содержание, по своей глубине превосходящее самого Достоевского, как говорил Лосев: «Господи, яже во многия грехи впадшая жена, Твое ощутившая Божество, мирносицы взявши чин, рыдаючи миро Тебе прежде погребения приносит, увы мне! глаголющи, яко ночь мне есть разжжение блуда невоздержанна, мрачное же и безлунное рачение греха. Приими моя источники слез, Иже облаками производяй моря воду, приклонися к моим воздыханием сердечным, приклонивый Небеса, неизреченным Твоим истощанием: да облобыжу Пречистеи Твои нозе, и отру сия паки главы моя влася, ихже в рай Ева, по полудни, шумом уши огласивши, страхом скрыся. Грехов моих множества, и судеб Твоих бездны кто исследит; Душеспасче Спасе мой, да мя, Твою рабу, не презрещи, Иже безмерную имей милость».

Особо чтил А. Ф. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветителей словенских. Они ему были близки не только по воспоминаниям о домовом храме в их честь в Новочеркасской гимназии, где он учился и любил молиться, но и как покровители философии и филологии. В день их памяти он и представился ко Господу.

Позвольте теперь представить вашему вниманию некоторые рассуждения А. Ф. о вере и разуме, о догматах веры, об идеальном и материальном, о предвидении и предопределении Божиим, добре и зле, о сопротивлении злу насилием, о священстве, о молитве, о жизни и бессмертии, всемирной истории и путях ко спасению.

О ВЕРЕ И РАЗУМЕ

На мой вопрос: «Как поживаете, Алексей Федорович?» — в ответ слышу: «Моя душа — на тройку, разум на пять с плюсом».

«Я только и живу разумом. Разум выше всякой логики, он не признает капризов душонки, рассуждений рассудка. Разум видит непосредственно, он созерцает. Рассудок говорит: разве совместимо существование Бога с неисчислимыми страданиями людей? Разум отвечает: молчи, жалкая, брэнная душонка, Бог есть!»

Обычно говорят: «В душе я верю в существование Бога, но ум мой, сомневаясь в этом ежечасно, мешает мне искренне верить». «У меня, — говорит Алексей

Федорович, — все наоборот: душонка питит, сомневается, а разум неумолимо свидетельствует — Бог есть!»

«Что есть вера?» — спрашиваю я.

А. Ф.: «Вера — утверждение факта как именно факта, без каких-либо умозаключений о нем».

Исходя из этого определения, Алексей Федорович считает, что всякий человек неосознанно и осознанно верит в фактическое существование Бога, души. «Каждый знает, что такое Бог, что такое душа, а если даже и пытается кто-то отрицать свою веру, то тем самым обманывает себя и других или просто притворяется. Спорить тут можно только по поводу определений Бога и души. Но это есть уже наука о факте. Слепая вера — предзнание. Веру и разум уместно противопоставлять в структуре, но не в познании предмета. Предмет же мы постигаем и с помощью веры, и с помощью логики, разума. Сама по себе вера не нуждается ни в какой логике, ни в каких доказательствах, хотя доказательства предмета веры, например, бытия Божия, могут быть. Бог является нам и в разуме. У Гегеля такое доказательство есть. Он называет Бога абсолютной Идеей. Это понятие у Гегеля есть предельно обобщенная действительность, бытие. В этом смысле Гегель пантеист».

«Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума» и «в разуме поющих Тя» поют в эти святочные дни в Церкви. О каком разуме идет речь?

«Под разумом здесь следует понимать ум (нус), но не рассудок. Ум наделен творческим началом, в отличие от рассудка».

«Вера в богочеловеческую личность Христа есть требование предельно развитого разума». «Литургическое богословие — лучшая школа для христиан».

24 января 1984 года. «Рассудок опирается или основывается на очевидных, чувственных фактах. Разум основывается на фактах веры. У него свои аргументы, своя интуиция. Алексей Федорович всегда руководствовался строгим принципиальным разумом. Душа для него подобна капризной женщине, она непостоянна и ненадежна».

«Православие, в отличие от католицизма, признает не только разум, но и неразумие, — то, что выше разума. Оно учит о единстве того и другого. Православные очень важное место отводят материальному, возвышая его. Бог у них являет себя в таинствах, в хлебе и вине».

«Доверие выше веры. Вера в Бога — теория. Доверие Богу — практика. Доверять значительно тяжелее, чем верить. Мы должны полностью полагаться на волю Бога, несмотря на самые невыносимые условия существования».

Цитирую А. Ф. Лосеву классическое определение религии, данное Ф. Энгельсом. «Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»¹.

А. Ф.: «Это субъективный идеализм».

Утверждение, что первобытный человек обожествлял природу, неверно, так как из этого утверждения вытекает, что он знал Бога. На самом деле он его не знал.

Как-то я привел высказывание бывшего православного священника и профессора Ленинградской духовной академии Александра Осипова из его книги «Откровенный разговор с верующими и неверующими», где он утверждал, что «от “причастия святых тайн” корни протянулись к диким кровавым обрядам ряда первобытных народов, к поеданию священного тотемного животного-первопредка и к богоядению более поздних сравнительно с тотемизмом религий»². На что Алексей Федорович тут же заметил: «Уже позитивистски неверно. Тотем у первобытных людей — телесное существо, тогда как у христиан причастие — есть приобщение к духовной сущности. Но принцип этот — стремление людей к слиянию с высшим началом — действительно всеобщ. Но, главное, во имя кого это делается».

На выпускном экзамене в духовной семинарии архиепиеей задал семинаристу вопрос: «Что такое чудо?» Так как тот никак не мог подыскать определения, владыка решил ему помочь наводящими на правильную мысль вопросами.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2. Т. 20. С. 328.

² Осипов А. А. Откровенный разговор с верующими и неверующими. Размышления бывшего богослова. Л.: Лениздат, 1983. С. 60.

— Ну представь себе, забрался звонарь на высокую колокольню и по неосторожности соскользнул оттуда вниз на камни и нисколько не зашибся, чтобы это значило?

— Случай, владыка.

Архиерей поморщился и сказал:

— Ну ладно, допустим и точно — случай. Но вот он опять влез на самый верх колокольни и, вот беда, снова слетел с нее на землю и не расшибся. Что же это будет тогда?

— Это, владыка, везенье!

— Экой какой ты? Ну вот звонарь и в третий раз поднялся на колокольню, закружилась у него голова и он свалился на землю и, как ни в чем не бывало, остался живым. Понимаешь, что это?

— Как же не понимать, Ваше Высокопреосвященство, — точно обрадовался семинарист. — Это будет самая настоящая привычка.

— Чудо это, невежда. Знать надо.

О ДОГМАТАХ ВЕРЫ

Отец Павел Флоренский как-то спросил Алексея Федоровича: «Есть ли догмат о воскресении Божией Матери?».

Алексей Федорович ответил: «С детства ежедневно читаю Символ веры и не встречал». А сам задумался: «А почему же, действительно, нет?» Позднее нашел для себя объяснение. Потому что Воскресение Христа отцы Церкви решили почитать без какого-то бы ни было умаления, назвав в этой связи воскресение Богоматери — Успением».

В восьмом члене Символа веры что читаем?

— И в Духа Святого, Господа, Животворящего, Иже от Отца исходящего, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.

— Раз уже сказано «от Отца исходящего», значит, не следует говорить «и от Сына», так как Бог един.

Алексей Федорович считает, что рассуждать можно даже о догматах, то есть рассматривать (но не спорить) их с точки зрения логики, эстетики, диалектики, морали и пр.

Догматы веры — формально миф. Заклинания во имя Иисуса — формально магическая операция. В них проявляется магическая сила имени.

ОБ ИДЕАЛЬНОМ И МАТЕРИАЛЬНОМ

Однажды, 26 января 1984 года, я заговорил с А. Ф. о проблеме идеального и процитировал К. Маркса: «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹.

— Сплошная путаница, — возразил Алексей Федорович. — С одной стороны — субъективный идеализм (идеальное существует только в голове, в субъективной реальности), с другой — отрыв идеи от материи.

— Скажи, без математики ты можешь обойтись?

— Нет, конечно.

— А ведь это обобщение, абстракция. С ее помощью мы можем, скажем, высадиться на Луне, доверяя этим знаниям. По мере обобщения мы от единичного, конкретного переходим к абстрактному, неконкретному. Например, француз —> человек —> живое существо —> существование —> бытие. Это так, если мы говорим о развитии понятий. Когда же речь идет о становлении сущности чего-либо, то мы материю не имеем право отрывать от формы. И тогда — бытие есть предельная конкретность.

— «Идеи не бывают “ничьи”», — цитирую В. И. Ленина.

— Дальше своего носа они ничего не видят. А мир как целое. Разве жизнь возможна только на земле?

Земля, луна, солнце... в отдельности не есть мир, но во всей своей совокупности они составляют нечто целое — мир. Таким образом, мир есть предельное обобщение действительности. И это обобщение не есть пустая абстракция. Оно реально, объективно существует, так как сознание отражает действительность во всей ее полноте.

Знаешь ли ты, что такое всё? Да, знаю. Что? То-то, то-то, то. Значит, это все существует? Конечно. Это все ни от кого не зависит? Да, оно самостоятельно развивается и творит конкретное. Это и есть Бог!

15 апреля 1987 года. Целое всегда выше своих частей, но не является их суммой. Это целое есть несовершенное отражение совершенного Абсолюта. Повторяя слова Канта: «Бог есть мироздание в целом», Алексей Федорович добавляет: «Как в теоретическом плане, так и в своем историческом развитии». Идеи,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23. С. 21.

таким образом, есть не что иное, как целостности, универсалии, и существуют они реально, а не в воображаемом мире.

А в мире? Неужели мир не развивается, не функционирует? Если мир живет, то, значит, есть и мировой разум.

Всякий отличит живое от неживого. Каждый знает, что из неживой материи не может родиться живое. Понимание же материи как самодвижущейся субстанции есть уже признание в ней жизни. В таком случае понятно ее развитие до состояния «мыслящей материи».

Если мы заявляем, что материя порождает дух, сознание, то тем самым мы утверждаем всемогущество материи. Таким образом, материя здесь есть Бог. Правда, слишком ограниченный и примитивный.

Материалистам не удастся объяснить направленность движения материи. Каким образом из неживой материи появляется живая, и даже дух? Говорят, что миром управляют всякого рода законы. Так это же демоны какие-то, демонизм! Если бросают игральную кость и постоянно получают одно и то же число, то, как правило, предполагают, что в этой кости имеется какая-то подделка. Аналогично, если существует постоянный и непреложный какой-то закон, значит, он замыслен. Материя сама себя приводит в движение. Стало быть, она не мертвый механизм, а живой организм. Но как объяснить тогда его структуру, упорядоченность, направленность развития? Так это скрытый пантеизм. Поздравляю вас, вы — скрытый верующий. Только вера ваша ограничена и примитивна. Пантеизм — религия. Но Бог его крайне несовершенен, бессодержателен. От пантеизма можно избавиться, только признав тварность мира. Для пантеиста подсознательно «все позволено». Он же часть божества-материи.

Говоря как-то на эту же тему, А. Ф. сказал: «Материалист ничего не видит дальше своего носа. Его недостаточные обобщения суживают поле видения, делают его близоруким. В. С. Соловьев пишет, что никто так высоко не оценил материю, как христиане. Они возвысили ее до Богочеловека. Тогда как сами материалисты понимают ее как мертвое вселенское чудовище (труп). Это же — сатана. Он тоже присутствует везде, но он ничто. Он — смерть. Поэтому материализм есть разновидность сатанизма».

* * *

«Быть материалистом, — пишет В. И. Ленин, — значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств. Признавать объективную, то есть не зависящую от человека и от человечества

истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину»¹.

Алексей Федорович с иронией: «Значит, святые отцы были материалисты, так как признавали эту объективную реальность».

Материалистическое учение о материи, законах природы, действующих в вещах, есть вырождение христианского учения о троичности Лиц Божества и о воплощении Сына Божия, — вырождение, которое, тем не менее, в такой же мере мифологично и догматично, как и любая религиозная догма.

Марксистско-ленинская философия есть система догматов, которые требуется усвоить не рассуждая. А еще упрекают религию, что она запрещает мыслить. А апостол Павел пишет о Боге, «иже всем человеком хочет спастися и **в разум истины прийти**»².

Марксисты видят критерий истины в своей церкви — партии. Смирение перед партией — положительная нравственная категория. Во всех остальных случаях оно безнравственно.

* * *

6 февраля 1984 года. Речь зашла о позитивистах Огюсте Конте и Герберте Спенсере, ограничивающих значение факта возможностями наглядности.

— В таком случае меня можно считать также позитивистом. Только для меня границы наглядности шире обычных: они включают в себя и идеальное, и социальное, и трансцендентное.

Что такое надындивидуальная логика?

«Я думаю, что эта логика, которая заложена в самой действительности. Все идеи мы черпаем из нее же. А это значит, что понятие Бога — Абсолюта, или, лучше, Личностного Абсолюта, выведенное на основе правильной теории обобщения, есть результат отображения в нашем сознании Его подлинного существования, Его Сущности.

Алогично утверждать, будто бы мир существует без Бога, психические процессы — без души. Наука изучает процессы и явления, но не их суть.

Утверждают, души нет, а душевные явления изучают. Где же логика? Явления чего?»

Был такой старый анекдот. В зале Большого театра один слушатель оперы обращается к другому:

— Что-то певица безобразно поет.

— Так она поет корой головного мозга.

¹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 18. С. 134–135.

² 1 Тим. 2:4.

О ПРЕДВИДЕНИИ И ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИИ

6 февраля 1984 года. Цитирую слова преподобного Иоанна Дамаскина из 30-й главы второй книги «Точное изложение православной веры»: «Следует иметь в виду, что Бог все предвидит, но не все предопределяет»¹.

Это неверно. Бог все предвидит и все предопределяет. Бог за все, что происходит, отвечает. Только не перед человеком, а перед Собой. На все воля Божия. Иначе это судьба, бессмысленное предопределение.

Бог попускает существование зла. Человеку это попускание непонятно, не может же он быть советником Богу. Бог сотворил человека из ничто, из небытия, «по образу и подобию» Своему. Бог свободен, ни от кого не зависит. Он утверждает Себя в Себе. В человеке Бог предопределил свободу выбора: утверждаться ему в Боге или в небытии. Утверждаясь в меоне², человек становится его рабом и полностью подчиняет себя ему, и наоборот. Меон же есть стихия бессодержательная, пустая, мертвая. Утверждаясь в Боге, человек обретает в Нем источник жизни, смысла, истины, красоты и любви. Однако выбор Бога еще не спасает человека. Требуется исполнение им воли Божией. Так предопределил Бог. Диалектически тут все можно объяснить. В жизни же это понимание можно только выстрадать. Зло торжествует, а ты веришь: Бог, «сокровенная человеков яве предведый»³, — Жив, и волос с головы твоей не пропадет⁴. Ты не можешь победить зло, хотя и борешься с ним и продолжаешь эту борьбу вопреки отчаянию, доверяя Богу. Доверие Богу — вот что заставляет терпеть всякие страдания. Если что-то из твоих добрых дел и выходит злое, то это уже от тебя не зависит. Так должно было случиться. При этом ты сам не лишен греха. Однако ты веришь — Бог милосерд! Бог — любовь! Ты продолжаешь каяться и молиться.

Что такое фатализм, я не знаю. Это хорошо знают на Востоке. Для нас же есть воля Божия.

О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Добро существует само по себе. Оно противопоставляет себя себе, рисуя свой образ. Добро бывает разных степеней. Представление о доб-

¹ Точное изложение православной веры. Творение Святого Иоанна Дамаскина. СПб., 1894.

² Греч. *μη ὄν* — небытие. Иногда — относит. небытие, «еще не бытие».

³ Пятая утренняя молитва святителя Василия Великого.

⁴ См. Лк. 21:18.

ре у разных людей неодинаковое, но в совокупности мы имеем абсолютное добро.

Добро и зло нельзя рассматривать как плюс и минус. Зло нуждается в добре, иначе ему не на что изливаться. Зло не существует без добра. Добро же существует само по себе. И если оно противопоставляется чему-то, так только добру высшего порядка.

Здесь уместно вспомнить ответ о. Давида на вопрос Алексея Федоровича:

— Злые силы нас окружают со всех сторон, покоя нет от них. Как быть?

— Не обращай на них никакого внимания. Ведь они же ничто и поэтому крайне нуждаются в нашем внимании. Они только этим и существуют. Зная об их существовании и о том зле, которое они творят, не плюй в них. Препятствия всякого рода к совершенствованию в деле веры, к добродетели, к христианской жизни надо воспринимать как средства к их достижению.

* * *

Алексей Федорович, апостол Павел, обращаясь к коринфянам, пишет: «Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела»⁵.

Почему блуд считается одним из самых тяжких грехов? Ведь и алкоголизм, и наркомания, и гнев, и объединение, и лень — грехи не только против собственной души, но, как и блуд, против тела.

— Не знаю, как тебе ответить? Эти вопросы окутаны тайной. Нам приходится блуждать в тумане и принимать решения, полагаясь на свою совесть. Конечно, мы при этом бесконечно ошибаемся. Прости, Алексей, за тупость. Ты мне не задавай таких вопросов.

О НЕПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ НАСИЛИЕМ

Как вы толкуете слова Иисуса Христа «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»⁶?

Как всякое место из Священного Писания, воспринимаю его только в контексте целого. Например, здесь следует вспомнить также и другое речение: «Не мир пришел Я принести, но меч»⁷. Ни одно евангельское изречение не следует рационализировать, брать само по себе, изолированно от остального текста.

Заповедь гласит «не убий», а Александр Невский убивал на войне и прославлен как святой. Святитель Николай на Вселенском соборе в праведном гневе заушил злочестивого Ария, и этот поступок

⁵ 1 Кор. 6:18.

⁶ Мф. 5:39.

⁷ Мф. 10:24.

расценен как достойный. Куда девалось смирение? Да и вообще, помимо законодательства всегда существовал суд, призванный применять эти законы в каждом конкретном случае из жизни. В подобных вопросах главный советник — совесть, Ангел-хранитель. У человека должно быть чувство собственного достоинства — справедливая оценка самого себя, но не завышенная и не заниженная, не гордыня и не самоуничтожение.

Л. Н. Толстой, например, сочинив свое евангелие, получил дешевое признание многих невежд. Непротивление злу насилием у него возведено в Абсолют. Настоящий христианин нередко придерживается этого принципа, но во имя Бога.

О СВЯЩЕНСТВЕ

Все прекрасное редко! Также и священство. Вспомним отцов Иоанна Кронштадтского, Алексея Мечева, Валентина Амфитеатрова. Это — тузы.

* * *

Известно, что у многих евреев в крови — житейский материализм и национальный эгоизм. Означает ли это, что еврей не может быть православным священником или епископом?

— Может. Был, например, патриархом Тихоном в священный сан рукоположен Николай Федорович Ремов — сын священника, женатого на крещеной еврейке. Впоследствии Николай стал епископом Варфоломеем, преподавателем Московской духовной академии и семинарии. О нем ректор академии, епископ Феодор (Поздеевский), говорил мне как о истовом и глубоко верующем владыке. Со слов владыки Феодора, в это время в духовной академии выделялись своей религиозностью также владыка Илларион (Троицкий) и отец Павел Флоренский.

Известен своей благочестивой богоугодной жизнью и священник из еврейской семьи — Иосиф Фудель. Был также евреем архимандрит Михаил (в миру Павел Васильевич Семенов), впоследствии ставший епископом Древлеправославной церкви Христовой. Митрополит Леонид (Лев Львович Поляков) Рижский и Латвийский, врач по профессии, ныне здравствующий, также еврей по матери. Владыка Хризостом (Мартишкин) рукоположил в 70-е годы более сотни человек во священники, из них несколько евреев, и в их числе кандидат филологических наук Георгий Эдельштейн, который до сих пор служит в сельском храме под Костромой. Известно, что многим людям свойственен зоологический антисемитизм. Также известно, что у многих евреев в

крови их национализм. Это и заставляет относиться к их рвению во священники с некоторой осторожностью.

* * *

«В настоящее время священник должен быть гением, чтобы правильно руководить людьми». Он должен быть высоко нравственным, высокообразованным, разбираться в вопросах политики. «Если он не может ответить проснувшемуся разуму человека, что есть Святая Троица, непорочное зачатие и т. п., то в этом уже — соблазн».

О МОЛИТВЕ

Воскресенье, 27 февраля 1983 года, день смерти историка философии и переводчика А. С. Богомолова.

А. Ф.: «Сказано: “непрестанно молитесь, всегда радуйтесь”. А как же эти абсолютные принципы превратить в жизнь? Вот скоростно скончался хороший человек, прекрасный ученый Алексей Сергеевич Богомолов, а я что, должен радоваться? А призыв непрестанно молиться в наш век с его напряженным ритмом жизни выполним ли? Даже самая краткая Иисусова молитва должна читаться со вниманием.

Старец Давид утверждал, что слова “Иисусе мой”, произносимые перед всяким делом и после окончания его, воспоминаемые в паузы хлопотливой жизни нашей, — освящают нас и заменяют всякую иную молитву».

А. Ф. говорил, что «если их произносишь без осолого даже сосредоточения, все равно они, как осенние себя крестным знаменем, освящают наше существо».

* * *

«У Отцов Церкви человек, занимающийся умным деланием, подобен Богу, по благодати. Молитва человеку нужна для утверждения себя в Боге. Райская жизнь есть не что иное, как непрестанное славословие Бога».

* * *

«Интуитивисты Нил Сорский, епископ Игнатий Брянчанинов придавали огромное значение умному деланию, тогда как епископ Феодан Затворник главным считал мораль и доброделание. Занявшись переводом “Добротолюбия”, он оставил без внимания многое об умной молитве, тем самым ограничивая ее применение».

О ЖИЗНИ И БЕССМЕРТИИ

* * *

«Жизнь — развитие в условиях неизвестности результата развития. Адам до грехопадения знал смысл своей жизни. Его жизнь была осознанной, содержала и цель, и результат. Сама по себе жизнь бессмысленна. Она предполагает наличие движущего принципа. Живая жизнь — жизнь в чем-то. Например, жизнь во Христе.

Жизнь сама по себе есть становление, хаос, самотворчество и самоуничтожение. Ум же дает жизни цель, направление развития, структуру. Ум, эйдос, дух вкладывают в теоп, в материю смысл. Наличие надежды у человека свидетельствует о его бессмертии. Он не мыслит себя мертвым субстанционально. Мы говорим: “Я умру”. Подлежащее “Я” здесь выше своего предиката — “умру”. Смерть — одно из состояний “Я”-субстанции, сопровождение “Я”. Точно так же, говоря “стена белая”, мы признак — белизну — не идентифицируем со стеной. Ведь белым может быть что угодно».

* * *

Как следует понимать слова Спасителя: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»¹?

«Это надо понимать, наверное, не как сохранение общественного церковного института до последних времен, а как духовную победу Церкви над злом. При этом церкви как таковой может не остаться на земле и верующих будет крайне мало. И, тем не менее, врата ада не одолеют ее».

«Николай Бердяев писал о жизни будущего века как о неразработанном церковью вопросе. Не может существовать ад рядом с всеобъемлющей любовью Бога². Во всеобщее воскресение мертвых верили и Ориген, и святой Григорий Нисский. Великая тайна, это — судьба сатаны, сам — ад, возможность покаяния темных сил».

О ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

«Всемирная история есть всемирный суд Божий. Исторический процесс начался с момента избрания частью небесных сил пути самовозвеличивания. Этот процесс направлен в сторону от Бога, и критерием удаления от него является все более низкое нравственное падение человека. Трагизм растет!»

¹ Мф. 16:18.

² См.: Николай Бердяев. О назначении человека. Ч. 3. О последних вещах. Этика эсхатологическая. Глава 2. Ад. М.: Республика, 1993. С. 229–241.

Как-то я спросил у Алексея Федоровича: — Что понимать под хулой на Духа Святого? Алексей Федорович ответил:

— Это активная разносторонняя борьба против Бога. Это воинствующее безбожие. Человек утверждает себя вне Бога и в своем самоутверждении покушается на Бога. Об этом красноречиво свидетельствовал Михаил Бакунин, заявлявший, перевертывая афоризм Вольтера: «Если бы Бог действительно существовал, следовало бы уничтожить его»³.

В истории появляются такие фигуры, влияние которых оставляет осязаемый след на целые столетия. Об этих людях говорят, что они одержимы тем или иным демоном. Через них действует дух истории.

В известное время, в определенном государстве миллионы людей поставили своей главной задачей уничтожение Бога. В такую эпоху уже не может быть духовных учителей. В этот период новые нормы должны рождаться только в молитвах.

Принципы Свободы, Равенства, Братства — впервые провозгласило христианство. Эти идеи живы и теперь, но теперь они провозглашаются во имя человека, существа смертного, непостоянного.

О ПУТЯХ СПАСЕНИЯ

7 января 1984 года. «Христианство мне представляется религией страшной и трагичной. На эти размышления наводят меня слова Рождественского тропаря: “**Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума**”. Миру с его клоакой — местом всякого греха и скверны. И далее, “в нем бо звездам служащи звездою учахуся Тебе кланяться, Солнцу правды” (в греческом языке — справедливости). А кондак празднику потрясает своей глубочайшей диалектикой, недоступной для понимания даже неоплатоникам. “Дева днесь Пресущественного (в греческом языке — сверхсущего) раждает, **и земля вертеп Неприступному приносит**” <...> “нас бо ради родися Отроча Младо, превечный Бог”. Здесь временное и вечное соединено воедино».

* * *

«Христианская вера — в высшей степени духовная религия. Однако аскетизм не единственный путь спасения. Хотя такие богатыри духа, как преп. Серафим Саровский, преп. Антоний, Макарий Египетский и

³ Бакунин М. А. Избранные сочинения. Т. 2: Кнута-германская империя и социальная революция / С предисл. Дж. Гильома; пер. с фр. Вл. Забрежнева. Петербург — Москва: книгоиздательство «Голос труда», 1919. С. 163.

другие — избранные Божии и отличались своей аскезой, тем не менее Церковь признает возможность спасения и в миру.

Вообще всегда были и есть в Православной церкви деятели и созерцатели. Так, например, святой Иосиф Волоколамский (поверенный во всех государственных делах) и святой Нил Сорский (уединенный молитвенник) являлись выразителями на Руси этих двух противоположных по форме, но единых по идейному содержанию направлений.

Между тем были среди Отцов Церкви синтетические типы, которые соединяли в себе оба направления. Это святые Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Афанасий и Кирилл Александрийские, Иоанн Дамаскин, Иоанн Кронштадтский, митрополит Филарет (Дроздов) и многие другие.

Таким образом, пути спасения разные: для созерцательных типов — через богомыслие, для чувственных — сердечный, для людей дела — добродетель, милосердие. Кто-то спасается чадородием, а кто-то через страдания.

Нельзя представлять себе свое спасение только как дело Бога. Бог хочет нашего благого произволения, наших трудов в деле спасения. Иначе это какой-то фатализм, рок, судьба. И в деле спасения нам помогают голос Бога, совесть христианская, которая является индикатором всех наших мыслей и деяний».

* * *

6 февраля 1984 года. «Источником для руководства в спасении служат нам откровения Универсальной Божественной Личности Иисуса Христа как в Священном Писании, так и в Священном Предании. Сама Церковь основывается на Священном Предании. Различного рода сектанты строят свое вероучение только на Священном Писании, не признавая Священного Предания.

Если брать единичное, отдельное из целостного учения Христа и на этом факте строить систему, то можно получить произвольное число этих систем».

Читать Библию надо по-церковному, а не как беллетристику. Священное Писание — есть миф. Миф же выше науки, богаче ее. Поэтому в нем события изложены по-человечески.

Протестанты в истолковании своего исповедания Бога ссылаются на слова апостола Павла, что «Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»¹. И поэтому Бог у них являет себя в нравственности.

¹ Ин. 4:24.

* * *

Среди моих заметок обнаружил я и своеобразное блицинтервью с А. Ф.:

— Что отличает духовно зрелого человека от незрелого?

— Мудрость.

— Что есть мудрость?

— Мудрость — есть разумное освоение неразумия (жизни).

— Мистика — это что такое?

— Мистика — наглядное и осязаемое восприятие надмирного мира.

— Как Вы относитесь к экуменизму?

— Опасаюсь.

— А к униатству?

— Это папская хитрость.

— Что является мерилем истинности того или иного представления?

— Соответствие с действительностью.

— Что есть истина?

— Максимальная обобщенность существующего, то есть Бог, точнее, Богочеловек, Церковь, Жизнь в Боге.

* * *

«Истина открывается человеку только по благодати свыше. Вот почему, к примеру, Папство — принижение Божества. В Православии даже мнение Собора может быть признано ложным. Так, например, VII Вселенский Собор (787 год) не признал решения иконоборческого собора 754 года».

* * *

— Спасибо, Алексей Федорович, за духовную пищу.

— Прости, Алексей, за скудость мысли.

На вопрос «что?» и «почему?» как-то можно ответить, но скажи мне, КАК ЖИТЬ?

В заключение я хотел бы привести здесь высказывание А. Ф. Лосева о возможностях Русской православной церкви в связи с возникшими еще при его жизни переменами в общественном сознании. Он говорил: «Наша эпоха характеризуется рядом небывалых особенностей. Возникает множество насущных вопросов, на которые Святая Церковь соборно пока не имеет возможности дать исчерпывающие ответы. Надо терпеть и молиться!»

И еще: «Ввиду отсутствия разработанных Церковью в настоящее время некоторых общих и частных вопросов для практического руководства христиан многие индивидуальные ошибочные решения по этим вопросам получают, очевидно, Божие снисхождение».

* * *

Мы чтим Алексея Федоровича как религиозного мыслителя, философа, филолога, переводчика, публициста и педагога. Однако нельзя забывать, что Алексей Федорович был прежде всего монахом. Для него Богопознание и Богообщение были самой жизнью. Но Богу, по-видимому, было так угодно, чтобы монах Андроник потрудился в миру, благовествовал в ученой среде. Он неустанно свидетельствует об Истине и, как сам выражался, «непостижимо много делал для ее познания», работал как «ломовая лошадь». Между тем мне часто приходилось слышать от него: «считаю прожитую жизнь неудачной», «всю жизнь я занимаюсь ненужным, не своим делом», «самого главного я не договариваю».

Алексей Федорович в последние годы своей жизни стал часто видеть сны. Он почти каждый час просыпался, но вскоре вновь засыпал после глотка-другого настоя валерианы. Сны оставляли у него тягостные ощущения. Ему снилось то, что он куда-то проваливается, то он сбился с пути и никак не найдет свой дом на Арбате, так как кругом какие-то высокие строения, или он не может выбраться из пустыни, где оказался вдруг в одиночестве; то не допускают к публикации его труды. В некоторых снах он чувствовал, что вообще зря прожил жизнь. Эти сны Алексей Федорович

объяснял своей нерешительностью, неуверенностью, обреченностью. Вообще Алексей Федорович и наяву считал, что труды его напрасны, по крайней мере для современников, что их читают единицы. А тех, на кого он оказал глубокое влияние, — «едва ли с десяток наберется».

Слава Богу, эти опасения оказались полностью несостоятельными. Алексея Федоровича читают, изучают, издают, переводят, цитируют. Монаха Андроника почитают как исповедника, молитвенника и истинного богослова.

Он мудро определил, в чем заключалась по отношению к нему Воля Божия, и с истинным монашеским послушанием исполнил Ее.

Добрый и верный раб Божий, монах Андроник, нет никаких сомнений, вошел в радость Господа нашего Иисуса Христа.

5 октября 2018 года

О. Алексей Бабурин. Из общения с А. Ф. Лосевым // Новый журнал. Нью-Йорк. 1993. Сентябрь-декабрь. Кн. 192–193. С. 444–453.

Бабурин Алексей, иерей. Монах Андроник (из разговоров с А. Ф. Лосевым) // Москва. 1995. № 4. С. 187–190.

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ: «И ЖИТЬ ЕЩЕ НАДЕЖДЕ...»

— Александр Моисеевич, недавно Президент России наградил Вас орденом, название которого мне очень нравится: орден Дружбы! И все мы (Ваши читатели, слушатели и почитатели) поздравляем Вас с этой наградой! А что для Вас значит само понятие «дружба»? Какое место занимает дружба в Вашей жизни? И насколько для Вас важен этот орден?

— Я прочитал объяснение значения этого ордена: раньше был орден Дружбы народов, учрежденный в 1972 году. Теперь его называют орденом Дружбы и он дается жителям России, гражданам зарубежных стран за вклад в культуру и науку, способствующий дружбе между людьми, в самом широком понимании этого слова. Для меня это очень важно, потому что большая часть моей жизни связана с поэзией и песней, а песня — это именно то, что объединяет людей, делает их друзьями. Если люди вместе поют, то они не будут потом стрелять друг в друга из АК или чего-нибудь другого... Поэтому награждение орденом Дружбы для меня — большая честь.

Что касается моей жизни и места дружбы в ней, то получается так, что, избрав для себя жизнь, связанную с экспедициями, и проведя ее большую часть в экспедициях на Крайнем Севере, в Сред-

ней Азии, в морях-океанах, я понял, что когда люди оказываются надолго оторванными от нормальных условий существования, от близких, от жен, детей, то необходимо, чтобы они были друзьями. Особенно важны надежные человеческие отношения при взаимовыручке в сложных условиях, нередко случающихся в экспедициях. Поэтому понятие дружбы для меня не пустой звук.

— Когда Вы это осознали? С возрастом уже? Или в детстве Вам родители и учителя объяснили, что существует дружба? Вообще, можно научить человека дружить?

— Понимаете, существуют, конечно, какие-то основы отношения личности и коллектива, которые внушаются с детства и даются воспитанием. Но есть еще и жизнь, диктующая свои правила и достаточно жестко объясняющая, что в одиночку человек ничего не может. Например, на корабле, когда начинается шторм, только слаженная команда может уберечь судно от беды. То же самое я понял, работая в Заполярье начальником партии много лет. Понял на большом количестве примеров, что человек один рискует гораздо больше, чем в коллективе. А в коллективе он должен думать не только о себе, но и о своих товарищах по экспедиции. Один из горестных примеров

этого — мой друг, погибший двадцатипятилетним на перекате реки Северной, притоке Нижней Тунгуски. Тогда он, нарушив правила безопасности, пошел один на резиновой лодке по этой непроходимой реке и погиб... Ему посвящена моя песня «Перекаты». Если бы он был не один, трагедии бы не произошло. У меня была хорошая школа дружбы — Крайний Север, океан... Помню, читал в молодости научную работу «Родословная альтруизма, в которой говорится о том, что человеку важно понимать главное: если он хочет получить добро сам и выжить в сложной ситуации, ему необходимо научиться любить и уважать людей, которые рядом с ним. Иначе он погибнет. Так что дружба — необходимая вещь. Дружба — это вообще очень интересная вещь! Такое как бы вечное явление... Потому что любовь все-таки связана с какими-то процессами биохимии, и она приходит, уходит, она недолговечна. А дружба — чувство, которое гораздо более надежно. Любовь ведь не всегда разумом контролируется — бывает даже и против него. А друзей мы всегда выбираем сами, соглашаясь с нашим разумом. Я на самом деле гораздо более верю в дружбу по опыту своему, чем в такое яркое проявление, как любовь.

— Александр Моисеевич, слова нашей беседы останутся на страницах журнала «Юность». В Вашей юности журнал «Юность» для Вас что-то значил?

— Еще бы! Я очень любил этот журнал! Я читал его еще в 60-е годы, при Борисе Полевом. «Юность» шестидесятых... Это был очень яркий журнал. Все мои друзья его читали, и я очень гордился, когда моя подборка стихов в нем была напечатана! И очень переживал, когда в журнале «Юность», кажется, в 68-м году, некто Владимир Соловьев написал разгромную клеветническую статью о моих стихах и песнях. Называлась статья «Всадник, скачущий позади». Писал он, что «Городницкий никуда никогда не ездил, ни в какие экспедиции, что все это вранье и он специально прикидывается, рядится в “чайльд-гарольдские” плащи из его песен, непрерывно прощается и встречается, а на самом деле все это обман». Тогда у меня было такое чувство, будто я получил удар под дых.

«Юность» в течение многих лет была моим любимейшим журналом. У меня были друзья среди авторов, там я впервые Василия Аксенова прочитал. Журнал «Юность» открывал в то время многие новые имена, замечательный журнал. Я давненько с ним не встречался, потому что сейчас время сложное для литературных журналов, и очень рад, что он держится, рад новой встрече

с «Юностью», потому что, несмотря ни на что, любил и люблю этот журнал.

— Да, «Юность» существует и очень интересуются Вашими стихами! А юность как эпоха в жизни человека остается на долгие годы или как-то забывается?

— Я думаю, для всех людей по-разному... Но, как писал один поэт, «Ностальгия тоска не по дому, а тоска по себе самому...»

— Да, этот поэт — Александр Городницкий. «Где Исакий в оранжевой дымке и канала цветное стекло...» Ваша ленинградская юность...

— Я с большой ностальгией отношусь ко временам моей юности. Хотя мы жили тяжело в те годы, но все это вспоминается как светлое время, потому что мы были молоды. Юность — самое прекрасное время жизни каждого человека, и я не исключение.

— Вы не только не исключение, а прямое доказательство важности этой прекрасной светлой эпохи для человека. Вы часто в своих выступлениях вспоминаете и родителей, и друзей юности, и учителей... И у Вас есть стихи, им посвященные. А ведь это очень важно, если человек через всю жизнь пронесет любовь к своим родителям и наставникам. Вы согласны?

— Конечно, и в жизни, и в литературе, и в науке от этого все зависит. Очень важно, какие уроки тебе дали те, кто был рядом в юные годы. Для меня в моем подростковом возрасте, в четырнадцать лет, очень важной оказалась встреча с лито в ленинградском Дворце пионеров, которым руководил замечательный ленинградский поэт и преподаватель Глеб Сергеевич Семенов.

— Александр Моисеевич, помните ли Вы первую встречу с Глебом Сергеевичем?

— Да... Первая встреча состоялась в 1947 году в моем родном городе, во Дворце пионеров, в литературном кружке. В моей книге воспоминаний есть фотография, сделанная в 1948 году в комнате Дворца пионеров: во главе стола сидит Глеб Сергеевич Семенов, а вокруг — мы, его подопечные.

Тогда он был еще очень молодым человеком, ему еще тридцати не было, но нам он, конечно, казался уже очень старым. Мы-то были дети, и я навсегда запомнил те слова, которые он нам говорил на одном из первых занятий. Дело в том, что у нас было два направления: так называемая теория литературы (это в 7–8-м классе, теория литературы!) и практические занятия по поэзии. Теорию литературы вел замечательный человек, тогда доцент, потом профессор, мировая величина в литературе — Ефим Григорьевич Эткинд, который потом стал известен как защитник Бродского. Практи-

Первая экспедиция, Гиссарский хребет, 1954 год

ческими занятиями руководили поэты. Сначала, в младших классах, у нас был руководителем поэт Леонид Хаустов, а в старших классах с нами занимался Глеб Сергеевич Семенов.

Помню первое занятие и его слова, сказанные нам тогда. Я запомнил их навсегда.

— *Наверное, если человек помнит слова, услышанные семьдесят лет тому назад, то слова, да и голос незабываемый за десятилетия — это уже в особом душевном пространстве «запомненного на всю жизнь» и очень важного для человека?*

— Он сказал нам: «Ребята, я, конечно, не могу вас научить писать стихи. Для этого нужен талант. Если нет таланта, то можно научить рифмовать, но толку не будет никакого, этому можно обезьяну научить. Поэтому научить вас писать стихи я не могу, но я постараюсь научить вас очень важной вещи. Если я научу вас отличать плохие стихи от хороших, смогу привить вам литературный вкус, то вы сами будете к своим стихам относиться критически, сопоставляя их с другими стихами, которые являются предметом поэзии, и тогда вам не нужен будет ни педагог, ни критик, ни руководитель... Потому что вы сами тогда будете критиками, сами будете определять, что хорошо, а что плохо и стоит вам писать или нет».

— *И как он осуществлял эту высокую задачу? У Глеба Сергеевича были свои представления о воспитании литературного вкуса?*

— Как он в нас воспитывал вкус? Просто он читал нам хорошие стихи. И ведь я многие помню с тех занятий наизусть до сих пор! Он настолько прекрасно их читал, что я даже его голос помню. Стихи эти всю жизнь существуют для меня в звучании его незабываемого голоса. Он потрясающе их читал. А поскольку это ложилось на «чистый файл» семиклассника, то запоминалось надолго и является основой того, что он мог вложить и в меня, и в других моих коллег по тем годам нашего обучения.

Главное — литературный вкус. Вот сейчас я в жюри конкурса поэзии «Поэт года», и мне приходится читать огромное количество текстов, написанных молодыми авторами. В этом огромном массиве стихотворном хороших стихов меньше, чем сотая доля процента.

Молодые люди пишут, совершенно не понимая, что они делают, потому что у них не воспитан литературный вкус. И мне жаль этих людей, потому что, если бы им так повезло в жизни, как нам, и у них был бы такой учитель, как у нас, то они сами более критично относились бы к своим

Геофизическая группа на борту ЭОС «Крузенштерн», 1962 год

сочинениям и не считали, что все, что зарифмовано, может называться стихами.

— Как Глеб Сергеевич проводил занятия? Были какие-то традиции?

— Работа в нашем лито состояла из двух частей: рассказы о русской поэзии, чтение стихов (это всегда — Глеб Сергеевич) и обсуждение стихов участников литобъединения. Порядок сохранялся традиционный: стихи в распечатке или рукописной форме (машинки были не у всех) заранее, за неделю до обсуждения, раздавались двум оппонентам, которые готовились, читали эти стихи, размышляли над ними и на занятии высказывали свои замечания.

На обсуждении сначала читал автор. При этом была категорическая жесткая дисциплина, за нарушения ее Глеб Сергеевич выгонял из литобъединения. Он говорил: «Когда автор читает свои стихи, должна быть мертвая тишина!» Любое неуважение к автору он воспринимал болезненно и требовал от нас, чтобы мы не переговаривались и не хихикали.

После выступления автора предоставлялось слово двум оппонентам, а потом высказывались все желающие. Но тут была очень важная вещь, которую Глеб Сергеевич внедрил: каждый должен был сказать не просто «нравится — не нравится», но обязательно «почему»! «Нравится» — почему? «Не нравится» — опять же — почему? После подобных высказываний непременно возникала полемика, и в конечном счете давалось слово автору. И от такой практики была большая польза! Я видел, как за год-два начинающие ребята, которые были способны, но абсолютно неграмотны с точки зрения поэтики, буквально росли на глазах. Семеновская система занятий с юными авторами быстро приносила плоды.

Не случайно из-под руки Глеба Семенова вышла целая плеяда литераторов, начиная от Андрея Битова и Бориса Голлера, ставшего драматургом, и кончая целым созвездием поэтов, куда можно включить не только Александра Кушнера, Леонида Агеева, Олега Тарутина, Владимира Британишского, Нину Королеву, но и Виктора Соснору и в известной степени Иосифа Бродского и Евгения Рейна. Хотя они ходили в другие литобъединения, но тем не менее потом варились все в одном семеновском котле.

У лебедки. 23-й рейс НИС «Дмитрий Менделеев», 1979 год

А уж мы-то, не сумевшие расстаться с Глебом Сергеевичем и после Дворца пионеров и пригласившие его вести студию в Горном институте, а потом приходившие к нему в ДК Первой пятилетки... Мы именовали себя тогда «Глебгвардия Семеновского полка»! А в составе «Глебгвардии» и Яков Гордин, и Борис Никольский, и Глеб Горбовский, и художник Яков Виньковецкий, и Нонна Слепакова, и Лидия Гладкая, и Елена Кумпан, и Татьяна Галушко...

У Глеба Сергеевича был сложный характер. Зачастую он бывал не просто строг, а суров. Но я сохранил самые хорошие воспоминания о нем, несмотря на то что мы ссорились с ним несколько раз, и ссорились серьезно. Главное, однако, что он воспитал в нас чувство собственного достоинства, умение критиковать себя самих и не зависеть от того, кто и что про нас сказал.

— Вы говорили, что он вам прививал любовь к поэзии, а у Вашего учителя лично какие поэты были любимыми?

— Мне запомнилось, что Глеб Сергеевич любил Осипа Мандельштама, Марину Цветаеву, естественно, Анну Ахматову... В основном Серебряный век.

НИС «Дмитрий Менделеев», Тихий океан, 1978 год

А ведь тогда все это было запретно для нас. Но он читал их стихи нам на занятиях. С его голоса, например, я до сих пор помню такое стихотворение:

В глубокой выработке, в шахте,
Горю с остатками угля.
Здесь смертный дух, здесь смертью пахнет,
И осыпается земля.
Последние истреют крепи,
И рухнет небо мертвеца,
И превращаясь в пыль и пепел,
Я домечтаю до конца.
Я лишь на миг тебя моложе, —
Пока еще могу дышать:
Моя шагреневая кожа,
Моя усталая душа.

Когда я спросил: «Кто это?» Он в своей манере многозначительно поднял брови и не сказал. Значительно позднее, когда стали печатать репрессированных поэтов, я узнал, что это стихи Варлама Шаламова, сидевшего тогда в Колымских лагерях.

Глеб Сергеевич очень рисковал, читая нам стихи опальных в то время поэтов. Но он читал их нам! Он не представлял русскую поэзию без них и хотел, чтобы мы знали их стихи. Он читал нам и Леонида Мартынова, тоже тогда запрещено-

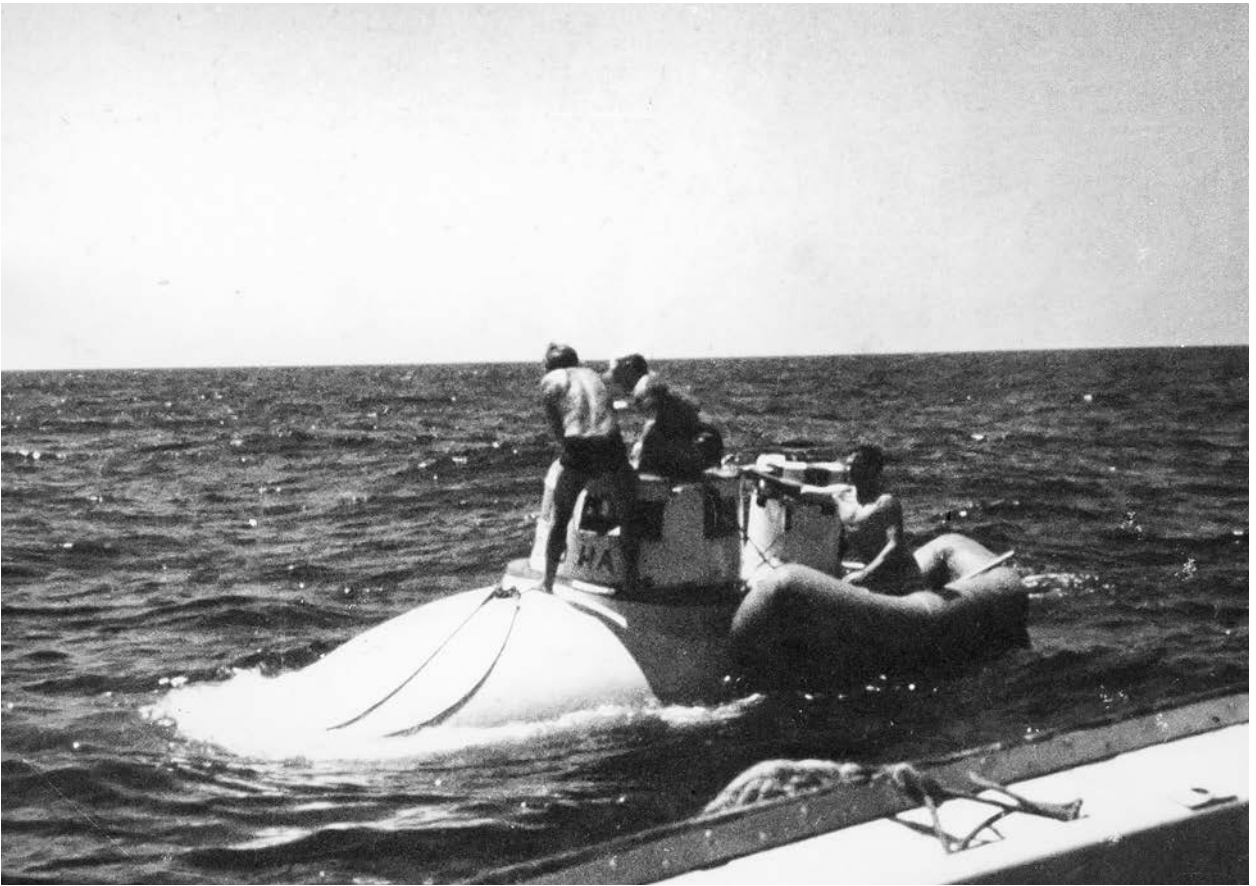
го. Помню, что Глеб Сергеевич давал мне читать стихи Николая Тарусского и Николая Заболоцкого — прекрасных поэтов. О многих поэтах запрещенных или полузапрещенных, которых тогда не печатали, я узнал от Глеба Сергеевича, и за это я ему благодарен.

Мы с ребятами из литобъединения и домой к нему приходили. Помню, как я первый раз пришел к нему домой в писательский дом на канале Грибоедова. Квартира была на последнем этаже. В кабинете меня поразила целая стена из книг. И я заметил, что в конце этой стены у окна висит иконка... А когда подошел поближе, то увидел, что это портрет Пушкина.

— Вы помните свои стихи того времени?

— Помню некоторые. Были они весьма слабые. Но удивительно, что их вспоминают другие люди! Вот на днях записывали с Игорем Волгиным на телеканале «Культура» передачу «Игра в бисер», там вспомнили почему-то стихотворение, которое цитировал академик Михаил Пиотровский, генеральный директор Эрмитажа. Стихотворение было написано мной в 15 лет, оно о Петре I. Где эти стихи нашел Пиотровский, я совершенно не понимаю, но я сразу вспомнил то время...

С чего начинается юность, я не знаю, но как писал я сам в каком-то стихотворении, «С чего начи-

Погружение на подводном обитаемом аппарате «Аргус» на подводную гору Ампер. Северная Атлантика, 1984 год

нается Родина, так ли уж важно, гораздо важнее, где кончиться может она...» Так и с человеческой жизнью, и с юностью. Я считаю, пока человек не болен, не прикован к постели, то он может ощущать себя молодым в любом возрасте. Так же как и бедность — не состояние кармана, а состояние души. Юность и старость — то же самое.

— Александр Моисеевич, Вы часто бываете на фестивалях авторской песни, на Всероссийском фестивале авторской песни имени Валерия Грушина Вы возглавляете жюри. Насколько важны песенные фестивали для поэзии, для ее путей к молодежи?

— Сейчас мы живем в эпоху, не слишком удачную для поэзии. Интерес к стихам упал вообще почти до нуля, и как раз песня, авторская песня, — одно из немногих средств, пытающихся вернуть интерес к поэзии. Я помню, что когда появились песни Сергея Никитина и Виктора Берковского на стихи Давида Самойлова и Бориса Слуцкого, тогда еще малоизвестных поэтов, не говоря уже

об Иосифе Бродском, то все кинулись искать этих поэтов и читать их стихи. Это была очень действенная пропаганда настоящей поэзии, и сейчас, я думаю, происходит то же самое. Но сейчас сложнее, потому что сама авторская песня испытывает чудовищный кризис. Я не знаю, что и как будет дальше, но пока что она практически исчезла, потому что на фестивалях чаще всего поют песни ушедших классиков, а новое практически не появляется. А что такое рэп, я не знаю... И ненормативную лексику терпеть не могу всю жизнь. А этого немало вокруг. Поэтому я считаю, что мы сейчас живем в достаточно сложное для поэзии время, но что будет завтра? Россия — поющая страна, Россия — читающая страна. И я думаю, что поэзия все-таки будет неубиенна! Я оптимист.

— Ну да, это же из Вашей — нашей любимой песни утверждение: «И жить еще надежде до той поры, пока Атланты небо держат на каменных руках...»

Беседовала Ирина Алексеева

Людмила ИВАНОВА

Людмила Иванова родилась в 1933 году в Москве. Народная артистка России. Лауреат премии Правительства России и премии Москвы. С 1957 по 2016 год — актриса театра «Современник». В 1990 году создала детский музыкальный театр «Экспромт». Сыграла в кино 86 ролей, самая знаменитая — Шурочка в кинофильме «Служебный роман». Автор бардовских песен, которые исполняли Е. Камбурова, Г. Великанова, А. Герман. Член Союза писателей России.

Иван Миляев, главный художник театра «Экспромт», соавтор пьес для детей совместно с Людмилой Ивановой и Андреем Абрамовым:

Сколько я себя помню с детства, мама исполняет песни, а папа играет на гитаре. Поклонники их песенного творчества были всегда и, я надеюсь, будут еще долго. Вот недавно джазовый композитор Антон Котиков написал аранжировку с арфой для «Приходит время», а современная вокальная группа «Республика» взялась делать ретровариант из «Ниточки». Я, видимо, обладаю ограниченными музыкальными способностями, но родители с раннего детства их пытались развить. Мамина одноклассница Марлена Солянина была замечательным учителем музыки в соседней музыкальной школе № 47. И вот был такой смешной случай: 1 мая мне назначили репетицию до концерта, а было мне лет шесть-семь, мама ведет меня почти рыдающего. Вся страна отдыхает, а мы идем репетировать! Все движение перекрыто, по проспекту Мира идут колонны демонстрантов с шариками, с огромными бумажными гвоздиками, мужчины катят разные бутафорские фигуры, типа серпа и молота или шестеренок, установленных на платформах с велосипедными колесами. Мы должны пересечь колонну в направлении музыкальной школы. Тут настроение постепенно падает, и вдруг весь строй работниц в цветных платочках начинает петь «Ниточка завяжется». Мы совершенно остолбенели: мама даже всплакнула — от счастья. Я ей говорю: «Скажи им, что ты автор». Но она только махнула рукой. Так и стоит перед глазами уходящий строй женщин шириной во весь

проспект, распеваяющий мамину песню. Я пошел быстрее, осознав пользу музыки, и потом отлично сыграл концерт.

Хорошо помню лето 1970 года, мы находились в актерском санатории в Рузе, мама собиралась рожать моего младшего брата Сашу. Родители постоянно пели по вечерам для соседей. А у каких-то любителей авторской песни оказался бобинный магнитофон «Яуза», и они целый вечер записывали концерт прямо в номере. В молодости у мамы был гораздо более тонкий голос. Теперь, когда ее студентки исполняют ее песни, — это прямо перенос во времени на 40 лет.

Я бы очень условно разделил мамины песни на две части: лирические и характерные, часто посвященные созданию театральных ролей. Особенно стоит песня «Таруса — городок», ставшая гимном этого города.

Маму со школьных лет тянуло к сочинительству, и вот в театре «Современник» ее как-то попросили написать текст к песне для спектакля. И пошло. Она стала сочинять песни все больше и больше.

В 1961 году она познакомилась с бардом Валерием Миляевым, поженились, пошло творческое соревнование, стали давать вместе концерты, Папа играл, мама пела. Целая плеяда замечательных певиц стала исполнять их песни. Это Елена Великанова, Елена Камбурова и Анна Герман. Потом они стали писать либретто к спектаклям театра «Экспромт». Мама написала девять детских и семь взрослых пьес. Большинство из них и сегодня идут в «Экспромте». Еще она написала шесть книг и стала членом Союза писателей. А вот в литературных журналах не издавалась.

* * *

Может быть, может быть,
Я не современная.
Может быть, может быть,
Я и суеверная.
Только мне все кажется,
Ну почему-то кажется,
Что между мною и тобой
Ниточка завяжется.

Глупости говорю
Иль слова разумные.
На тебя все смотрю,
Что, мол, ты подумаешь.
И что бы я ни делала,
И что бы ни надела я,
При тебе и без тебя,
Это только для тебя.

Видно, ты моя судьба,
Ты моя кровиночка,
Я тянусь к тебе, как к солнцу
Тянется былиночка.
Ах, что ж это за ниточки?
Про то никем не сказано,
Только мне все кажется,
Что я к тебе привязана.

* * *

Ленинград, Ленинград, Ленинград,
Этот город над серой Невой,
Ленинград, Ленинград, Ленинград,
Город ваш, но немного и мой.
Я, наверное, стала взрослее,
Понимать стала город, любить.
Раньше просто считала музеем,
Даже жаль было в городе жить.

Я хожу, не могу наглядеться,
Как вопросы, мосты над Невой.
Красотой заморожено сердце
И гармонией городской.
Ночь размыла все четкости линий,
Это тень, облаков ли игра,
Или это, взъерошенный, длинный
Бродит в городе призрак Петра?

Я себя ощущать начинаю
 Неразрывною частью людей.
 Я за всех на земле отвечаю —
 И за дедов, и за детей.
 Как же жить, где же правда,
 что важно?
 Как вопросы, мосты над Невой.
 Ведь людьми на земле мы однажды,
 После будем всего лишь травой.

Я хожу, и уснуть мне невмочь.
 Ленинград, ты как добрый колдун.
 Твоя ночь — это вовсе не ночь,
 Это цепь нескончаемых дум.
 Ленинград...

ОТПУСК 1964 ГОДА

Людмила Гурченко, которая работала тогда в театре «Современник», пригласила нас принять участие в концертной поездке — Тамбов, Донецк, Херсон. Меня как актрису, а Валерия — как радиста. И мы с удовольствием согласились, ведь можно было подзаработать.

Вечером первый концерт. «Старшая сестра» Володина, где Люся играет старшую сестру, а я — младшую. Второе отделение — концерт с ансамблем под управлением Гранова, Люся пела песни из кинофильмов. О ужас: не приехал Игорь Васильев, актер МХАТа, который должен был играть большую роль в «Старшей сестре» — жениха Володю. Люся вызвала Валерия: «Тебе играть!» Он замахал руками: «Что ты, что ты!» Мне тоже казалось, что он зажатый, роль большая, да у него и надеть-то нечего, костюма нет, только свитер... Длинный черный свитер модной крупной вязки, который я ему сама связала. А Люся: «Очень хорошо! Сейчас все в свитерах ходят. А кроме того, у нас нет выхода. Учи текст».

Вышли на сцену. Жених Володя по роли — очень смущающийся, стеснительный человек, поэтому состояние Валерия совпало с настроением героя. Ухватившись двумя руками за свитер, он от волнения изо всех сил тянул его вниз, чуть ли не до колен. Текст, слава богу, весь сказал.

У нас был большой успех. В антракте прибежали поклонницы Люси, восхищались, а Валерию сказали, что он сыграл точно по системе Станиславского. Мне кажется, Люся даже немножко

обиделась. Но назавтра наконец-то приехал Васильев.

Мы с мужем всегда старались получить какое-то удовольствие от жизни. В Тамбове очень красивая река Цна: кувшинки плавали в воде, тишина, никого... Мы катались на лодке, вспоминая лермонтовскую «Тамбовскую казначейшу».

На берегу была блинная, мы ели блинчики. Меня поразило тогда, что худенькая Люся могла съесть три-четыре порции — и оставалась все такой же стройной. А я боялась съесть больше одной...

И так мы доехали до Херсона. Концерты проходили с большим успехом. Гранов — замечательный музыкант, Люся пела песни из «Карнавальной ночи» и даже спела мою песню «Улица Горького». Я была счастлива.

Моя мама, которая сидела в это время с Ваней, отпустила нас на неделю отдохнуть в Крыму. Все участники нашей компании полетели в Ялту. Артист Всеволод Давыдов так отпраздновал окончание нашей поездки, что мы еле-еле погрузили его в самолет, держа под руки с двух сторон. Он был в черном фраке, в котором вел концерт.

Когда мы вышли на пляж, увидели странную картину: на скамейке, прикрыв голову газетой, лежал человек в черном фраке. Это Давыдов первым добрался до пляжа. Выяснилось, что у него украли все вещи; нам пришлось собрать деньги ему на обратный билет, и мы отправили его в Москву. Все остались отдыхать в Доме творчества в Ялте, а

Театр «Экспромт», спектакль «Маменька». Маменька — Людмила Иванова, Черт — Андрей Богданов (режиссер Владимир Байчер, художник Иван Миляев, костюмы Анны Ефимовой)

мы с Валерием решили перебраться в более тихое место. На пляже мы встретили товарища Валерия, режиссера оперы «Архимед» Степана Солуяна, который уже прошел пешком по Крыму с сеткой дынь за спиной. Он посоветовал нам отправиться в Качивели, где была обсерватория ФИАН.

Помнится, мы бродили по окрестностям и были совершенно счастливы. Идиллию омрачил только

один случай. Дело в том, что у нас на двоих были только одни джинсы и одни шорты. Мы носили их по очереди. Идем однажды по улице — едет милиционер на мотоцикле. Останавливается и забирает Валерия, поскольку он был в шортах. Я побежала его выручать. Долго-долго что-то объясняла, кокетничала с милиционерами, и мне удалось его вызволить.

Елена ТЕРЕШОНКОВА

О себе

Мне 26 лет, живу в Брянске. Путешествую по миру в одиночку с огромным рюкзаком. Без планов, доверившись миру, с открытыми глазами и сердцем. Посетила уже 44 страны. Последние два года провела в Южной Америке, путешествуя с палаткой, автостопом. Работаю удаленно, что позволяет мне жить в любой точке. Многому научилась сама, по «Ютубу» и у людей, выучила испанский язык — возможно все, чего действительно захочешь. Мечты не исполняются — мы исполняем их сами.

ОТ РЕДАКЦИИ

Давайте начнем путешествовать не выходя из дома? Отправимся в путь по страницам журнала за поиском вдохновения, новыми впечатлениями вместе с тревэл-блогером Еленой Терешонковой. Прочитав ее зарисовки о поездках, узнаем о самых невероятных местах планеты!

ДИНОЗАВРЫ ПРОТИВ ГРАВИТАЦИИ

В 1985 году на территории цементного завода около города Сукре, столицы Боливии, были найдены более 12 000 идеально сохранившихся следов динозавров. Никто тогда на находку не обратил внимания. Завод продолжил существовать и разрабатывать пласты земли. Отпечаткам повезло: слой, на котором они находились, не был пригоден для производства цемента из-за высокого содержания марганца.

Заново следы были открыты палеонтологом-любителем Клаусом Педро Шюттом в 1994 году. Но даже тогда находка казалась до того неправдоподобной, что никто из ученых не позаботился о том, чтобы посетить место и убедиться воочию. Скала, равная площади шести футбольных полей, с 12 000 следов динозавров? На тот момент самым крупным объектом такого рода являлось плато Khodja Pil Ata в Туркменистане, где было обнаружено около трех тысяч следов. Сообщение звучало как очередная ложная сенсация.

Однако ситуация изменилась, когда к открытию проявил интерес швейцарец Кристиан Мейер, мировой авторитет в области палеонтологии из Базеля. Он назвал следы в Кал Орко святым граалем палеонтологии, собрал группу ученых и прилетел в Боливию. На данный момент он заканчивает ра-

боту с документами и надеется получить для Кал Орко защиту ЮНЕСКО.

65 миллионов лет назад на месте известняковой скалы Кал Орко находилось пресноводное озеро. Сюда за водой и пищей приходили динозавры. До наших дней сохранились не только следы самих динозавров, но и окаменелые останки растений, рыб и крокодилов.

Кал Орко подтверждает, что вымирание динозавров произошло внезапно. Следы были захоронены под толстым слоем пепла в результате

падения астероида. С течением времени пепел и речные отложения накапливались и уплотнялись над отпечатками и превратили их в скалу.

Тектоническая плита Наска вышла из Тихого океана и вошла клином под Южной Америкой. В результате поднялась земля: родились Анды, а бассейн солончака Уюни, ранее находившийся почти на уровне моря, вырос на 3000 метров. Скала в Кал Орко поднялась в результате этих тектонических процессов почти вертикально.

Согласно последним подсчетам, сделанным Кристианом Мейером, в Кал Орко было найдены следы 294 видов динозавров, включая три вида, которые ранее не были известны. Это крупнейший заповедник следов динозавров на планете на данный момент.

Удивительно, что такой исторически важный объект брошен на произвол судьбы. До последнего момента я относилась к посещению Кал Орко скептически: как могло случиться, что 12 000 отпечатков лап настоящих динозавров находятся на территории действующего цементного завода и никем не охраняются? Где же ЮНЕСКО, где все эти защитники природы, где большая суматоха вокруг?

Однако исследований, доказывающих правдоподобность отпечатков, — много, а интереса к ним со стороны правительства — мало. Как будто каждый день динозавры у них под носом ходят. Следы постепенно исчезают, недавно в результате оползня были уничтожены следы тираннозавра. Ученые обработали скалу, чтобы защитить ее от дождя, но этого недостаточно.

ПОТОСИ — ЗАВИСТЬ КОРОЛЕЙ

Могли ли вы подумать, что какой-то там Потоси в Боливии раньше был самым богатым городом мира, мировым финансовым центром, когда Нью-Йорк еще в пеленках ле-

жал? Уже в 1610 году он по размерам не уступал Севилье, Риму и Парижу.

Сюда приезжали самые влиятельные и известные люди, здесь строились красивейшие и современнейшие дома того времени, жить здесь было престижно, деньги лились рекой. В годы расцвета Потоси при короле Филиппе II в городе насчитывалось тридцать шесть игорных заведений, были театры, устраивались балы, на каждом шагу возвышались шпили церквей — восемьдесят церквей в одном городе! По соседству с ними находились столь же многочисленные бордели с дешевыми проститутками.

Любой из бриллиантов, украшавший герб какого-нибудь богатого кабальеро, стоил больше, чем мог заработать индеец за всю свою жизнь. Но кабальеро сбежали, прихватив с собой бриллианты. И теперь Боливия, одна из самых бедных стран мира, могла бы похвастать — если бы это не было так удручающе бессмысленно — тем, что именно она заложила богатство многих самых богатых стран мира. В наши дни Потоси — один из беднейших городов бедной Боливии. «Город, который больше других дал миру и сам теперь не имеет ничего», — как сказала мне старая потосийка, закутанная в километровую альпаковую шаль, когда мы разговаривали с ней в патио ее двухвекового дома, построенного наподобие андалузских. Город Потоси, обреченный на вечную ностальгию, терзаемый нищетой и холодом, все еще остается зияющей раной колониальной системы Америки: это город-обвинение. Миру давно бы пора попросить у него прощения.

Эдуардо Галеано.

Вскрытые вены Латинской Америки

Город Потоси был основан испанцами в 1545 году, у подножия горы Серро-Рико (Богатая гора), полной залежей серебра и олова. Она возвышалась над головами первых колонизаторов почти на 5000 метров, отблескивая на солнце се-

ребрынами жилами. Она перевернула историю. Эльдorado все-таки было найдено, хоть и в серебряном обличье.

«Это стоит целого Потоси», — переименовал Сервантес в «Дон Кихоте» популярную в те времена фразу «Это стоит целого Перу». Славу инкского Куско, завоеванного Франсиско Писарро, затмила гигантская серебряная гора Боливии.

О богатых залежах драгоценных камней и металлов было известно еще до прихода испанцев. Инки добывали здесь золото и серебро для храма Солнца в Куско. За пределы империи драгоценности не выходили, их использовали для почитания богов, а не для товарообмена.

В первые горы разработки горы металл даже не приходилось долго обрабатывать, добывались куски чистого серебра. Испанцы яростно набросились на гору. Началась вакханалия. Потоси вырос за 26 лет до размеров и статуса крупнейших центров мира того времени.

Конечно, это был пир не для всех. Богато жили здесь только европейцы, для местного же населения история Потоси превратилась в ад. Индейцев отлавливали по всей стране, привозили из других регионов. Работали в шахтах до самой смерти. Смерть приходила скоро — не только от тяжелого труда под землей, но и от отравления парами ртути, которую применяли для извлечения серебра из руды. Умирал один — его тут же заменяли новым индейцем.

К XIX веку в шахтах сгинуло более восьми миллионов человек. Когда индейцы закончились, рабочую силу начали завозить из Африки.

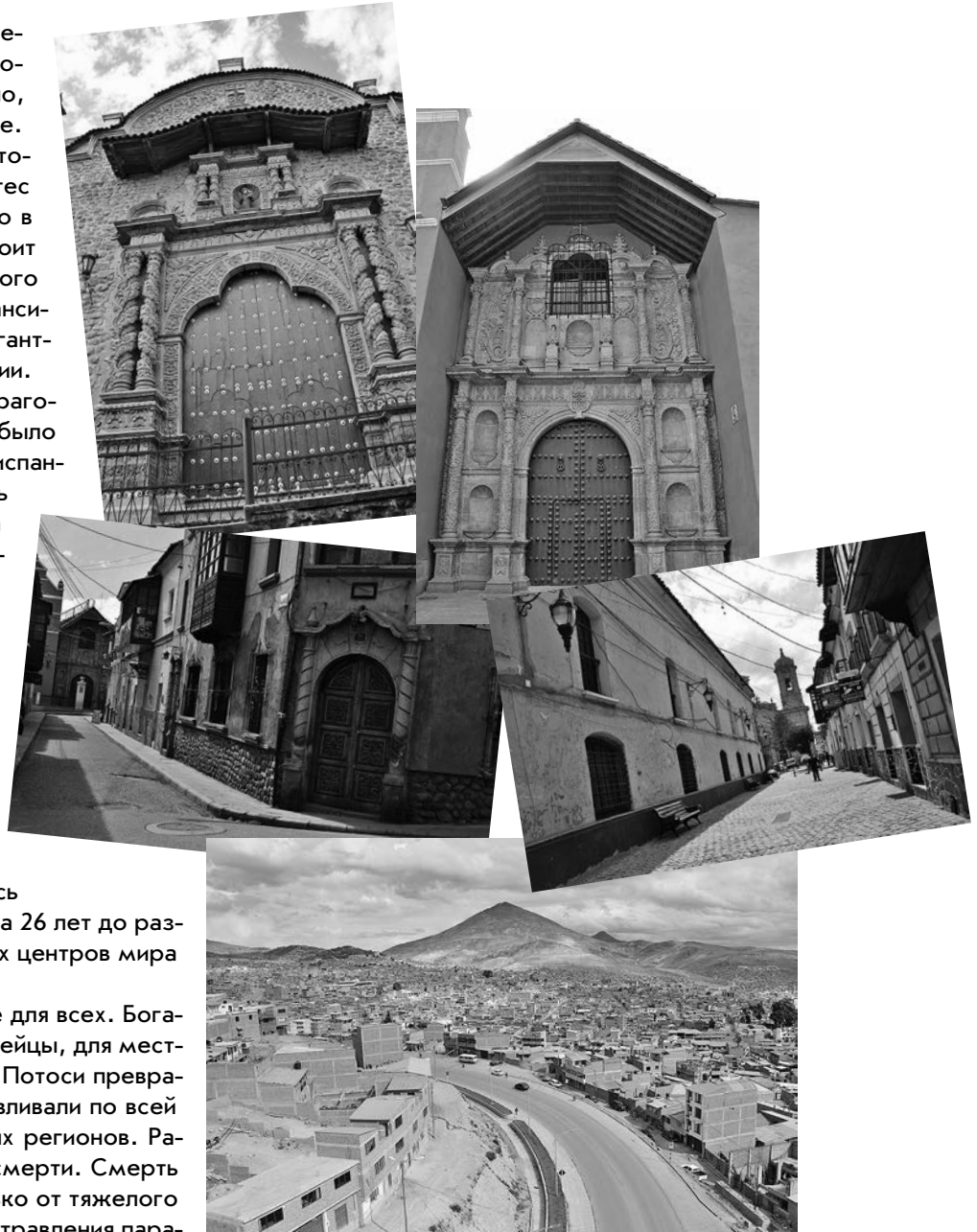
Из серебра, добытого в недрах Серро-Рико за несколько веков, говорят, можно было построить мост от Испании до Потоси. О серебре, возможно, данные преувеличены, но вот мост из костей погибших на серебряной каторге рабов точно можно было бы протянуть над океаном.

Когда серебро иссякло в горе, рынок пересытился продуктом и цена на серебро в XIX веке рез-

ко упала, европейцы покинули Потоси. Все вернулось на круги своя, только пышные колониальные строения напоминают о творившемся здесь когда-то серебряном шабаше.

Сейчас это один из беднейших городов Боливии, как зачастую случается с испытанными когда-то пышный расцвет городами. Никому не дано купаться в богатстве и славе вечно.

В прошлом роскошные церкви закрыты на замки. Все, что было можно, разграбили, оставив лишь растрескавшиеся, поседевшие стены величественных строений колониальной эпохи. Они до сих пор впечатляют.

МАЧУ-ПИКЧУ, ПЕРУ

Мачу-Пикчу — город, построенный в середине XV века во времена расцвета Великой империи инков. Просуществовал он около ста лет. То есть события здесь развивались, когда Леонардо Да Винчи нарисовал Мону Лизу, родился Нострадамус, пал Константинополь, а мой родной Брянск вошел в состав Московского княжества.

Дорога на Мачу-Пикчу — крутой подъем по многочисленным лестницам. На входе столпились туристы. Нам выдали гида, но необходимости следовать за ним на самом деле нет. Гидов на Мачу-Пикчу сотни, так что у каждого камня кто-то будет вещать о загадках и тайнах империи инков. Одни рассказывали интересно, другие сочиняли откровенные небылицы об инопланетянах.

Город расположен в горах, на высоте 2450 метров, в ста километрах от Куско. Он скрыт от посторонних глаз за более высокими горами, укрыт буйными зарослями джунглей. Это спасло город

от разрушения конкистадорами: они его попросту не заметили.

Город был открыт современному миру случайно. Американский ученый Хайрам Бингем искал другой легендарный город инков — Вилькабамбу, куда, по легенде, были вывезены сокровища инков после нападения на страну испанцев. Блуждая по горам, он разговорился с мальчиком-кечуа, и тот показал ему незаметную тропу, ведущую к руинам.

Но даже после этого на руины Мачу-Пикчу не обращали внимания в течение тридцати лет. Пока другая группа археологов не нашла участок дороги инков, ведущий напрямик к затерянному городу. Хайрам Бингем за те тридцать лет успел вывезти в США из Мачу-Пикчу около 40 000 археологических объектов, которые вернули перуанцам только через сто лет, на юбилей открытия Мачу-Пикчу.

Мачу-Пикчу — город уникальный. Построить целое поселение на горе из камня, возвести храмы без машин и без колеса? Инкам приходилось

доставлять огромные валуны для постройки с ближайших каменоломен и тащить их по той самой горе, по которой я бежала налегке, истекая потом. Гиды любят повторять, что гранитные блоки инки добывали в долине реки Урубамба и потом забирались с 50-тонными валунами на гору. Что противоречит описанию инков как высокоразвитой нации. Какой дурак тяжелые кирпичи на гору таскать будет? Камни, по крайней мере самые крупные для фундамента, инки добывали в так называемой каменоломне в западном секторе. На холме, где построен Мачу-Пикчу, находилось несколько гранитных выходов. Камней там до сих пор много.

Затем эти камни идеально шлифовали и укла-

дывали друг на друга без раствора, но так плотно, что и сейчас между ними нет ни единой щели, даже лист бумаги не пройдет.

Строительство проводилось в сейсмоактивной зоне, где землетрясения — событие регулярное. У нынешних перуанцев даже свой Господь в церквях — Господь Землетрясений. Однако стоит Мачу-Пикчу на вершине холма, живой и невредимый, более 500 лет.

Большая часть строений — это склады и храмы. Проживало в Мачу-Пикчу не более 1000 человек. На склонах холма были разбиты сельскохозяйственные террасы — они дошли до нас без изменений. Строили инки на века.

В храме Солнца находился священный камень Intihuatana, который в дни весеннего и осеннего равноденствия не отбрасывает тени. Он имеет замысловатую геометрическую форму, которая, вероятно, что-то означала для инков.

Были ли эти сооружения на самом деле храмами и какой из них главный — неизвестно. Вообще все сведения о Мачу-Пикчу — предположения. Инки не оставили нам письменности, их города были обчищены и уничтожены испанцами, а дожившие до наших дней потомки инков — это старушки, торгующие свитерами у входа к руинам.

О назначении города не прекращаются споры и научные дискуссии. Одни утверждают, что это была резиденция Верховного Инки Пачакутека, другие — оборонительная крепость, школа для детей из знатных семей или астрономическая обсерватория.

Город просуществовал около века. Жители покинули его, когда испанцы вторглись на территорию империи. Почему — не знает никто. Воз-

можно, потому, что наступил голод, так как прекратились поставки продовольствия из Куско, или потому, что жители ушли воевать против испанцев или убежали в легендарную, так и не найденную Вилькабамбу со всеми сокровищами. Письменности инки нам не оставили — за исключением узелкового письма (кипу), которое способно передать только основную идею. Простые жители письменностью этой не владели — для чтения узелков на разноцветных веревочках требовались специально обученные люди.

Сейчас Мачу-Пикчу посещают 800 человек в день (количество туристов пришлось ограничить, чтобы не навредить руинам). Город занесен в список наследия ЮНЕСКО и является одним из семи новых чудес света.

ЛЕДНИК ПЕРИТО-МОРЕНО, АРГЕНТИНА

В национальном парке Лос-Гласьярес (Los Glaciares), недалеко от аргентинского города Эль-Калафате, находится ледник Перито-Морено. Это одна из самых посещаемых достопримечательностей Аргентины.

Я видела много ледников, но ни один не сравнится по масштабам и красоте с Перито-Морено. Вроде путешествуешь себе по миру, видишь много и озер, и лесов, и водопадов, и ледников, и кажется — ничем уже не удивить, а природа вдруг как откроет тебе что-то грандиозное, что даже бывалые путешественники застынут в благоговении... Я смотрела на этот великолепный ледник, его убегающие вдаль на километры снежные пики, его синие трещины, огромные глыбы, с треском отрывающиеся и обрушивающиеся в воду, и серд-

це учащенно билось. Когда говорят «застыть в изумлении», «потерять дар речи», «перехватило дыхание» и прочие заезженные фразы, смысл которых уже затерся, затерялся, — так это оно. Ни слов, ни дыхания, ни мыслей, сердце колотится — КРАСИВО. Масштабно. Величественно.

Этот ледник — один из трех ледников Патагонии, которые бросили вызов глобальному потеплению и вместо того чтобы грустно таять вслед за собратьями, собрались с последними силами и

На ледниках никто не живет. Иногда летом их посещают заблудшие андские олени, маленькие карлики, которые обитают в Андах на высоте трех-четырёх тысяч метров и которых осталось всего 1500 в мире. Можно встретить пуму. Прилетают сюда кондоры — эти птицы сидели очень близко к туристам и не выражали никакого стеснения перед камерами. Нечасто увидишь кондоров так близко к человеку. Какие-то воро-

бушки еще сюда залетают, пара орлов, да здоровенный магелланов королевский дятел с огненно-красной головой. Негусто, в общем. Жизнь во льдах — не для всех.

Ледник рычит, трещит, гулко воет. Время от времени от него откалываются огромные глыбы и с грохотом падают в воду, расплываясь айсбергами по всему озеру. Если вы думали, что лед прозрачный или белый, вы очень удивитесь, увидев Перито-Морено. Лед здесь изумительно синий. Цвет ледника зависит от его возраста: старый лед приобретает насыщенно-синий цвет, молодняк же поблескивает едва голубыми оттенками. Перито-Морено стукнуло уже 30 тысяч лет. Его морщинистые трещины синее неба.

Стена льда разделяет озеро Аргентино на две части. Ледник грандиозный, только над водой он возвышается на 60 метров, а сколько льда прячется внизу! Средняя глубина равна 170 метрам, максимальная — 700 метров, 6 километров в ширину, 250 километров площади. Вы только представьте себе эти размеры!

Половина озера покрыта ледовым покрывалом, другая половина — вода. Озеро и ледник являются частью Южного ледникового пояса, который протянулся вдоль границы Аргентины и Чили. Всего здесь 48 ледников, питаемых водами Анд. Это второе по величине ледниковое поле в мире — больше него только ледники Антарктики.

Ледник — это не так уж и холодно. Средняя температура летом здесь 13,4 градуса, зимой — 0,6 градуса. В России холоднее.

Территория Южного ледникового пояса хранит в себе третий по величине запас пресной воды в мире. Больше только в Антарктиде и Гренландии. Втроем эти ребята берегут для нас 90 процентов всей питьевой воды в мире. Долгих лет жизни тебе, Перито-Морено. Не сдавайся!

Рубрику ведет
Евгений Никитин

Кэтрин РИКФОРД

Этот рассказ американской писательницы Кэтрин Рикфорд был опубликован в сборнике «Лучшие паранормальные истории» (1920), изданном под редакцией Джозефа Льюиса Френча (1858–1936) — поэта, новеллиста, редактора, известного составлением антологий мистической и приключенческой тематики.

Евгений Никитин родился в 1992 году. Заведует отделом зарубежной литературы журнала. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года. Лауреат премии зеленого листка в номинации «Начинающему автору» журнала за 2013 год. Печатался также в «Независимой газете», журнале «Плавучий мост». Выпускник Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета по специальности «перевод и переводоведение». Окончил магистратуру факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета.

ИСТОРИЯ ДЖОЗЕФА

После обеда все расселись вокруг камина. Это был отнюдь не обычный камин, нет — из тех, что размером с целую комнату.

Большая столовая, где они разместились, была обшита дубовыми панелями. В дальнем углу стоял роскошный старинный комод. Все это давало простор воображению: легко представить, как раньше за этим длинным массивным столом устраивались пиры. Вдоль стен были расставлены тяжелые старинные сундуки и развешены доспехи; впрочем, разглядеть это разнообразие было непросто, ибо в помещении не было никакого освещения за исключением каминного пламени.

Стоял сочельник. В доме проходили рождественские игры: старики соревновались с молодежью, кто первым утащит изюминки с блюда с горящим спиртом¹. Дети давно легли спать; тем, кто постарше, тоже пора было в кровать, но вместо этого они уселись у огня наравне со взрослыми. Все по очереди рассказывали истории. Ничего

особо пугающего: никому не хотелось вздрагивать от страха и постоянно оглядываться через плечо на темные углы. Тем не менее возникало ощущение, что чего-то не хватает. Все одновременно пришли к этому выводу, и среди собравшихся отмечать праздник повисла тишина. Нарушила ее молодая женщина:

— Сейчас черед мистера Грейди рассказывать.

Все повернулись к старичку, который сидел в кресле прямо напротив камина, ерзая от жара. Он был невысокий, немного полноватый, лысый, с остроконечной бородкой. Грейди почувствовал скрестившиеся на нем сдержанные, но в то же время требовательные взгляды, моргнул и огляделся. Его губы дрогнули, сложившись в нервную усмешку. Казалось, он разрывается надвое: одна половина пыталась сдержать рвущиеся слова, другая же сгорала от желания все рассказать.

— Это место напомнило мне о нем... — задумчиво начал он.

После этих слов наступила долгая пауза, однако никто и не думал торопить мистера Грейди.

¹ Старинная английская игра (прим. переводчика).

Все понимали, что он обязательно продолжит рассказ — или же, если быть точным, некая сила, использующая его в качестве медиума, побудит его говорить.

Лицо старичка стало на удивление спокойным, обычной живости в нем не было. Обратившаяся к нему женщина, похоже, уже пожалела о своих словах и хотела остановить мистера Грейди. Она тяжело дышала и пару раз порывалась заговорить, но так и не смогла. Вместо этого она повернулась к остальным и внимательно оглядела всех, одного за другим, зная, что те не повернутся к ней. Обратно говоря, от них остались только тела-куклы: их внимание и дух были прикованы к сидящему в кресле у огня рассказчику.

* * *

— Его имя было Джозеф — во всяком случае, так его называли. Он был мечтателем, часто видел странные сны. Необычный во всех отношениях мальчик... Его мать — я был с нею хорошо знаком — родила одного за другим троих детей вскоре после свадьбы. Десять лет спустя на свет появился Джозеф — тихий, замкнутый, малообщительный ребенок. Единственным его другом была мать. О нем всякое болтали — вы же знаете людей... Некоторые утверждали, что он не родной сын Клары, а приемный. Другие — что она прижила его на стороне и старается держать мужа в неведении. Мне кажется, мальчик был отчасти в курсе этих слухов, потому что явно недолюбливал их главных распространителей.

Рассказчик положил руки на подлокотники и сплел кончики пальцев. На губах заиграла улыбка. По-видимому, он отыскивал в недрах своей памяти воспоминания, которые ярче всего описали бы Джозефа.

— Как бы то ни было, — наконец продолжил он, — мальчик был странным — это бесспорно. Кажется, ему было одиннадцать, когда Клара приехала сюда с семьей на Рождество. Тогда, много лет назад, этим домом владели Конингтоны. Миссис Конингтон приходилась Кларе сестрой. Как и сейчас, стоял сочельник. Праздник прошел как обычно — пожалуй, даже лучше обычного: все были рады воссоединению семьи, в доме собралось множество детей. Мы ели, пили, смеялись, играли и, наконец, отправились спать.

Посреди ночи я проснулся от беспокойного чувства. Клара, зная о моей частой бессоннице, оставила в комнате свечу. Я зажег сигарету, полистал книгу, затем из любопытства открыл дверь и выглянул в коридор. Отсюда можно было раз-

глядеть верх лестницы; противоположное крыло дома и нижний этаж были скрыты во мраке. Собственно говоря, и лестницу я видел лишь потому, что из ближайшего окна светили тусклые лучи луны, причудливым образом преломляясь в витражах. Эта игра света надолго захватила мое внимание. Вдруг кто-то подошел к лестнице и начал спускаться вниз. Передо мной как будто разыгрывалась театральная сцена: что-то вот-вот должно было произойти, и я мог пропустить это что-то. Я подбежал — прямо как есть, босой — к краю лестницы и свесился через перила. Я был слишком возбужден, чтобы испытывать страх. Отчетливо помню каждое мгновение: я знал, что мне следует бояться, но не ощущал ни капли страха.

Ничто не шелохнулось. Небольшой холл внизу, на первом этаже, тонул во тьме. Я глядел прямо в оконный витраж. Вы знаете, что лестница развернута так, что, спускаясь по ней, можно разглядеть холл с трех сторон. Я догадался, что если дойду до ее середины и встану прямо под окном, то буду следить одновременно за вторым этажом и за тем, что может произойти внизу. Крадучись я спустился до уровня окна и стал ждать. Первое, что увидел — пустые доспехи сразу за дверью. Как вы знаете, при слабом освещении может почудиться, что некоторые вещи двигаются сами собой. И эти доспехи определенно шевелились, причем летящие на фоне луны облака усиливали иллюзию. Здесь, у камина, мы можем рассуждать рационально, но тогда, ночью, все обстояло иначе. Я спустился на несколько ступенек, чтобы внимательней рассмотреть доспехи, когда внезапно меня миновало нечто. Я ничего не услышал, не увидел, не ощутил никакими органами чувств — просто знал, что *нечто* только что промелькнуло рядом и направилось вверх. Я понял, что путь к отступлению отрезан, и тогда на меня нахлынул страх.

Ранее кто-то определенно спустился по лестнице; теперь я был бы рад встрече с ним. Призраки — это всегда плохо, но лучше уж видимый призрак, чем невидимый. Мне удалось проскользнуть мимо доспехов, я начал нащупывать дорогу к дверям.

Рассказчик махнул рукой в направлении двойных дверей. Он не стал на них оглядываться, как и его слушатели. Все увлеченно внимали истории, словно загипнотизированные. Лишь одна женщина не находила себе места: казалось, ее раздражает неторопливость повествования.

— Мрак оказался таким густым, что пришлось на ощупь определять, закрыта ли первая дверь. Оказалось, что нет: она была распахнута, как и

вторая. Я стоял между двумя стенами и вглядывался в комнату, пытаюсь разглядеть что-нибудь знакомое. На ум некстати шли мысли о людях, похороненных заживо в кирпичной кладке. На мгновение мне почудилось, что внутри толстенной стены маячит *некий дух*. Потом я впервые испытал ощущение, о котором раньше доводилось только читать: я осознал, что рядом кто-то есть. Вы удивлены? Наберитесь терпения! Это еще не все: я осознал, что этот *некто* тоже знает о моем присутствии. Я подумал, что, быть может, он хочет выйти, и освободил проход. Я терпеливо ждал, у меня уже началось легкое головокружение, когда раздался звонкий голос:

— Кто тут?

— Джордж Грейди, — машинально ответил я.

— Я — Джозеф.

Раздался звук чирканья спички о коробок. Я увидел склонившегося над свечой и пытающегося зажечь ее мальчика. Сначала я подумал, что он ходит во сне, однако его движения выглядели вполне обычно. Он повернулся ко мне и спросил:

— Вы что-то потеряли?

— Нет, — ответил я, заикаясь. — А ты?

— Не потерял. — Он издал смешок. — Просто меня поселили в ту самую комнату, я не могу в ней заснуть.

— О! А что не так с комнатой?

— В ней меня убили, — просто ответил он.

Конечно, я был наслышан о его снах, но мне самому никогда не приходилось иметь с этим дело; когда он сказал, что здесь его убили, я, разумеется, решил, что ему снова приснился кошмар. Я был в растерянности: то ли поднять на смех, то ли расспросить подробней. Я отвел Джозефа наверх, в свою комнату, усадил в большое кресло и разжег камин.

— Тебе снова приснился кошмар, — сказал я.

— Нет, вовсе нет. Это неправда.

Он вел себя так по-взрослому рассудительно, что было невозможно воспринимать его как ребенка, каковым он и являлся. Честно говоря, это немножко пугало: взрослый человек в теле ребенка.

— Здесь меня убили, — повторил он.

— Что ты имеешь в виду под «убили»?

— Как что? Именно это и имею в виду — убийство. Конечно, это произошло много лет назад — не могу сказать точно, когда. Однако я помню комнату. Полагаю, ее вид и напомнил мне об инциденте.

— Инциденте?!

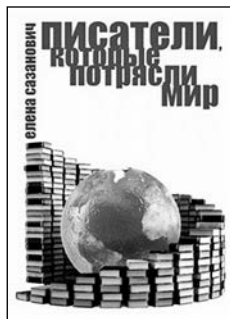
— А о чем же еще? Смерть — лишь небольшой инцидент в существовании каждого. Разумеется, вокруг этого поднимают суматоху, но на самом деле, если вдуматься...

— Я хочу знать подробности, — сказал я, закуривая.

Мальчик тоже взял сигарету и начал рассказ.

Окончание следует.

Перевод Евгения Никитина

НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ, ИЛИ СЛОВНО ВИТРАЖ...

Сазанович Е. Писатели, которые потрясли мир: сборник эссе. — М.: Издательские решения, 2019. — 194 с.

Сборник эссе сам по себе превращается в наше время в какой-то особенный жанр. И он прежде всего привлекателен своей разнонаправленностью — дух дышит где хочет: в любой культуре, в любой точке мира и в любой эпохе. От Драйзера мысль легко перелетает в Россию к Есенину. А потом от Тургенева — к Хемингуэю.

И тогда сборник эссе начинает напоминать средневековый витраж, когда разноцветные стеклышки вместе составляют причудливый узор, единую композицию — картину, историю.

Каждое эссе в сборнике — это новая дорога, судьба, история.

«Писатели, которые потрясли мир» — да каждого из них можно сравнить с бриллиантом. Поди расскажи коротко и емко об уникальной биографии. И это при том эссе — довольно-таки емкий жанр. Уникальность под общее не подходит.

Рассказать о потрясшем мир писателе непросто. Тем более биография известна в той или иной степени, потрясенный мир уже в прошлом и надо найти новые слова и смыслы, чтобы память и осмысление наследия продолжилось.

Елена Сазанович, не скрываясь за цитатами известных лиц и знакомя читателя с отзывами современников на произведения или героя, умудряется не затеряться сама и не перегружать текст излишними подробностями.

Александр Островский, Николай Островский, кто есть кто. Для юного племени эпохи ЕГЭ — разница между первым и вторым не столь существенная. Тем более, кажется, все уже давно сказано. А вот, оказывается, — нет. В биографиях и деяниях есть не просто белые пятна, а целые поля длиной в десятилетия.

Например, «дедушка» Крылов или Ремарк. А если эти гении удивляли мир не единожды, а много раз и всегда иначе. В таком случае эссе выбирает себе одну тропу из всего богатого наследия. К примеру, Толстой — «Война и мир», Пушкин — «Евгений Онегин», Островский — «Гроза». Чтобы пристальнее взглянуть во всего лишь одну грань бриллианта и поддаться обаянию его блеска.

Потрясение — самый короткий путь в познанию.

Потрясайтесь себе на здоровье!

Татьяна Махова

София АГАЧЕР

Продолжение. Начало в № 6–12 за 2018 год, № 1, 2, 3, 4 за 2019 год

ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРИ СЕБЯ

КАРТИНКА 13

Невероятные истории.

Маршрут: архитектурный стиль югендстиль —

Михаил Эйзенштейн —

встреча с Артурсом — рыжий барон — контрабандисты —

Бригитта — семейный альбом и живая история

Мистическое взаимопроникновение четырех культур: немецких княжеств, шведского королевства, российской империи и польско-литовских земель — породило удивительный город Северной Европы — Ригу. Ветры торговых путей принесли сюда разные по стилю и времени архитектурные творения, стоящие бок о бок друг с другом подобно кораблям, пришвартованным в порту. Вот высится гордый фрегат — собор Святого Иакова в стиле кирпичной готики, недалеко от него прикорнула бригантина — церковь Святого Петра с ажурным шпилем, но больше всего будоражат воображение дерзкие и манящие приключениями шхуны с маска-

ронами на разноцветных парусах-фасадах — дома в стиле модерн, на улице Альберта и Элизабетес.

Невозможно прекрасные, демонические, созданные с нарушением всех классических законов архитектуры, похожие скорее на картины снов смертельно измученного страстью или болью человека, чем на каменные фасады, эти роскошные доходные здания были построены в начале прошлого века на окраине Петербургского форштадта. Современные туристы, читающие психологические романы и впитывающие ежедневно эмоции из драм и триллеров на экранах телевизоров, летят сюда за ощущениями, как бабочки на свет. Только страстно увлеченный архитектурой человек, не являющийся профессионалом в этой области и посему не подчиняющийся цеховых запретам, мог таким образом вести битву с демонами своей души, побеждая их и превращая, подобно Медузе Горгоне, в камень. Личная драма, возведенная до раз-

меров огромного дома, была разрешена путем изобличения и увековечения в камне предательства и змеиной сущности ее виновницы — женщины с красивым и надменным лицом.

Такие мысли пришли мне в голову много лет тому назад, когда мы с Милой забрели в этот район полюбоваться на знаменитый рижский югендстиль. Вот так и появилось мое увлечение: угадывать судьбы архитекторов по их творениям, а истории городов — по их архитектуре. Сначала улавливать эмоциональный слепок и погружаться в визуальные ассоциации, а потом уже искать информацию.

Михаил Эйзенштейн действительно, как я прочитала позднее, не был профессиональным архитектором и создал свои шедевры рижского модерна, находясь в тяжелейшем психоземotionalном кризисе, вызванном разрывом отношений с горячо любимой женой Юлией и разводом с ней. Его сын, знаменитый режиссер Сергей Эйзенштейн, зарисовывая в детстве сфинксов, сов,

павлинов, женщин со змеями на головах или яростных маскаронов с фасадов улицы Альберта, еще будучи мальчиком понял, что не только люди могут быть персонажами драматических событий, но и пронзительные детали. Мало кто из нас помнит во всех подробностях его величайший фильм «Броненосец Потемкин», но почти каждый скажет об этом кино: «Да, конечно, это там, где пустая детская коляска прыгает вниз по ступеням лестницы!» Все мы родом из детства, а Сергей Эйзенштейн еще и родом из Риги, из города, где детали домов — кошки на крышах, петушки на шпилях, узоры на зданиях, лебедки на старинных складах — это якоря, цепляющие картины нашей памяти, или узлы, из которых составляется латышский орнамент, или персонажи известных кинолент о Максе Отто фон Штирлице или Шерлоке Холмсе...

Все это крутилось у меня в голове, когда задумавшись, я брела в гости к своей подруге Миле на званый обед.

— Але, гараж! Иду за тобой уже битых полчаса, а ты все на здания глядешь, разговариваешь сама с собой и не обращаешь никакого внимания на симпатичного, пусть и не очень молодого, но все-таки мужчину!

Я вздрогнула от неожиданности, обернулась — и оказалась в распахнутых объятиях нашего общего с Милой друга, Артура.

— Привет, Пропажа, а ты совсем не изменилась, все так же выпадаешь из реального мира и фантазируешь! — Артур был действительно интересный мужчина, высокий, в светлом плаще и серых, коротких по щиколотку, как почти у всех латышей, брюках.

— Вот так встреча, здравствуй! На пару дней при-

землилась в Риге и шлепаю к Миле в гости. Надеюсь, нам по пути?! — несколько обалдевшая от встречи с давно знакомым и почти стертым временем из памяти человеком, затараторила я.

— Конечно, я тоже иду к Миле, она хотела сделать тебе сюрприз, но ты же знаешь, что я обязательно все разрушу, — как-то виновато произнес мужчина.

И я живо вспомнила несколько угловатого парня, тенью бродившего в Риге за Милой, постоянно что-либо разбивающего, разливающего или наступающего ей на ноги, но добряка и балагура. Он все время возился с нами, снимал на киноплёнку и устраивал экскурсии на Рижскую киностудию до тех пор, пока Мила не вышла замуж за его лучшего друга Марика Луганского.

— Послушай, Артур, как это все-таки правильно, что Луганские по-прежнему живут в своей старой квартире на Элизабетес. Хотя называть эту улицу с прекрасно отреставрированными роскошными домами старой как-то странно! — пыталась я поддержать беседу, одновременно стараясь хоть как-то попеть за быстрым шагом его долговязых ног.

— Да, это квартира матери Марика, урожденной Илги Карловны Иглидис. Удивительная была женщина! До войны, в восемнадцать лет, она стала чемпионкой Латвии по легкой атлетике и принимала участие в летних Олимпийских Играх 1936 года в Берлине. Тогда латвийская сборная завоевала две медали: серебряную в борьбе и бронзовую в ходьбе, а поскольку латыши считались практически немцами и многие говорили на немецком языке, то были приглашены на прием немецкой олимпийской команды, где при-

существовал сам Гитлер, что и зафиксировано на общем фото участников приема. Кстати, благодаря этой фотографии квартира на Элизабетес и ее обитатели не пострадали во время немецкой оккупации, хотя, впрочем, до того, как Латвия стала независимой, я этого не знал — это было большой тайной, а теперь стало историей. Вот так-то! Их семья — уникальная, они, возможно, единственные на своей улице живут в своем доме со дня его постройки с начала прошлого века. Чудом уцелевшая латышская буржуазная семья. Отец Илги Карловны был известнейшим в Риге адвокатом, а дед родом из деревни Вилиши, что на границе со Псковом, поэтому все Иглидисы имеют характерный медно-рыжий цвет волос, — пустился болтать всезнайка Артур.

— Прости, непонятно немного, а при чем тут родом из Вилиши и рыжий цвет волос тети Илги и Марка? — спросила я своего попутчика, памятуя, что он никогда ничего не говорил просто так.

И Артур поведал мне о том, что недалеко от Вилишей когда-то стоял немецкий баронский замок. Все бароны были огненно-рыжими и ужасно охочими до местных девушек. Летом после второго курса, когда он подрабатывал оператором в краеведческой экспедиции, в деревне объявился рыжий мужчина. Несколько дней он лазил по развалинам замка, а потом куда-то исчез. Краеведческая группа приступила к обследованию фамильного баронского склепа рядом с замком и обнаружила, что склеп открыт и каменная плита с последнего захоронения сдвинута, а в нише лежит скелет в военном мундире с огненно-рыжей шевелюрой. В последующем

из документов и рассказов местных жителей выяснилось: последний барон был похоронен в фамильном склепе в конце позапрошлого века в генеральском мундире, с золотыми пуговицами и со шпагой, являвшейся чуть ли не подарком Фридриха Великого и передававшейся в баронском роду от отца к сыну. И, стало быть, один из потомков этого рода, зная семейную легенду о шпаге Старого Фрица, решил приехать в советскую Латвию и вскрыть могилу своего прапрадеда. Судя по отсутствию пуговиц на мундире у скелета, его авантурная экспедиция увенчалась успехом.

— Послушай, а разве в советское время через границу можно было вывезти такие ценности? — спросила я, надеясь на продолжение истории и судорожно вцепившись в руку попутчика, чтобы его притормозить.

— Ха-ха! Ты забываешь, что морская граница Латвии со Швецией составляет более двухсот километров и доплыть до нейтральных вод можно минут за тридцать-сорок. Ливы же — потомки морских разбойников, а в советское время лучшие рыбаки-стахановцы и, по совместительству, порой контрабандисты, — увлеченно продолжал мой старый друг, размахивая руками и совсем не заботясь о том, что я вишу рядом.

— Послушай, Артурс, но, насколько мне известно из «вражьих» голосов того времени, в СССР морские пограничники плотно патрулировали границу на катерах и, бывало, расстреливали без предупреждения лодки, пытавшиеся ее пересечь, — вдруг вспомнила я подобные сообщения, в которые мы вслушивались сквозь помехи и шум «глушилок»,

сидя у радиоприемников, причем чаще всего именно рижского производства.

— А кто сказал, что это было легко?! Ты даже представить себе не можешь, какие были курьезные случаи. Ходили слухи, что контрабандисты построили маленькую деревянную подводную лодку, которую не могли уловить советские военные радары, и на ней ввозили товары в Латвию. А по другой, абсолютно реальной истории я даже написал сценарий детективного фильма и надеюсь, что по нему будет снят полный метр на моей любимой Рижской киностудии. Рассказать?! — задал риторический вопрос мой спутник и резко остановился, пристально глядя на меня, после чего я перевела дух и закивала головой.

История была такова. В Вентспилсе четверо моряков советского торгового флота ограбили крупный ювелирный магазин. Они разобрали часть пола в квартире, расположенной этажом выше, и вскрыли потолок одного из магазинных помещений, специально оборудованного для хранения драгоценностей. Далее с помощью такелажных и рыболовецких снастей вытащили оттуда кофры с ювелирными украшениями. После чего пробрались на территорию хорошо им знакомого морского порта, где у одного из причалов стоял катер командующего Лиепайской военно-морской базы. Уж почему он был там пришвартован и кого привез — неизвестно. А важно, что эти четверо захватили катер и ушли на нем беспрепятственно в Швецию, поскольку пограничники никак не могли решиться стрелять по катеру такого высокого военного начальника. Шведы грабителей не выдали, а судно вернули через год после

длительных дипломатических переговоров.

За разговорами мы добрались до вожделенной парадной, где нас ожидали друзья. Стены парадной были отделаны, как говорят американцы, в стиле Тиффани: ярко-синей и красно-бордовой плиткой с панно, на которых были изображены фрукты и хвосты павлинов. Мы поднялись на третий этаж, где у массивной резной деревянной двери еще сохранился след от бронзовой таблички с именем владельца, и тут, когда я увидела его, меня захлестнули воспоминания: как в этой огромной, на весь этаж квартире с высоченными, украшенными лепниной в виде купидончиков потолками, с раздвижными французскими дверьми и паркетными полами, инкрустированными кусочками янтаря и перламутра, с окнами в виде замочных скважин и овалов, портьерами и абажурами были накрыты свадебные столы с самой вкусной в мире латышской едой: с фаршированными поросятами, лососем, миногами, бутами, колбасами, гусями с яблоками и еще всякой вкуснятиной. И мы, голодные студенты, на свадьбе Марика и Милы наелись так, что никто из нас не то что танцевать, встать не мог из-за стола от обжорства. Артурс как будто прочитал мои мысли и сказал, посмеиваясь:

— Помнишь, как мы здесь отмечали свадьбу Марика и Милы и я так объелся, что тащился домой ночью через сквер от дерева к дереву. Обниму одно дерево, постояю, потом иду к другому, живот прямо свисал до коленей! Ха-ха-ха!

Дверь квартиры скрипнула, и на пороге возник сам ее хозяин, Марк Иосифович Луган-

ский, такой же круглый и веселый, как и тридцать лет тому назад, только не рыжий, а совсем седой.

— Здравствуйте, мои дорогие! Однако где это вы успели встретиться?! Заходите... Как видите, ничего не изменилось, — сказал Марк, заметив, что я оглядываюсь вокруг. — Вся эта мебель, люстры и портьеры были еще до моего рождения!

— Да, только книг и картин прибавилось на стенах, — ненароком подбросил комплимент своему другу Артурс, зная его страсть к коллекционированию предметов искусства.

Мы обозрели столовую комнату, где в лучших традициях Иглицис-Луганских был сотворен стол: накрахмаленная скатерть, серебро и хрусталь, разносолы домашнего приготовления. На диване в гостиной пристроилась пожилая дама с удивительно знакомым лицом, державшая на коленях семейный фотоальбом в кожаном переплете с латунными застежками. При звуке моих шагов она подняла голову и медленно по-английски произнесла:

— Здравствуйте, а я вас помню, вы были подружкой невесты на свадьбе Марка, племянника моего покойного мужа! Сменю напомнить, меня зовут Бригитта.

Знаменитая латышская тетушка Марика приехала с его дядей на свадьбу из Австралии. Представьте себе мой ужас — советской студентки перед живыми австралийцами! Да-да, там еще была потрясающая романтическая история! В конце пятидесятых — начале шестидесятых

годов минувшего века несколько тысяч латышских семей, поверив пропаганде эмиссаров из СССР, вернулись в Латвию из Канады, США и Австралии. Среди них находилась и семья Бригитты, причем сама девушка была уже помолвлена и ее жених провожал корабль, увозивший семью Бригитты, на своей океанской яхте несколько дней в надежде, что она передумает и останется с ним в Австралии. Большинство из этих репатриантов очень скоро пожалели о своем возвращении на родину. Многие сохранили иностранные паспорта и уже в середине семидесятых годов, когда началась эмиграция из СССР, смогли вернуться обратно. Дядя Марка женился на Бригитте, и они уплыли в Австралию, но на этом история любви не закончилась. Австралийский жених так и не создал семью, заболел и умер, завещав Бригитте все свое состояние незадолго до ее возвращения в Сидней. Меня тогда поразила эта почти сказочная история. Это как же надо было любить свою семью и Латвию, чтобы навсегда расстаться с горячо и взаимно любимым человеком?!

— Присаживайтесь, дорогая, Людмила заканчивает свое колдовство на кухне, — обратилась ко мне пожилая дама, — а я вам покажу старые фотографии и немного посплетничаю о членах нашей семье, а то умру и никто больше не сможет поведать о людях, которых уже нет на этом свете.

Бригитта раскрыла альбом, и на меня глянула группа парней.

— Вот этот, в центре, импозантный молодой человек в шляпе, надвинутой прямо на глаза, — старший брат моего покойного мужа и отец Марка, Иосиф Луганский. Фотография сделана в Болонье, в Италии, на фашистском митинге в 1922 году, — прочитала Бригитта надпись на обратной стороне слегка пожелтевшей фотографии. — Дело в том, что евреи не могли получить высшее образование в буржуазной Латвии, и они учились в европейских университетах. Иосиф болтался на медицинском факультете Болонского университета, как раз с 1922 по 1928 год. Я хорошо помню, как он рассказывал, что Италия бурлила. Каждый день проходили митинги, где принимали участие студенты, иногда бывали перестрелки с полицией. На коммунистических митингах кормили и давали хлеб, время-то было голодное; на фашистских поили вином, пивом и танцевали с девушками. Зачастую митинги различных партий проходили на одной площади, и группы молодежи переходили от одной митингующей компании к другой, а после окончания манифестаций они либо дрались, либо играли в футбол. Да, хорошим был человеком Иосиф Луганский, его руки хирурга и благодарные больные спасали нас не раз от репрессий различных властей в то непростое время, — Бригитта сделала паузу и перевернула страницу альбома.

Продолжение следует.

США

Людмила ЛУБЯНАЯ
О себе

Меня зовут Людмила Лубяная. Родилась, живу и работаю в Москве. Пишу стихи, прозу, песни, пьесы. Автор книги «Календарная сказка» (стихи для семейного чтения, 2014). В качестве автора-исполнителя являюсь постоянным участником ежегодного фестиваля имени Булата Окуджавы «И друзей созову...», организуемого московским театром «Школа современной пьесы» под руководством режиссера Иосифа Райхельгауза. Участвовала в конкурсе «Действующие лица» в номинации «Театральная пьеса», проводимом «Школой современной пьесы».

ПУТЕВКА

1

Петушинный крик будильником прогремел над деревенскими крышами. Заспанное солнце как по команде выскочило из-за горизонта и встало над трубой одноэтажного сруба сельсовета. Запели баском ворота, послышалась переключка местной мелко-рогатой и хвостатой фауны; заскрипел ворот колдца; струйки печного дыма взвились в июньское небо.

Васютину просыпалось.

Баба Зоя привычным движением открыла калитку и пропустила вперед козу Катьку, аппетит которой требовал свежего клевера на завтрак, несмотря на воскресный день.

Но отойти далеко от дома коза с хозяйкой не успели. Им навстречу катил велосипед, оседланный двадцатилетней почтальоншей Нюшей. Звонко

на велосипеде был необычный: Нюшин дядя, кузнец-умелец, сделал его в виде спутника, который уже три года бороздил околоземную орбиту. Не услышав веселого звоночка и не увидев на хорошеньком Нюшином личике привычную приветливую улыбку, баба Зоя встревожилась.

— Здравствуй, баб-Зой. —

Почтальонша тормознула железного конька-горбунка. — На прогулку?

— Случилось чего, Нюш?

— Давай присядем на лавку. — Девушка ласково дотронулась пальчиками до плеча пожилой женщины.

— Да говори уж, не тяни...

— Я председателю почту привезла, а ему как раз из больницы звонили... — Нюша запнулась.

— Ивану моему хуже стало? — ахнула старушка.

— Да вот... сказали... помер Иван Трифонович-то вчера вечером, — одним махом выдохнула Нюша.

Некоторое время Зоя Поликарповна озадаченно смотрела на девушку, а когда смысл услышанного наконец дошел до ее сознания, запричитала:

— Да как же так, Нюшенька-а? Ой горе-то какое-е! Да ведь только в среду была-то у него, лучше ему было; и доктор говорил: бабуля не волнуйся, скоро дедулю твоего отпустим домой... — Тут баба Зоя всхлинула и расплакалась.

Нюша как могла утешала старушку.

Несколько соседок, заинтересовавшись происходящим, подошли к скамейке, заохали;

ребятишки разлетелись воробьиной стайкой по дворам, и скоро вся деревня знала печальную новость.

Председатель Денис Семенович выразил соболезнования и, растрогавшись (Ивана Трифоновича он уважал), пообещал бабе Зое машину с шофером в оба конца в сопровождении верной Ньюши и двух парней-васютинцев.

В больнице Зое Поликарповне не пришлось забирать вещи мужа: поступающим пациентам выдавали здешнее — пижаму или халат, а свое, родное, отдавали родственникам вплоть до выписки.

Еще в среду Иван Трифонович сетовал жене, что среди одинаково выцветших от времени зеленоватых пижам чувствует себя инкубаторским цыпленком-новобранцем, и мечтал поскорее примерить гражданскую одежду.

Дежурный врач, женщина лет тридцати, заполнила и передала старушке справку о смерти мужа.

— Где он, сердешный? — спросила Зоя Поликарповна.

— В «холодной». Да не один. Шестую такую справку за два дня выписываю. Пойдемте со мной, бабушка. Только аккуратней. Под ноги смотрите. С освещением там плохо. Еле-еле лампочка горит.

Вытирая слезы концами косынки, баба Зоя засемила за врачихой, а Ньюша предпочла подождать свою подопечную на улице.

Домой ехали уставшие.

Шофер Веня смотрел вперед на дорогу и слушал бабу Зою. Не перебивал: пусть выскажется да выплачется, авось и полегчает на душе.

— ...И знаешь, Венечка, — рассказывала Зоя Поликарповна, — смотрю я на своего деда-то и не узнаю. Вроде

бы он и не он. Я врачихе говорю о том, а она мне: ну что вы, бабушка, вот и бирка его «Смирнов И.Т.» А вы устали да наплакались, и потом болезнь часто меняет человека внешне...

— Точно, — кивнул Веня.

Ему хотелось успокоить бабу Зою: не хватало еще, чтобы она с глуду съехала от горя прямо у него в машине. — Мне в армии парень один рассказывал, его дед тоже перед смертью изболелся до сильного изменения внешности. — Веня любил иногда ввернуть где-то прочитанные выражения.

Проститься с Иваном Трифоновичем пришли все односельчане. Доброго, работающего старика, кладезя жизненных историй и прибауток (часто собственного сочинения), любили и стар и млад. Говорили коротко, но эмоционально. Что прожил Трифонич жизнь честную трудовую, душа в душу со своей Зоей, вырастил с ней сына и дочь, приехавших сегодня из Ногинска и Павловского Посада. Да и соседским ребятишкам, оставшимся в войну без отцов, всегда помогал словом и делом. Что за плечами у него финская и два года Отечественной, на которой он был тяжело ранен и комиссован по инвалидности; какой он замечательный плотник и печник. Председатель Денис Семенович вспомнил, как в самом начале войны Ивана Трифоновича, знавшего родную местность как свои пять пальцев, привлекли в группу по отслеживанию вражеского десанта, пытавшегося пробиться к Класоновской ГРЭС. Россыпь торфяных болот, помноженная на смекалку местных жителей (и здесь дядя Ваня был первым), обеспечила мощный заслон станции, снабжавшей электричеством столицу. Коротко и сухо выступил парторг колхоза

«Красный торфяник», пожалуй, единственный, с кем у Трифоновича была обоюдная неприязнь, не высказываемая вслух. Возможно, она была следствием стычки, произошедшей между ними в конце февраля пятьдесят третьего (из-за чего, васютинцы толком не знали, а спрашивать боялись), и если бы не своевременная кончина «отца всех народов», неизвестно, как изменилась бы судьба любимца деревни. Парторг сказал, что хотя Иван Трифонович и был беспартийным, работал в колхозе он все же хорошо, чем и поставил точку в выступлениях.

После похорон состоялись поминки, которые по деревенскому обычаю были недолгими.

Уставшей бабе Зое помогли дети и сердобольные соседки. Печальный день кончился...

А утром, как ни в чем не бывало, над сельсоветовской трубой встало солнце, и жизнь потекла дальше.

* * *

Между тем не думавшему помирать Ивану Трифоновичу надоело лежать на больничной койке. Чувствовал он себя хорошо, обострившаяся старая рана поутихла, а живая натура требовала деятельности. Поэтому он попросил врача Егора Максимовича, только что вернувшегося из отпуска, его выписать.

— Ну что я тут место занимаю, Егор Максимыч? Я здоров, а дома дел невпроворот. Да и бабка моя чего-то не идет. Не прихворнула ли сама?

— Ну что ж, — согласился врач, — анализы у вас хорошие. Я и сам подумывал о выписке, но в понедельник. Связаться нужно с вашей деревней, что бы кто-нибудь за вами приехал с вещами.

— Да зачем людей беспокоить? Я и сам доберусь: не так

уж и далеко. Хуже нет, чем ждать да догонять. А насчет одежды... Мне бы только штаны да рубашку, а штiblеты у меня с собой. На дворе лето, не замерзну. — Иван Трифонович хитро улыбнулся. — Зое своей сюрприз сделаю.

Воскресное утро выдалось чудесным. Ночью прошел дождь, жара спала, умытая подмосковная природа грелась в ласковых солнечных лучах.

Иван Трифонович не спеша шел лесной дорогой к родной деревне. До леса он добрался на попутке, ехавшей в соседнее село Алексеево, и сейчас наслаждался ходьбой и ароматом воздушного лесного настоя. На нем были холщовые брюки и рубашка, взятые на пару дней взаймы Егором Максимовичем у больничного сторожа.

От леса до деревни было рукой подать: уже были видны крайние домишки, и наш герой пошел поживее.

А в это время в деревне готовились отметить девятый день со дня кончины дорогого земляка. После полуденного колхозного собрания в сельсовете (они почти всегда проводились по воскресеньям, так как в будни было некогда) народ должен был плавно переместиться в домик бабы Зои, где с утра шли нехитрые приготовления. Дети должны были подъехать позже. Магазины в деревне не было, за продуктами приходилось ходить через лес до железнодорожной станции г. Электрогорска, и несколько соседок Зои Поликарповны вызвались сходить туда за хлебом и сладеньким к чаю. Дорогой женщины оживленно разговаривали, когда увидели идущего навстречу им пожилого мужчину. Увидев их, он улыбнулся и помахал рукой. Селянки остановились как вкопанные. Разговор мгновенно

оборвался. К ним подходил... дядя Ваня.

— Здорово, девчонки! — бодро приветствовал «безвременно почивший» оторопевших женщин. — Вот отпустили меня, небось соскучились?

Васютинки смотрели на него с вытаращенными от ужаса глазами. Затем почти одновременно открыли рты и... От их крика у деда заложило уши. Такой ультразвуковой мощи Иван Трифонович не слышал со дня первого применения установки БМ-13, в дальнейшем ласково прозванной «катюшей». Не отличавшиеся до этого дня особой прытью, «девчонки» развернулись на пятках и так вдарили до деревни, что дядя Ваня еще долго откашливался от поднятой ураганым столбом дорожной пыли.

Немного обескураженный такой «радушной» встречей, Иван Трифонович пошел, однако, дальше и вскоре оказался на деревенской околице у колодца. Васютинка Клавдия Петровна стояла к деду спиной и крутила колодезный ворот. Позиция Клавдии не позволяла ей видеть Ивана Трифоновича. Наученный горьким опытом, тот не стал кричать издали, а, обойдя женщину, стал прямо перед ней и мягко поинтересовался:

— Клав, посмотри, что со мной не так? Чего наши бабонки от меня шарахнулись?

В ответ Клава вытаращила глаза, бросила ведро с водой в колодец и, закричав «чур меня!», пустилась наутек.

Иван Трифонович оглядел себя, ощупал лицо и голову и, не обнаружив ничего необычного, зашагал к родному дому.

Из окна выглядывала баба Зоя. За ее спиной маячили испуганные соседки. Увидев мужа, «вдова» быстро захлопнула окно и задернула занавеску.

— Зоя, Зоя! Это я! — воззвал Иван Трифонович. — Что ты, Зоя?

— Чур, чур меня! — кричала перепуганная женщина, крестясь. — Уходи, нечистый дух!

— Да какой же я нечистый, Зоя? Утром только умывался! Пусти меня!

— Прочь, прочь! Ой, батюшки, спасите!

Не зная, что и подумать, Иван Трифонович направился к сельсовету.

В правлении шло собрание. Говорили о будущем урожае, помощи торфяникам, недостроенном коровнике.

— Эх, жаль, Ивана Трифоновича нет, — грустно посетовал председатель, — какой плотник был!

Дверь в правление отворилась.

— Ну почему ж был? — спросил вошедший. — Я за месяц умения-то не растерял.

Крика не было. Односельчане в едином молчаливом порыве забились под лавки, а члены правления — под стол. Оказавшийся беззащитным, парторг перекрестился на портрет Ленина и грохнулся в обморок.

— Товарищи, что вы? — Дядя Ваня сделал было шаг вперед.

— Стой! — прорезался голос у председателя. — Стой где стоишь!

— Ну, стою...

Произнеся «Господи, помилуй мя грешного!» и осторожно приподняв краешек красного настольного полотна, Денис Васильевич уставился на «новопреставленного».

— Отвечай, кто ты?

— Иван я, Денис Семеныч. Иван Смирнов. Из больницы меня выписали. Вот справка. — Дядя Ваня показал документ с подписью и печатью, и для пущей убедительности осенив себя крестным знаменем, произнес: — Вот-те крест!.. Все рабочие вопро-

сы с повестки дня были сняты. Их всех заменил собой один: «Кого же похоронили в деревне?»

2

Егор Максимович добрался до Васютино ближе к вечеру.

Вся деревня в это время отмечала возвращение Ивана Трифоновича. В связи с малым метражом его избушки столы стояли прямо вдоль улицы. Доктора приветствовали добродушно-шутливо

— Спасибо, Егор Максимыч, за нашего Трифоновича. Почитай, с того свету вернули его нам...

— Это ж надо, до чего медицина дошла: путевки людям туда и обратно выписывают!

Главврач устало улыбнулся и подсел к Ивану Трифоновичу, восседавшему с Зоей Поликарповной и детьми во главе длинного стола.

— Ишь, стол-то отгрохали! Что твоя прямая кишка...

Васютинцы ответили дружным смехом:

— Ага, как у утки!

— Хорошо сказано!

— Медицина!

— Лучше скажите, доктор, кого нам поминать-то?

— Верно, верно! Нарисуйте нам картину в цвете!

— Тихо, тихо! — заступился за доктора председатель. — Дайте человеку с дороги отдышаться.

Доктор окинул взглядом присутствующих:

— А где Куняев, парторг?

— Домой увезли, — председатель тщательно пытался спрятать улыбку, — сердце прихватило. Вы бы посмотрели его потом, доктор.

— Ладно, — нахмурился Егор Максимович, — посмотрю.

— Прихватит тут, — весело пожалел парторга Веня, — мужик, почитай, за одну минуту

всю жизнь перебрал, прежде чем в обморок прилечь.

— Оклемается, — усмехнулся доктор. — Существует мнение, что иногда такие встряски организму даже полезны. Органы лучше работать начинают, ну вроде как омолаживаются, что ли.

— Ну, значит, мы все поздравеем, — засмеялся председатель. А бабоньки наши, что Трифоновича первыми встретили, помолодеют!

— А что, — весело откликнулись те, — мы хоть сейчас!

— Клав, Клав! Хочешь молодой опять стать?

— Да чего уж! Хорошо, что жива осталась...

Иван Трифонович тем временем подкладывал Егору Максимовичу на тарелку картошечки. Доктору дали выпить и закусить, а затем вновь приступили к нему с расспросами.

— Да что рассказывать? — вздохнул врач.

— Действительно, ошибка вышла. Я ж второй день как из отпуска. Вчера обошел всех пациентов, Иван попросился домой. Выписал я его сегодня утром. А в обед стал бумагами заниматься. Гляжу в отчет о смертности и глазам не верю: батюшки святы! Смирнов Иван Трифонович в ночь на субботу скончался! А я его живого-здорового воскресным утром домой отпустил! Поднял на ноги всех врачей. Выяснил, кто дежурил, как Зоя Поликарповна приезжала, словом, все подробности. И оказалось, что есть... то есть был у тебя, Иван, однофамилец с твоими инициалами. Только не Иван Трифонович, а Иннокентий Терентьевич. Тебя-то, Иван, я знаю, да и всех своих подопечных, что называется в лицо, а Лиде, которая дежурила в тот день, откуда знать-то? Смирнов и Смирнов. Да и мно-

гое навалилось в тот день: еще пять умерших, да свет плохой, сколько уж прошу, чтоб нам ремонт сделали, да проводку хоть где поменяли, да-а! — И доктор безнадежно махнул рукой.

— Нет, ну ведь я-то, старая, как же обознаться могла? — подала голос Зоя Поликарповна.

— Прямо наказание какое-то!

— Да что ты, мама, а мы с Галкой? — покаялся сын Степан. — Тоже хороши!

— А я? — встряла Нюша.

— Нет, ну я чувствовала что-то неладное сперва, — начала оправдываться Зоя Поликарповна, — а потом как пеленой какой глаза завесило... А ведь Марфуша сказала мне тогда...

— Верно, — поддакнула Марфа Карповна, лучшая подруга бабы Зои, — усомнилась я в покойнике-то. Как стали его одевать, я и говорю Зое, мол, на Ивана-то не похож. Да и запомнила еще: за пару дней до больницы ножом он палец большой на руке порезал. Так с забинтованным пальцем и отправился в больницу. А тут — не шрама, ничего... Говорю Зое, а она все плачет да плачет: на Иване всегда все быстро заживало, да и кто же, если не Иван-то?! Я и смутилась: и верно, кто ж еще?

— Да-а... — протянула баба Зоя, — видно, вот так все и подумали. — И, улыбнувшись, прижалась к плечу мужа: — А все хорошо, что хорошо кончается. Слава тебе, Господи, слава тебе!

— Это от того, наверное, так получилось, — выдвинул свою версию председатель, — что бумажке с печатью привыкли верить больше, чем живому человеку.

— А молве людской больше, чем собственным глазам, — добавил доктор. — Как шутят у нас молодые врачи: врач сказал в морг, значит, в морг!

Сельчане засмеялись.

— А все же, Егор, кто мой од-нофамилец такой будет? Может, его сейчас родня ищет и не знает ничего...

— Нет, Иван, — твердо ска-зал Егор Максимович, — по-чивший — сирота. Одинокий. Рабочий с торфоразработок. Фронтвик. На два года моложе тебя. Вот и все, что знаю.

— Тогда совсем неплохо, что мы его схоронили всем селом, — сказал Степан Смирнов и посмо-трел на отца, — пусть ему приют будет в нашей земле.

— Видно, хороший человек был, — задумчиво сказала Мар-фа Карповна, — знать, Господь распорядился так, похоронить его с почетом.

Егор Максимович ласково по-смотрел на пожилую женщину.

— Все может быть...

— Одно скажу, Иван Три-фонович, — уверенно, слов-но с трибуны, провозгласил председатель, — долго жить бу-дешь! Помянем однофамильца твоего, а тебе — многие лета!

Денис Семенович торжествен-но поднял рюмку, и солнышко сверкнуло на ее ободке, словно на дорогом хрустальном бокале.

* * *

Солнце клонилось к закату. Уди-вительный июньский день заканчи-вался. Столы убрали, васютинцы отправились по домам готовить-ся к новому трудовому дню. Егор Максимыч засобирался было до-мой, но Смирновы уговорили его остаться заночевать у них, а ут-ром председатель обещал под-кинуть доктора до места работы. Баба Зоя и Иван Трифонич пошли проводить Степана и Галину до околицы. Во дворе их домика на поленнице сидели, ожидая возвращения хозяев, Денис Се-менович и Егор Максимович. Две струйки табачного дыма столби-ками уходили ввысь.

— А хорошо все-таки летом, — блаженно зажмурился док-тор. — Тепло, светло. Хоть и не такие белые ночи, как на Севе-ре, а все ж приятно...

— Слушай, Егор, — вывел друга из мечтательного состоя-ния Денис Семенович. — Инно-кентий Терентьевич сочетание довольно редкое, а редкие сочетания я обычно запоминаю...

Доктор пристально посмотрел на председателя и кивнул:

— Он самый. Ему ты тогда справку на работу подписал.

— Да, жалко мужика, — вздох-нул Денис Семенович, — креп-ко, видать, его жизнь потрепала. Хотя я смутно его помню, почи-тай, лет десять уже прошло.

— Семь, — уточнил доктор. — На семь лет твоя подпись ему жизнь продлила.

— Да что там... А то кто б его такого куда взял?! Что с того, что освободили по инвалидности, как списали в «никуда». Тоже, видать, повезло с тамошним врачом: пожалел. Боялись ведь все. У самого поджилки тряс-лись: вдруг прознает кто? Анька моя одно время все спрашивала: чего ты, Денис, вздрагиваешь от каждого шороха по ночам? Отбрехивался, мол, работа нервная, устаю, то-сё.

— Нет, ты молодец, Се-менович, — поддержал друга доктор. — Это мне, бобылю, семь бед — один ответ, а у тебя семья... Смелость, ведь она не тогда, когда делаешь, не боясь, а тогда, когда боишься, но делаешь.

— Он с бригадой работал? — Денис Семеныч сделал вид, что не расслышал слов доктора.

— Сначала да, а потом стал одиночкой. На даль-них торфяниках работал. Торф в бригаду потом привозил. Боялся разговоров, расспро-сов. Землянку соорудил в лесу, там и жил. И всем в роде

выгодно. И ему, и бригаде. Кому в глухомани захочется копать?

— Так и не выходил на «боль-шую землю»?

— Выходил иногда. Продукты кое-какие купить. Я его как-то на базаре встретил, попросил зайти обследоваться у меня. Он отнекивался сначала, но я его уговорил. Посмотрел. Ничего плохого, кроме его жизни, не обнаружил. Но организм в це-лом был ослаблен, конечно. Ему бы теплую избушку, да поговорить в ней с кем, да питание домашнее, а так что ж... Предложил ко мне перебраться. Хотя б на зиму. Или при больни-це устроиться. Он обещал поду-мать, да так и не пришел. Я ре-шил, что он уехал от нас: давно его не видел. А он боялся, вдруг мне или еще кому через него плохо будет. Это он мне потом рассказывал, когда в больницу его торфяники привезли. Сдал он им однажды свой очередной план и сознание потерял. Они — ко мне его. А он слабенький совсем был. Зимой пневмонию на ногах перенес. Но я его вытянул. Поправляться он стал. Ругал я его, что он сразу ко мне не пришел. Он отмахивался, а на все мои разговоры, мол, время сейчас другое, только грустно улыбался. Ну, думаю, пусть там что будет, а я его при больнице оставлю после выписки. Фрон-товик, герой, Прагу освобо-ждал — и прячется по болотам, как партизан какой. И отпуск взял на десять дней всего. Лучше б не брал, наверное... Первым делом из отпу-ска — к нему в палату. А Лида, что дежурила, говорит, выписа-ли такого. Подумал: попросил, небось, выписать и ушел в лес. Решил после дежурства к тор-фяникам сходить. Найду, ду-маю, обрадую: в отпуске не зря был, новости хорошие для него

привез. А как карточку Ивана увидел, сразу все понял... Знаешь, Денис, я, может, чего и не понимаю в «высших сферах», но Марфа верно сказала: хороший он человек был, страдал много, потому и заслужил не безвестной могилы, а почет и вечную память... — Егор Максимович выпустил грустную струйку дыма и посмотрел на друга:

— Вот такие «обознатушки-перепятушки» получились...

Председатель скрутил вторую «козью ножку».

— А ведь парторг тогда в 53-м о чем-то таком догадался, Егор. Завел разговор насчет фальшивых справок, пособничестве... Я было «козьей ножкой» прикинулся, да, видать, у него ничего «верного» на нас с тобой не было; а тут — Иван: я, говорит, до верховной власти дойду и расскажу, кто за Родину кровь проливал, а кто в теплом углу отсиживался. Иван же не такой дипломат, как я. Ну, они прямо сцепились. Куняев весь белый, в машину, и — ходу. А куда — кто его знает? Я на Ивана трехэтажным: ты, говорю... правдоруб... иди котомку собирай, пока я свою трамбовать буду! Да обошлось. Через неделю в репродукторе — траурная музыка, а дальше уже и не до нас было... А вот, кстати, и наш герой дня с Зоей возвращается.

Смирновы подошли к поленице.

— Хорошо устроились! — оценил Иван Трифонович.

— Присаживайтесь, хозяева, — пригласил председатель.

Пожилая чета присоединилась к гостям. Зоя Поликарповна, словно не до конца уверовавшая в чудесное возвращение мужа, так и держала его за руку.

— Хорошо-то как! — выдохнула она. — Оставайтесь и вы у нас,

Денис Семеныч, все равно Анна Алексеевна у дочки в Москве гостит. Что вам одному дома делать?

— Не, — решительно мотнул головой председатель, — идти надо. Хозяйство оставлять надолго нельзя. Аня вернется, по полной программе с меня спросит.

— Так вы же председатель, начальник, значит, наш. Можете по своему усмотрению поступать.

— Это я вам начальник, а она — мне начальник. Шея! — Денис Семенович со значением поднял вверх указательный палец. — А то вы Аню мою не знаете?

Поленица вспыхнула улыбками. Генеральский характер председательской жены был известен далеко за пределами деревни.

— Слушай, Иван, я вот что вспомнил, — внезапно сменил тему разговора Денис Семенович. — Нам в правление на прошлой неделе горящую путевку скинули. Говорят, хороший пансионат. Может, поедешь?

— Да какой пансионат? — изумился Иван Трифонович. — Я в них сроду не бывал.

— Вот и побываешь. Заявлю тебя как передовика производства, срочно нуждающегося в отдыхе и поправке здоровья. Тем более после такой истории!

— Вот-вот, — поддакнул доктор, — нервный стресс. Давай, Иван, цепляйся за это дело, пока в районе не очухались.

— Тогда такую путевку всему нашему Васютину нужно дать! — расплылся в улыбке Иван Трифонович. — Нет, я серьезно, Денис Семенович, что, у нас больше некому поехать?

— Иван, не спорь, — авторитетным тоном приказал председатель. Кто знает, когда тебе еще такая возможность пред-

ставится? А вернешься — расскажешь, какая там, в пансионатах, жизнь.

— Ой, батюшки, в пансионат! — Баба Зоя не могла поверить ушам. — Прямо как барин какой, Вань!

— Вот пусть барином хоть раз в жизни и побудет: взбаламутил деревню, ему и ответ держать, — резюмировал Денис Семенович. — Трифонович, вперед!

3

Путь до пансионата «Лесной» оказался неблизким. Доехав до Москвы на электричке, Трифонович, как было указано в адресе путевки, с Курского вокзала перебрался на Савеловский. Затем также рельсовым путем проехал десяток остановок и еще целый час трясся в маленьком автобусе, собиравшем пассажиров до пансионата. Прибыв поздним вечером на место, он не стал рассматривать достопримечательности пансионатной территории, а сразу отправился в номер. Его соседи по комнате уже спали. Иван Трифонович поставил чемоданчик возле кровати, разделся и, ощутив щекой приятную прохладу подушки, мгновенно уснул. Следующим утром Трифонович принялся наверстывать упущенное. Имея легкий, уживчивый характер, он тут же подружился со своими соседями, Ильей Яковлевичем и Петром Григорьевичем. Все трое были ровесниками, что упрощало дело с общим темами разговоров и лечебными процедурами.

— Вы, Иван, — новичок в пансионном отдыхе, потому держитесь нас, профессионалов, — покровительственно советовал Илья Яковлевич. — Процедуры желательно провести до обеда, когда остальная масса народа

еще прогуливается после позднего завтрака. Зато потом вы — вольный казак. Все скамейки, лужайки, тенистые места — ваши и... ваших друзей!

— А если процедура назначена на более позднее время? — спросил законопослушный Трифонович.

— Ну... всегда можно договориться с сестрой, — хитро улыбнулся Петр Григорьевич, — тем более с такой отзывчивой, как наша Шуручка. Главное, не жалеть комплиментов и конфет!

План действительно был недурен. Вторая половина дня у приятелей всегда оказывалась свободной. Через неделю Иван Трифонович знал в «Лесном» каждый уголок. Приятным открытием для него явилась уютная хмелем беседка, где все трое любили посидеть в особенно жаркие часы за домино и разговорами. Илья Яковлевич любил рассказывать о случаях из жизни родного завода «Серп и Молот», где он являлся зампредзавкома, а Петр Григорьевич, будучи неработающим пенсионером, — о проказах любимых внучат-дошкольников Митьке и Витьке. Против обаяния баловников не могли устоять ни супруга Петра Григорьевича, ни сын, ни даже старавшаяся казаться строгой невестка — профкомовская активистка Первого часового завода, на котором сам Петр Григорьевич оттрубил мастером весь трудовой стаж. Трифонович также не уступал столичным в мастерстве устных рассказов, от души веселил новых знакомых шутками-прибаутками, однако удивительную историю, ставшую причиной его пребывания здесь, не считал нужным донести до слушателей. Пусть считается, что его премировали путевкой как участника войны и передовика колхозного производства. К при-

ятному удивлению нашего героя, уже два раза за неделю посиделки в беседке скрашивались поллитровкой с легкой закуской. На его вопрос «А как это вы ухитряетесь?» был получен вполне логичный ответ: «Из любого пансионата, как и из любого положения, можно всегда найти выход». Сначала в самоволке друг за другом побывали москвичи, затем очередь дошла и до Трифоновича. Перед выполнением «боевого задания» с ним был проведен инструктаж.

— Выйдя из «Лесного», пройдешь полкилометра вдоль трассы, затем метров триста леском через кладбище с конца в начало. У входа стоит ларек, в котором торгует красна девица Наденька. Скажешь, что ты наш друг из «Лесного». За час обернешься, никто и не хватится, — успокоил Илья Яковлевич.

— На всякий случай мы тебя прикроем, — пообещал Петр Григорьевич. — И не забудь купить Шуручке конфет.

В час икс следующего дня Трифонович оказался за воротами пансионата и зашагал вдоль трассы. Во внутреннем кармане его пиджака лежали документы, деньги и авоська. Теплый ветер свободы легко и приятно дул навстречу. Дядя Ваня поймал себя на мысли, что пансионат, как и больница, находится за забором. А душа просила простора. Любуясь местными красотами, старик удивлялся, как все подмосковные места похожи одно на другое. Взять хоть этот лесок. Будто по своему родному, васютинскому, топаешь. И недавняя просека, и полянка, где он обычно траву для Катьки скашивает, — все словно под копирку. Или ему просто так кажется, потому что он стосковался по дому?

Меж стволов сосенок мелькнули первые оградки и простые невысокие памятники. Последний этап пути до заветного ларька. Собственно, кладбище как кладбище. Ничего необычного. Кресты, пирамидки со звездами, даже написанные или выбитые на них фамилии, — все было узнаваемо. Какая-то просто вызывающая одинаковость. Разве только вот этот свежий холмик... Трифонович сбавил шаг, подошел ближе и остолбенел... На ленточке венка было выведено: «Смирнову И.Т. от односельчан. Вечная память». Трифонович снял кепку, медленно перекрестился, крепко зажмурил, а затем быстро открыл глаза. Видение не исчезло. А вот и его подвядший букетик полевых цветов, принесенный им однофамильцу прямо перед отъездом в пансионат. У Трифоновича не было сомнений в том, что этот лес он знает почти с рождения. Непонятно было только, что этот лес делает здесь, за две сотни верст от своего месторасположения? Почти бегом проделал он остаток пути и недалеко от кладбищенских ворот увидел торговую палатку.

— Дядь Вань, ты как здесь? Оглядываешься по сторонам, как если бы от лешего бежал.

Красна девица Наденька Машкова органично вписывалась в окошко своего сладкого коробейного хозяйства.

— Я тут лечусь недалеко, а ты-то как сюда попала?

— Здравсте, дядь Вань, приехали... Да я уже два года на этой точке, нешто забыл? Место удобное: и план выполняю, и до Электрогорска рукой подать. Раз, два — и дома! А ты лечишься-то где, в «Лесном», что ли?..

— Ага, в нем... Привет тебе от Ильи Яковлевича и Петра Григорьевича, соседей моих.

* * *

На следующий день Иван Трифоныч шел по трассе к родному дому. Главврач санатория не стал препятствовать досрочной выписке Смирнова И.Т. ввиду удовлетворительного самочувствия и личной просьбы ветерана. Боевым соседям, конечно, жаль было расставаться с обретенным другом, но Иван Трифоныч был непреклонен. Соскучился. Оставил адрес, пригласил в гости.

— Ехать, правда, далековато, — улыбнулся старик, — ну да придумаем что-нибудь. Земля-то она круглая, всегда где-нибудь дорогу напрямки найдешь!..

— Да, Трифоныч, с тобой не соскучишься, — резюмировал вечером того же дня под хохот односельчан Денис Семеныч. — Это ж надо столько времени и транспорту потратить, чтобы за три километра от родного дома ехать и назад

пешком вернуться. Нет, что ни говори, а бумажка — это сила! Что справка, что билет. Как в ней написано — туда и поедешь. Хоть на тот свет, хоть на этот. Главное, чтоб по путевке.

г. Москва

Из цикла «Непридуманные истории». Основано на реальных событиях. Имена действующих лиц изменены.

Виктор ШЕНДРИК

Продолжение. Начало в № 3, 4 за 2019 год

ПСИХОТЕРАПИЯ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

6

Когда я вернулся на лесопилку, шаман, увидев меня, ничего не сказал, но в глазах его появилось странное выражение, сначала я даже не понял, какое. Но потом, когда он, оглядев меня с ног до головы, сказал: «Ребята ужинают, присоединяйся», понял — он сдерживается, чтобы не засмеяться.

— Ты утром ушел, — добавил шаман, — и я не успел предупредить, что буду тобой зани-

маться. Со Светой я закончил до полудня. Как поешь, будь на веранде. Приглашу.

После ужина шаман позвал меня и пошел к аилу, стоящему особняком от других. Он щелкнул выключателем, который находился снаружи, возле двери, вошел в аил и сел на широкую лавку, стоящую возле длинного массивного стола. Махнул рукой, приглашая внутрь, и кивнул на табуретку напротив. Я при-

сел и стал разглядывать убранство аила. На каждой из шести бревенчатых стен висели черепа с рогами. Я совершенно не разбираюсь в рогато-копытной живности, но по своему виду рога принадлежали разным животным. Одни были витыми, словно спирали, другие почти прямыми, с острыми, как пики, кончиками, третьи напоминали литовку. На одной из стен находилось чучело совы, на

другой — орла. По периметру аила располагались широкие лежанки, прикрепленные к стенам. Возле одной из стен был кухонный стол с ярко блестящей современной мойкой и никелированным смесителем с фигурным гусаком. Рядом стояла печка-буржуйка, сваренная из трубы-шестисотки, с дымовой трубой, выходящей сквозь отверстие в крыше. На полу возле стола лежала медвежья шкура.

Шаман налил в широкую латунную чашку молоко из тетрапака с названием «Алтайская буренка», на котором была изображена бодрая антропоморфная корова с белыми человеческими зубами в широко улыбающейся пасти. Потом достал из сумки, лежащей на столе, сверток, распаковал его — внутри оказались сухие веточки можжевельника. Из той же сумки он извлек смягчающий крем для рук. Затем вытащил из кармана зажигалку и положил на стол.

— Ты когда-нибудь обращался к шаманам? — спросил он, намазывая руки кремом.

— Нет, не доводилось, — отозвался я. — Ни к шаманам, ни к экстрасенсам.

— Ты сказал, что часто гневаешься. Связано ли это с употреблением спиртного?

— Нет. Я, бывает, выпиваю, но делаю это очень редко.

— Редко?

— Раза два в год, не чаще: не нравится быть пьяным. Непродуктивное состояние. Сам процесс употребления нравится: застолье, разговоры, закуска. Начало действия алкоголя тоже. Но пьяным быть не люблю. Такое ощущение, будто обманули. Выпиваешь, калякаешь с друзьями о всякой всячине, хорошо! Но приходит пора возвращаться домой. Приходишь, а делать ничего не можешь. Ходишь по

квартире как дурак. В конце концов ложишься спать. И на утро — похмелье. Говорят, чтобы не болеть, нужно перед сном выпить три-четыре стакана воды для того, чтобы избежать дегидратации. По-моему, полная чушь эти рецепты. Не будешь пить — болеть не будешь.

— Наркотики употребляешь?

— Покуриваю изредка. С такой же частотой, что и выпиваю. Здоровья уже нет, да и перестал понимать, зачем это нужно.

— Покуриваешь? Что?

— Коноплю. Раньше сам выращивал. Заказывал через Интернет голландские семечки. Селекционные. Но уж больно дурь жизненную энергию сжирает. От нее еще хуже, чем от выпивки. От спиртного день болеешь, от конопли — неделю. На кой ляд она нужна? Не стоит овчинка выделки.

Шаман закончил мазать руки кремом и подошел ко мне. Я положил руки на колени и стал смотреть, что сейчас будет происходить. Шаман гортанным надтреснутым голосом стал речитативом произносить слова на неизвестном языке. При этом делал руками такие движения, будто гладил по голове крупную собаку. Он начал ходить вокруг меня и обеими руками собирал что-то невидимое, сжимая кисти в кулаки, затем с силой отбрасывал схваченное прочь, растопыривая пальцы. Потом стал отрыгивать воздух, который тренированно загонял внутрь желудка. Насколько я понял, таким образом шаман отгонял злых духов. Это длилось несколько минут. Затем он взял плетку и стал хлестать меня ею, сначала по спине, потом по рукам и в конце по ногам. Делал он это не больно, а как-то формально. Мол, ничего не поделаешь, такая, брат, процедура. Потом шаман брался одной

рукой за конец бечевки, другой за рукоять плетки и протаскивал бечевку под обеими мышками, вокруг шеи — по и против часовой стрелки, вокруг туловища, тоже в ту и другую стороны, и под коленями. Закончив, он положил плетку и взял со стола висящие на разных тесемках когти с медвежьей лапы, лапу орла и еще разные не опознанные мной части хищных животных. Притопывая ногами и потрясая надо мной связкой звериных конечностей, он ходил вокруг и приговаривал взхлеб какие-то незнакомые слова. Закончив трясти, шаман положил связку, а со стола взял чашку с молоком и пестик. Он поднял чашку у меня над головой и ударил по ней пестиком. Раздался чистый, словно колокольный звон, чарующий звук. Затем ударил еще раз, потом третий, четвертый... Когда звон затих, он стал пестиком водить по краям чашки, отчего она завибрировала, запела тихим, нежным, хрустальным голосом, и на глазах у меня навернулись слезы. Наконец он поставил чашку обратно. Взял веточку можжевельника и поджег ее. Можжевельник затрещал, разгораясь. Погас, и шаман снова зажег его. Затем горячей веточкой стал рисовать окружности: вокруг головы, туловища, плеч, кистей и ног. Потом положил догоревшую веточку в деревянную плоскую, которую сунул мне в руки, и сказал, чтобы я дышал дымом от тлеющей ветки, что я и сделал.

Шаман присел на лавку напротив меня и вытер полотенцем лицо. Покивал головой.

— Порча на тебе, Анатолий, — сказал он, — давнишняя, с детства. Она держит, не дает развиваться. Женщина порчу навела. Отверстие от порчи величиной с жерло вулкана.

Было непонятно, правду он говорит или шутит.

Я стал вспоминать, какая женщина могла навести порчу, но ничего не вспомнил.

— Я вижу твое энергетическое тело, — продолжал шаман. — Оно все в дырах. Поэтому у тебя в жизни все кувырком. Ведь не только в гневе дело, не так ли? Смотри: ты накапливаешь энергию, но накопить ее достаточно для того, чтобы заделать пробоины, не в состоянии. Потому что она уходит быстрее, чем прибывает. Вот и бегаешь, как собака за своим хвостом, а толку нет. Ничего, мы тебя подлатаем. Только не думай, — сказал он, немного помолчав, — что, когда я с тобой закончу, у тебя крылья вырастут. Ничего такого не будет. Просто чувствовать себя будешь лучше, спокойнее станешь. Гнев сразу не уйдет. На это не рассчитывай. Но контролировать эмоции станет легче. По пустякам перестанешь заводиться. — Он снова немного помолчал. — Я ведь не волшебник, — сказал он и как-то ненатурально закашлялся. — Вижу ауру, свечение человека. Вижу, светлый человек или темный. Вижу, какой болезнью болеет. Знаю, как помочь. Иногда будущее вижу. Но изменить что-либо в судьбе не могу. И не все говорю, что вижу. Этика! Слыхал такое слово? Кодекс чести шамана. Нельзя человеку говорить, что его ждет. Иначе потом спросится.

Внезапно я вспомнил, кто мог навести на меня порчу.

В детском саду у нашей группы была воспитательница по фамилии Шарбан, кудрявая блондинка с короткой стрижкой, еврейка бальзаковского возраста. Глаза у нее были черные, наглые, липкие. Однажды во время дневного сна я описался. Она выстроила

всех в шеренгу, а меня водила вдоль строя и говорила: «Посмотрите, дети! Толя описался!» Потом отпустила ребят и стала говорить, с ненавистью глядя мне в глаза: «Ты тупица, дурак! Ничего путного из тебя не выйдет! Будешь двоечником! А когда вырастешь, съешься!»

Об этом случае мать рассказала мне совсем недавно, около полугода назад. Мы смотрели передачу про детские дома, и она, увидев, в каких ужасных условиях содержатся дети, рассказала о выходе воспитательницы, добавив, что Шарбан после того случая уволили.

Я рассказал о случае в детском саду. Шаман кивнул головой и сказал, что, возможно, порча действительно наведена воспитательницей.

7

После того как шаман закончил сеанс, я почувствовал, что нечто темное, закрывающее сознание пеленой, отступило прочь, и увидел себя со стороны: маленький, слабый, издерганный человечек с расшатанной психикой, разувившийся вконец, не ждущий ничего хорошего от жизни и ни на что не надеющийся, у которого еле-еле хватило смелости приехать к шаману и у которого — о чудо! — вдруг в глазах блеснула надежда. Осознание того, что я не безнадежен, было настолько невыносимо, что я еле сдержал слезы и отвернулся от шамана, чтобы тот не заметил мою реакцию.

— Поплачь, Анатолий, поплачь, — по-отечески молвил шаман, — ничего зазорного в этом нет. Наоборот, хорошо, если поплачешь. Не стесняйся!

И я разрыдался, спрятав лицо в ладони. Слезы текли

сквозь пальцы, капали, словно редкие дождевики, на деревянный пол, но мне было все равно: я отпустил себя прочь, будто птицу из клетки, и внезапно обретенная свобода уняла боль, напоила жаждущее покоя сердце.

Вскоре слезы утихли. У меня на душе стало так хорошо, будто только что я совершил самый важный поступок в жизни.

— Знаешь, что ты сейчас сделал? — спросил шаман и сам ответил: — Ты только что серьезно ранил красного дракона.

Эти слова были сказаны совершенно обычным тоном, да и лицо шамана оставалось невозмутимым, но по неизвестной причине я знал, что он чем-то доволен.

— Красного дракона? — недоумевая, переспросил я.

— Гнев. Красный дракон — это гнев. Ты его вчера сам видел.

Я припомнил вчерашний вечер. Да, был дракон.

— Я просто пошутил!

— Неважно, шутишь ты или нет. В этом месте работают другие законы. Здесь нет мотивов, только сокровенные желания. Здесь вообще все по-другому. Впрочем, скоро ты поймешь это. Сущности тебя испытывают уже много лет. Возможно, здесь будет последнее испытание.

Черные глаза шамана пристально и невозмутимо смотрели на меня, будто чего-то ожидали. Потом он встал, достал из кармана пачку сигарет и вышел из аила. Я вышел вслед за ним.

— Сейчас ребята затопят баню, — сказал шаман глухим голосом, выпуская дым. — Сходите со Светой, помойтесь.

Я кивнул и пошел к себе в пристройку.

* * *

Последнее отложенное наказание вступило в силу пару месяцев назад и начало свою

страшную жатву, став по своим проявлениям самым жестоким и самым беспощадным. Два предыдущих были семечками, неумелыми играми подмастерья, балующегося в отсутствие наставника метанием ножей в равнодушный манекен. Теперь за дело взялся матерый профессионал, настоящий ас экзекуции, и если бы не жизненные якоря: дети, желание прожить жизнь до конца, любовь, — я давно бы покончил с собой, ибо не находил ни минуты покоя в бессмысленно проходящей мимо веренице серо-черных дней. Впрочем, я оговорился: мысли-то как раз были, их было полно, но какие мысли! Чем-то это состояние напоминало лютое перманентное похмелье, только без острых соматических проявлений. Мама, роди меня назад, в животик! Мне так плохо... Ей-богу, я с огромным удовольствием впал бы в летаргический сон, чтобы проснуться лет этак через пятьдесят. За это время события, побудившие отсроченное наказание к действию, напрочь сотрутся из памяти, и я заживу как прежде, будто ничего особенного и не происходило в жизни. По сути, ничего особенного ведь и не произошло: подумаешь, расстался с женщиной. Мало ли таких историй на земле? Но своя-то рана больнее! Другие так не страдают. Это заблуждение, причем весьма живучее. А что случилось? Да ничего! Совершенно заурядное событие. Такое часто бывает в отношениях с противоположным полом (кстати, почему противоположным, а не накрест лежащим, к примеру, как углы в геометрии? В чем заключается противоположность? Да и кто кого зафиксировал в таком положении?): случайно встретились, тепло улыбнулись, понравившись друг

другу, занялись любовью, стали встречаться, незаметно сошлись, стали просыпаться в одной постели, есть за одним столом, а потом вдруг стало понятно, что человек рядом — совсем не твой человек, и не потому, что у него пахнет изо рта или он курит, нет, а потому, что его жизнь — только его, и туда вход заказан, или потому, что твои принципы принимаются в штыки, без объяснений, без аргументации, и над ними откровенно насмеются, или потому, что партнер абсолютно не развивается, ничего не хочет от жизни, кроме нарядов и развлечений да непрекращающегося просмотра кинофильмов, а ты источник финансирования, не более, или потому, что с тобой просто удобно, и когда видишь разверзшуюся пропасть, просто остаешься на одной стороне, а человек, который был когда-то дорог, — на другой. Пути разошлись, ничего не поделаешь. Но когда приходишь к пониманию этой простой истины, уже поздно, ловушка захлопнулась — появилась привязанность. Приходится идти с собой на компромисс: да бог с ним, что склочный характер, но готовит классно! Бог с ним, что дрянь, зато в постели хороша! Страх одиночества заставляет принимать решения, за которые позже придется заплатить сторицей. Так нельзя! Рвать нужно сразу, как только раздались первые тревожные звонки. Будет больно, но рана быстро заживет. Составить разговор, обсудить разногласия. Если человек любит, он сделает все возможное, чтобы сохранить любовь. А если не любит... Зачем такой человек?

Будучи третьим калачом, я совсем не хотел повторения отложенного наказания. Даже в мыслях не было, что пережитый некогда ужас повторится. Воз-

можно, какому-нибудь меланхолику, начитавшемуся Достоевского, нравится копаться в своих обидах и мучениях и, глотая слезы, рефлексировать, но я терпеть не могу заниматься подобными вещами. Поэтому когда мы познакомились, сказал себе: «Толя! Ты видишь, что это за человек. Не влюбляйся! Спи с ней, и только».

С таким же успехом я мог дать обещание впредь никогда не есть мяса.

Впрочем, какое-то время удавалось контролировать себя и пресекать попытки увидеть в ней нечто большее, чем просто женщину для секса. К сожалению, ее демоверсия была безукоризненна. Меня переиграли. Ходы были шаблонные, но я попался, как малолеток. Проигравший платит за все. *Dura lex sed lex!* Закон суров, но это закон!

И я заплатил. По полной программе — выключился из жизни на несколько месяцев. Меня как личность просто не существовало в этом измерении. А то, что от меня осталось на земле (это было чем-то вроде стереометрической проекции), было жалким сгустком боли, безмозглой амебой, недочеловеком, сумрачным излучателем тоски, бледной тенью несуществующего прошлого.

Отложенное наказание настолько запутывает совершенно ясные вещи, что становится непонятно, как человек вообще живет на свете. Он должен есть — ему не хочется, он должен спать — он не может, он выкуривает чудовищное количество сигарет, от которых даже заядлый курильщик быстро теряет остатки легких и переодевается в деревянный бушлат. Он принимает антидепрессанты горстями — они не действуют. Он бродит в тоске по пустынным местам, взгляд отсутствующий,

ненормальный, с лихорадочным блеском. Договариваться о чем-либо с ним бесполезно. Все кончено: он выпал из жизни.

Еще одна характерная особенность отложенного наказания — это редкие дни, в которые кажется, что все закончилось: пружина распрямилась полностью, все оплачено, никто никому ничего не должен и жизнь наконец вернулась в накатанную колею. На самом деле, дни спокойствия даются для того, чтобы еще сильнее ударить, и после краткой передышки снова погружаешься в темное море ужаса, из которого уж не чаешь выбраться. Тем не менее передышка дает понять, что рано или поздно кошмар закончится, надо просто немного потерпеть. Конечно, насчет «немного» я погорячился: много воды утечет, прежде чем отложенное наказание исчерпает себя и счет действительно будет закрыт. Но ведь он будет закрыт!

8

Накануне вечером шаман сказал, что завтра последний сеанс. Последний — в смысле завершающий, потому что больше не требуется, так шаманы поведали духи. Я спросил:

— Какие духи, Григорий Никандрович?

На что он ответил:

— Знаешь, Анатолий, года четыре назад ко мне музыкант один приезжал из Омска. Хотел учеником стать. Каким-то образом разузнал обо мне и приехал. До приезда прочел книги Кастанеды, был такой писатель-эзотерик. Прочел те книги, и так на него подействовало, что продал все: звукозаписывающую студию, квартиру, машину и автостопом добрался сюда. Говорит: хочу стать твоим учеником. Отвечаю: иди в тайгу и по-

слушай, о чем поведает первое попавшееся дерево — сосна, кедр, лиственница, неважно, какое. А потом вернешься и расскажешь. Ушел. Приходит через час. И начинает заливать. Фантазия у парня богатая, плетет такую ахиною, что я аж заслушался. Я-то знаю, о чем деревья говорят, и главное, как. Говорю: тебе рановато в шаманы. Он обиделся. Сказал, что я ненастоящий шаман, и уехал куда-то на Байкал — там якобы настоящие шаманы живут.

Когда я на него в первый раз взглянул, духи сказали: парень с червоточинкой, сделай так, чтобы он ушел прочь и не возвращался. Сказали не словами: огонь в очаге погас, когда тот вошел в аил. Так и о тебе сказали. Не словами. Через чашку. Звонко петь стала. А знать, какие духи, тебе ни к чему. Любопытство в таком деле недостаток. Потом можешь пожалеть. Так что давай без имен.

Пообедав, я решил перед сеансом побродить по альпийским лугам. На все близлежащие вершины я уже успел взобраться, сходил на когда-то существовавший неподалеку от лесопилки мраморный карьер, в охотку побывал в соляных пещерах. Напоследок мне просто хотелось насладиться погожим осенним днем: полежать, раскинув руки, в траве, понаблюдать, как парят в небе птицы, послушать шум горного ручья. Несколько дней, проведенные вдали от людей (обитатели лесопилки были не в счет), и полноценный, по десять-одиннадцать часов сон, привели нервную систему в порядок. У меня сложилось впечатление, будто в горном воздухе в виде аэрозоля содержится неизвестное седативное средство, напрочь изгнавшее тревогу из души, поскольку полностью исчезла озабоченность завтраш-

ним днем, и исцелившее сердечные раны. Те ужасные мысли, которые еще пару недель назад доводили психику до белого каления и которые невозможно было остановить, своим появлением уже не пугали, а лишь раздражали, как раздражает прилипшая к языку популярная мелодия. Мысли утратили силу, поистрепавшись от каждодневного употребления. Смысл их затерся, полинял и в конце концов скончался, утонув в глубинах подсознания. Мозг твердо отказался генерировать депрессию, как его ни умоляли остатки воинства тяжелых дум.

Я поднялся по пологому склону горы к березовому колку и присел отдохнуть в тенек, привалившись спиной к стоящей в стороне от берез лиственнице. Снял бейсболку, положил ее на колени, вытер рукавом пот со лба. Затяжной подъем порядком утомил меня. Неподалеку, по левую руку, лежал ствол поваленного то ли грозой, то ли ураганом дерева. Стужа, солнце, дождь и ветер содрали с дерева кору, обломали сучья, прижали к земле ветви, и теперь было непонятно, что это за дерево. Местами оно было бурое, местами рыжее, а кое-где цвета выбеленной солнцем кости. Я разглядывал его, прикидывая в уме, долго ли оно здесь лежит, почему поблизости не видно пенька и почему деревянные не утащили его и не распилили на чурки. Затем мысли перешли к местным жителям, все дни регулярно нарушавшим горную тишину бульдозерами-реликтами, тащившими за собой вязанки срубленных где-то в горах деревьев, потом к коровам, которые паслись на альпийских лугах, а на закате исчезали неведомо куда, хотя я старался следить за их перемещением, не терять из виду...

Внезапно левой половиной тела я почувствовал опасность: она будто одеревенела, стала бесчувственной от нахлынувшего страха. Словно на меня взглянула идущая по мою душу смерть и половина тела утратила восприимчивость, онемела, охладившись до сверхнизких температур. Смерть была пока не в зоне поражения, но ее присутствие породило глубокий, первобытный ужас, парализовавший конечности, вот-вот готовый остановить дыхание и прервать биение сердца. Я пытался посмотреть в ее сторону, но не мог. Голова не поворачивалась, глаза застыли, словно их облили жидким азотом, и они в одно мгновение превратились в два камня, примерзших изнутри к черепу. Смерть приближалась, и я каким-то нечеловеческим усилием воли все-таки взглянул на нее, чтобы мужественно выпить до конца ее взгляд и вернуть вечности позаимствованное когда-то осознание.

С левой стороны — там, где покоилось поваленное дерево, — лежал тигр. Голова его была как полковой котел, а в пасть можно было запросто засунуть арбуз. Язык тигра, подрагивая в такт дыханию, мокрым красным галстуком свисал промеж острых, как штыки, клыков, а желто-зеленые глаза неотрывно смотрели на меня. Взгляд у тигра был безразличный, вялый, даже какой-то усталый, как у не полностью оправившегося после долгой болезни человека. Но я знал, что, шевельвись я, как от его деланного равнодушия не останется и следа, и он, подскочив, как на пружинах, одним прыжком настигнет и враз свернет мне шею. Я смотрел на его усы, шевелившиеся, словно водоросли на морском дне, слышал низкое грудное рычание, видел,

как какой-то жучок ползет по его загривку. Тигр неотрывно, изучающе смотрел на меня, словно не мог припомнить, что за живность находится перед ним. Иногда он отводил глаза, демонстрируя полное равнодушие, но, даже повернув голову, он продолжал наблюдать за мной уголками глаз. Казалось, тигр наслаждается тем, что я в полной его власти и только ему решать, сколько мне осталось жить. Этому полосатому убийце торопиться было некуда: дичь была перед ним. Видимо, он дразнил себе аппетит тем ужасом, который владел мной. Мой страх был для него как аперитив перед обедом. Тигр скрестил передние лапы, как ленивый курительщик, который, дымя сигаретой, упирается локтями в перила моста и плюет в реку, протекающую внизу. Время от времени он крутил головой и щелкал зубами, пытаясь поймать надоедливую муху, летавшую перед мордой.

Постепенно ужас стал отпускать меня. Ни с того ни с сего в голову пришла пословица: чему быть, того не миновать. Мне ни разу не доводилось так близко видеть тигра, разве что в зоопарке, но там была натянута крепкая металлическая сетка, и с полосатым хищником мы были в неравном положении. Здесь же я мог рассмотреть как следует машину для убийства. Совсем не хотелось это делать, но как-то же надо было занять последние минуты жизни. Потом в голову пришло, что тратить подобным образом время глупо, лучше вспомнить самые приятные моменты, произошедшие когда-то. Я отвлекся от тигра и стал вспоминать, как в школе выступал на концерте художественной самодеятельности — изображал инопланетянина, экспромтом выдумывая инопланетный

язык, и как бешено аплодировали зрители. Вспомнил, как в первый раз сел на велосипед и как грохнулся с него на потеху ребятам во дворе. Как забил первую шайбу. Как поймал первую рыбу. Как первый раз поцеловал девушку. Мысли унеслись в прошлое, и оно поглотило реальность, как река поглощает дождь.

Очнувшись, я взглянул на тигра, но его нигде не было видно, только легкий ветерок шевелил ветви лежащего невдалеке поваленного дерева.

9

Мы стояли на площадке перед входом в аил. Шаман курил, я смотрел на далекие вершины. Был поздний вечер, еще не взошедшая полнолуная луна где-то за горами доедала сумерки.

Закончив курить, шаман забросил окурочек в коноплю, которая, словно живая изгородь, окружала аил. Включил свет и вошел внутрь. Махнул рукой: заходи.

Я сел на табуретку и стал смотреть, как шаман раскладывает необходимые для сеанса предметы, наливает в чашку молоко.

— Григорий Никандрович, днем со мной случилось странное событие, — сказал я и в раздумье остановился, не зная, продолжать или нет.

Шаман кивнул головой: расскажи.

И я поведал ему о происшествии с тигром.

Шаман невозмутимо выслушал, потом отложил в сторону крем, которым намазывал руки, и спросил:

— С тобой подобное когда-либо случалось?

— Это вы о чем? О встрече с тигром? Нет, ни разу. Где их взять, тигров-то?

— Не о тигре речь. Ты когда-нибудь чувствовал настоящий ужас? Такой, что ни рукой, ни ногой пошевелить не мог? Что волосы вставали дыбом? Что холодный пот прошибал?

— Однажды мы ездили в археологическую экспедицию, — ответил я, — и жили в таежном зимовище. Когда первый раз спал в нем, то чуть не умер от испуга. Начальник отряда, мужик бывалый, сказал, что это барабашка приходил, испытывал на крепость. Я тогда до самой последней клеточки понял, что такое настоящий страх. В тот раз ужас так прижал, что чуть не умер. Ей-богу, думал, что пришел мой конец. Больше ничего подобного не случалось.

Шаман положил руки на колени, наклонился ко мне и спросил:

— После пережитого страха тогда, в тайге, ты почувствовал в себе какие-нибудь изменения?

— Например?

— У тебя мог возникнуть дар мирить ссорящихся людей или ты мог научиться предсказывать будущее.

— Нет, ничего такого не заметил.

— Ты должен был измениться! Вспоминай!

— Единственное, что отметил: после того случая стали безразличны некоторые вещи, до того казавшиеся важными. Потерял к ним интерес. И наоборот: то, что никогда не волновало, стало увлекать.

Губы шамана тронула улыбка. Еле уловимая, еще менее заметная, чем у Джоконды. Не улыбка, тень ее.

— Понятно. Знаешь почему? — И сам же ответил: — В тебе проделали отверстие. Кто — говорить не буду. Но не такое, как от порчи. Отверстие от порчи соединяется с областью, в которой

обитают темные сущности. Прорезанное в тайге другого плана. Оно сквозное, сверху вниз, от макушки до пяток. В тебе возникло нечто вроде моста, соединяющего разные энергетические берега, вроде как плюс и минус. После того как отверстие возникло, по тебе стала проходить энергия и снизу вверх, и сверху вниз. Такая конфигурация твоего энергетического тела необъяснимым образом сегодня породила тигра, который и занял тебя: твое тело, твой разум. Впрочем, правильнее будет сказать: притянула, а не породила. До этого ты был человек-драконом. С момента происхождения в зимовище. Функция дракона — соединять. Ты соединял берега, о которых я только что сказал. Когда по тебе текла энергия, а сечения не хватало, чтобы пропустить ее, то часть энергии оставалась в тебе и выходила прочь в виде гнева.

Я не мог принять рассказы шамана за чистую монету, но почему-то вдруг закружилась голова, будто заглянул в пропасть, разверзшуюся предо мной.

— Я тигр?..

Шаман, прищурив глаза, сказал:

— Да, ты тигр. Вернее, человек-с-тигром. Уж не считаешь ли, что он померещился? Возник ниоткуда и исчез никуда? Нет, так не бывает. Когда ты стал вспоминать прошлое, то тем самым, можно сказать, покинул свой пост, и тигр, увидев, что ворота не охраняются, скользнул в тебя. Больше никогда так не поступай. Тебе еще повезло, что проник бы кто-нибудь другой! Впрочем, в произошедшем есть положительный момент: гнев скоро покинет тебя. Потому что энергетическая конфигурация тигра другая. Оно и по-

нятно — тигр не дракон. Две сущности зараз в человеке не живут. Дракон вынужден будет уйти. Таковы правила.

Впрочем, ты совершишь ошибку, если подумаешь, будто речь идет о животных, в случае дракона мифических, — добавил он и продолжил: — Их можно увидеть в таком обличье, но что они представляют на самом деле, не знает никто. Это просто сущности, связанные с людьми. Они были, есть и будут. В ком-то могут жить, в ком-то нет. Тебе одновременно повезло и не повезло. Не повезло, потому что сущности переделывают человека под себя. Повезло, потому что наделяют его некой силой, которую нельзя описать, можно только почувствовать. И сильно ошибаешься, считая, что однажды испытал ужас. Я уверен, что и в детстве с тобой приключилась какая-то страшная история и с тех пор в тебе и живут эти твари.

Шаман потер в раздумье подбородок.

— Сейчас расскажу о том, как я вижу твою жизнь, — продолжил он. — Тебе необходимо знать некоторые факты. Это не будет рассказ в прямом смысле слова, перечислю только энергетические события. В пять лет на тебя навели порчу. В отрочестве сквозь отверстие, проделанное в тебе, проникла сущность. Это случилось, когда ты получил физическую травму. В молодости, видимо, в экспедиции, другая сущность захватила власть и полностью изменила конфигурацию твоего энергетического тела. Судя по цвету, это был твой старый приятель, дракон. Если станешь припоминать, то обнаружишь, что приступы гнева появились именно в то время. Сегодня дракон замешкался, и тигр захватил рычаги управления. Так что гнев

уйдет. Его сменит терпение. Но за терпение придется платить: тигр — хищник. Лучше всего будет, если ты как можно быстрее избавишься от него, поскольку тигр может втянуть в неприятности. Избавившись, ты наконец вернешь себя. Обретишь истинную природу.

В аиле повисла тишина.

— Как же избавиться от тигра? — спросил я, не очень-то веря, что сказанное относится ко мне.

— Эти полосатые хищники терпеть не могут детей, — ответил шаман.

После этих туманных слов он приступил к делу и за все время больше не сказал ни слова.

Сеанс закончился. Мы вышли из аила и потопали на веранду. Там сидели все обитатели лесопилки. Увидев меня, они странно поежились, будто увидали страшилище, и сдвинули стулья ближе друг к другу. Шаман заговорщицки кивнул Татьяне, и та обмякла, расслабилась, а вслед за ней — как по команде — успокоились остальные.

Я решил, что с внешностью что-то не так, и посмотрелся в зеркало, висящее здесь же, на веранде, над рукомойником. Обычное лицо, чистое, ничем не испачканное, рога не растут, огня из ноздрей не видно.

Татьяна, увидев, что я смотрюсь в зеркало, сказала вдруг: — Что ты на лицо смотришь? С ним все в порядке. Ты внутрь загляни.

А когда я спросил, что она имеет в виду, Татьяна молча ушла в аил.

Я поднялся наверх, взял деньги и рассчитался с шаманом, поскольку решил уехать сразу, как закончится лечение.

Я сказал шаману, что уеду завтра утром, в пять часов. Узнал, не нужно ли кому-нибудь в Чемал. На прощание он

пожал руку, что удивило меня до последней степени, и сказал:

— Люди месяца два будут тебя бояться, ты не обращай внимания. Как только тигр покинет тебя, станешь свободным. Станешь собой. Как ни патетично звучит, станешь собой истинным.

Когда я уж было хотел спросить, что значат эти слова, он, словно привидение, растворился в ночи, и я, несмотря на весь свой недалекий ум, понял, что ответа не получу.

* * *

В августе 199... года друзья предложили съездить в археологическую экспедицию в качестве разнорабочего. Я переговорил с деканом факультета о том, что собираюсь отправиться в экспедицию, поэтому выйду на учебу чуть позже, и, получив благословение, сказал товарищам, что готов ехать. В пятницу утром мы собрались возле института археологии, погрузили вещи в ГАЗ-66, и экспедиция началась.

Проехав Матвеевку, начальник отряда достал из рюкзака литровую бутылку водки и, потрясая ею, весело сказал:

— Мужики! Давайте выпьем за успех нашей экспедиции!

Когда мы проезжали баракхолку, все были уже в изрядном подпитии.

В таком ключе прошла дорога к месту назначения, которая длилась ровно неделю. Не пили мы разве что во сне.

На восьмой день пути наш отряд оставил позади все населенные пункты, даже те, которые не были обозначены на карте, и въехали в тайгу.

Мы ехали по дороге, тянущейся вдоль Ангары, в полукилометре от нее. Места были дикие, сплошной бурелом, и если бы ехали на другой машине, а не на ГАЗ-66, то не смогли пре-

одолеть и ста метров. Топкая жирная грязь, лужи, больше похожие на моря, непонятно кем выкопанные посреди бездорожья рвы, буераки, на которые и ГАЗ-66 заезжал с трудом, усложняли и без того непростой путь к стойбищу. По пути попадались только остатки сталинских лагерей с уцелевшими кое-где вышками — реликты ГУЛАГа, да птицы, с удивлением и недоверием вззирающие на смельчаков, решивших безнаказанно пересечь матушку-тайгу.

Наконец начальник отряда несколько раз стукнул кулаком по кабине, и наш ГАЗ-66 остановился. По левую руку от машины, в десятке метров, не дальше, густой стеной высилась хмурая, закутанная в паутину негостеприимная тайга. По правую руку был заросший кустарником спуск к курье с протоптанной когда-то, а теперь практически заросшей тропинкой. Рядом с тропинкой было старое зимовище, наполовину вкопанное в склон холма и сколоченное из лиственничных досок.

Было позднее утро. Солнце давно взошло, но из-за мгlistой дымки его не было видно. Туман стлался по курье, вползая, как гусеница, на берег и размывая торчащие, словно худые дистрофические руки, ветви кустов. Начальник отряда предложил опохмелиться и после ободряющих ста пятидесяти граммов заняться разгрузкой экспедиционного имущества, установкой палаток и прочими хозяйственными делами. Разумеется, мы не рассчитали силы и снова набрались. После спиртного стало клонить в сон, но спать было негде: мы частично успели разгрузить машину, и дорожные лежаки были разрушены. Я где-то нашел спальник и из последних трезвых сил спустился в зимовище. Бросил спальник на нары,

находящиеся рядом с почерневшей от многолетней сажи печкой-буржуйкой, и завалился спать.

Через два часа сквозь сон я услышал, как наверху, на стоянке, что-то происходит, причем что-то недоброе. Доносились крики незнакомых мужских голосов, матерная ругань, потом шум драки, смачные, хлесткие удары по лицу, затем что-то тяжелое упало на землю, потому что нары трянуло. Будто во время пьянки люди что-то не поделили между собой и не нашли лучшего способа устранить разногласия, как пустить в ход кулаки. Мне стало не по себе: придется вступаться за своих, а я терпеть не могу драться.

Шум наверху затих. Я решил, что побоище закончилось, и теперь победители снимают с теп победенных сапоги, серебряные нательные кресты, собольи шапки — погибшим эти вещи больше не понадобятся. Затем они закрывают глаза сложившим голову товарищам, чтобы вороны не выклевали очи, и стаскивают тела, неважно, товарищ или враг, чтобы сжечь, отправив души погибших напрямик в Валгаллу. Закончив, они снимают шапки с русых голов и прощаются с мертвыми воинами. Взгляд их суров и светел. Ты погиб, товарищ, и наконец обрел вечный покой. Дождись, я обязательно приду к тебе — такие мысли бродят в их буйных головах.

Затем я услышал передававшиеся по земле шаги спускающихся по склону людей. Шаги были неторопливые, грузные, уверенные. Воображение тут же нарисовало облик этих людей: одетые в косоворотки,

подпоясанные ремнем, пиджаки, черные кепки с высокой тульей и крошечным козырьком, обутые в хромовые сапоги бордатовые мужчины лет сорока-пятидесяти, совсем как кулаки из советского фильма. В руках двустволки-горизонталки. За голенищами торчат ножи. Взгляд недобр, неприветлив. Для них убить человека — раз плюнуть. Шаги стихают перед зимовищем. Скрипят петли открывающейся двери. Один из мужчин не торопясь подходит ко мне (я лежу спиной к выходу), упирает стволы в левую лопатку и лениво спрашивает компаньонов: — Ну что, кончать его будем?

Голос у него хриплый, грубый, прокуренный.

Я лежал ни жив ни мертв. Да, именно ни жив ни мертв. Это самое точное описание состояния, точнее некуда. Нельзя было с уверенностью сказать, что я жив, и в то же время нельзя было утверждать, что уже умер. Смерть могла прийти в любую секунду. За спиной бабахнет выстрел, картечь изрешетит сердце. Затем мгновенная боль, тонущая в небытии. Последнее падение в темноту, как в кошмаре, из которого уже не проснуться.

Меня обуял ужас. Все волосы на теле встали дыбом, словно иголки у ежа, и мгновенно прошиб пот. Я каким-то десятым чувством ощущал тот волосок, на котором висела моя жизнь. Он был такой тонкий, такой ненадежный, готовый вот-вот лопнуть. Душа сжалась до нулевого объема и спряталась где-то глубоко внутри, не надеясь выбраться из переделки и желая спастись лишь под влиянием инстинкта самосохранения. Мне

было непонятно, почему я существую, ибо для существования уже не было никаких оснований — небеса открыли сияющий золотым светом портал и были готовы принять мою душу. Мгновение до наступления смерти растянулось до бесконечности. И это мгновение я прожил более насыщенно, более осознанно, чем всю свою жизнь.

Мгновение все не кончалось, а у меня уже не осталось сил выносить ожидание смерти, и я решил наконец покончить с этим. Пусть уж лучше смерть, чем невыносимое ожидание ее!

Собравшись с остатками сил, голова моя дрогнула и чуть повернулась в сторону выхода. Потом еще чуть-чуть. Еще. И еще.

Дверь зимовища была закрыта. Внутри никого не было.

Как же так? Я чувствовал, как двустволка уперлась мне в спину. Я слышал, как мужской голос сказал: ну что, кончать его будем? Я слышал тяжелые шаги. Я слышал шум драки. Неужели это было лишь видение?

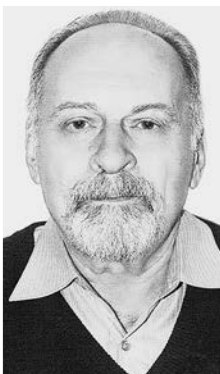
Кое-как очувшись, я встал с нар и заковылял наверх. Начальник отряда, когда я рассказал ему о происшествии, важно, со значением, покивал головой (он был нетрезв) и сказал:

— Это барабашка. Всегда испытывает, когда новые люди приезжают в тайгу. Больше не придет. Ты за всех нас рассчитался. Сполна.

После этого случая во мне навсегда что-то изменилось. Когда я пытался понять, что именно, ничего не получалось, словно вторгался на чужую территорию и все вокруг сопротивлялось экспансии.

Продолжение следует.

г. Новосибирск

Валерий ИЛЬЧЕВ

Продолжение. Начало в № 1, 2, 3 за 2019 год

БЕЗ ПРАВА НА ЛЮБОВЬ

Рисунки Настасьи Поповой

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

Сомов проснулся рано и, едва дождавшись десяти часов утра, позвонил в «Рассвет». Пухов уже был на месте и пригласил срочно приехать. Пухов после попойки с бывшими коллегами чувствовал себя неважно и встретил гостя из Москвы хмуро:

— Привет, Сомов. Есть две новости: одна плохая, а другая еще хуже. С какой начать?

— Излагай в хронологическом порядке в той очередности, что тебе поступили.

— Тогда начну со слухов. По городу молва идет, что вчера в ресторане «Рулетка» какой-то приезжий мужик известных в городе уголовников побоями наградил.

— Сильно?

— Да как считать. Авторитет с погонялом Обух вынужден с опухшей рожей щеголять. Его дружок Ремень в нокдауне побывал, получив удар по печени, а третий участник драки месяц сломанную руку на перевязи носить будет.

— Полиция виновного ищет?

— Нет, уголовники жаловаться ментам западло посчитали. Решили сами с обидчиком разобраться. Ищут его по всем гостиницам.

— И зачем ты мне эту историю рассказал?

— Этот боевой мужик по приметам на тебя сильно смахивает. Как бы бандиты не спутали и вместо обидчика тебя не наказали.

— Я понял. Это не самая крупная неприятность. Ну а что удалось узнать у бывших коллег?

— Тут, похоже, накатывают серьезные события. Желтов честный служака. Назначая его на долж-

ность, областное начальство рассчитывало, что он сумеет очистить отдел от оборотней в погонах. Но, как говорится, один в поле не воин. Вряд ли подполковник добьется успеха. Да он, похоже, и сам не рассчитывает на победу. Жену и сына с собой не привез, оставил жить в областном центре.

— А как сложились его отношения с сотрудниками отдела?

— Неважно. Особое напряжение у нового начальника возникло с его заместителем Рудневым. Именно тот держит в руках все коррупционные связи полицейских с химкомбинатом.

— В этом противостоянии Желтов имеет союзников?

— Есть пять-шесть сыщиков, которым порочная практика не по нутру. Но они предпочитают в схватку между Желтовым и Рудневым не влезать. Ждут, кто кого переборет. А большинство сотрудников не хотят перемен, получая ежемесячно из рук Руднева солидное вознаграждение якобы за высокие показатели. И все понимают, что это деньги за сбыт нелегальной водки.

— Значит, в отделе все вовлечены в преступную схему?

— Вначале некоторые сыщики отказывались от лишних денег. Но от них быстро избавились. И все поняли, что надо брать обязательно эти незаслуженные премии или уходить.

— Похоже, в городе царствует правовой беспредел.

— Это, к сожалению, так. Ты в нашем городе человек новый и не знаешь недавней истории с

владельцем автосервиса Поповым. Он человек в городе уважаемый и со связями. А его взяли и посадили. Между прочим, при активном участии Руднева. Он сам бы на такое вряд ли решился. Значит, выполнял заказ кого-то из власти. Тяжело будет Желтову с Рудневым тягаться.

— Судя по твоему рассказу, Желтов обречен на поражение.

— Это несомненно. По слухам, Руднев после назначения нового начальника пытался с ним договориться. Но Желтов брать шальные деньги отказался и пригрозил разоблачить коррупционеров.

— В данной ситуации конфликт неизбежен?

— Более того, сейчас в связи с обострением борьбы за денежные потоки от продажи левой водки следует ждать ускоренного развития событий.

— Полагаешь, Желтова могут убрать физически?

— Очень на это похоже. Мой друг из полиции вчера во время застолья шепнул, что, по оперативным данным, в город прибыла группа киллеров. Пока неизвестно имени жертвы и кто заказчик. Но настораживает, что Руднев не дал ходу этой информации, объявив ее недостоверной. Полагаю, затевается интрига вокруг Желтова.

— Твой друг Тетерев просил по возможности обеспечить безопасность честного подполковника. Полагаю, наступило время нашего выхода на сцену.

— Что надо делать?

— Пусть твои ребята организуют слежку за Желтовым и походят за ним. А двое детективов подежурят возле его дома.

— Надолго?

— Думаю, на трое суток. Схватка за комбинат вступила в решающую стадию. И если киллеры действительно прибыли в город по душу Желтова, то в ближайшие часы это выяснится. Нагрузка на твоих ребят ляжет большая. Потому возьми дополнительную оплату за ожидаемую перегрузку.

— Деньги для моих детективов приму. Это мы с тобой готовы за идею работать ради государственных интересов. А у парней имеются семьи и дети, которых поднимать надо. Их материальный интерес понять можно.

— Потому и деньги предлагаю за нелегкие услуги.

— Но только еще раз подчеркиваю, что в перестрелках мои люди участвовать не будут. Сам я лично готов рискнуть и под пули подставиться. А ребята пусть ограничатся слежкой.

— Принято. Но пусть докладывают тебе о каждом шаге Желтова. И если возникнет угроза, то

уйдут в тень, а мы с тобой выдвинемся на огневой рубеж. Надеюсь, у тебя есть неучтенное оружие? Нежелательно засвечивать в нелегальной перестрелке официально зарегистрированные стволы.

— Этого добра хватает. Я сейчас немедленно вышлю своих ребят наблюдать за Желтовым. А ты будь постоянно на связи.

— Хорошо, а я, пока позволяет время, постараюсь немного расслабиться и отдохнуть перед грядущими стрессовыми ситуациями.

И Сомов направился в квартиру на Озерной улице. Ему надо было отдохнуть и взять оружие для предстоящей операции по защите честного полицейского. В ожидании сигнала от Пухова томительно текло время, и Сомов решил: «Сигнал о грозящей Желтову опасности может вообще не поступить в течение вечера, если киллеры приехали не за ним. Попробую позвонить Насте».

Женщина откликнулась, едва прозвучал первый звонок, словно в нетерпении его ждала. Услышав голос Сомова, радостно заговорила:

— Ой, как хорошо, что вы позвонили! У меня как раз выдался свободный момент. У нас в поликлинике проводится дезинфекция и нас отпускают после обеда домой. Так что я скоро освобожусь.

— Хорошо, где мы встретимся?

— Давайте я приеду на Озерную улицу, и там решим, откуда начнем наше знакомство с городом.

— Великолепно, я вас жду с большим нетерпением.

Последние слова Сомов произнес, стараясь донести до сознания Насти свое желание как можно скорее ее увидеть. Затем поспешил в магазин, расположенный на первом этаже дома. Там он, не зная вкуса своей дамы, купил коньяк, шампанское, ветчину и торт. Посчитав, что для завязывания близких отношений с женщиной этого вполне достаточно, вернулся в квартиру. Через полчаса появилась Настя. Она была явно возбуждена предстоящим свиданием. При ее появлении возникло неловкое молчание, и Сомов предложил:

— Вы приехали с работы и, наверное, голодны. Давайте сначала перекусим.

— Приходится только удивляться скудости мужской фантазии. Вы накрыли стол в точности с учебником по искусству обольщения.

— Ну что вы, я просто пытался угадать ваши пристрастия.

— И ничего у вас не получилось. Я, конечно, выпью бокал шампанского и съем кусочек торта. Но не более того. Я же не ради застолья сюда пришла.

Сомов поспешно открыл шампанское и, разлив в фужеры, провозгласил:

— Я хочу выпить за любовь с первого взгляда. Всегда надо в нее верить. Я даже не предполагал, что такое в моей жизни может приключиться, едва я увидел вас, Настя!

Женщина внимательно посмотрела на Сомова и, сделав небольшой глоток, с серьезным видом отставила бокал в сторону:

— Больше пить не хочу. Да и этот глоток сделала исключительно из вежливости, не желая вас обидеть отказом. Странно, но с момента, когда мы познакомились, я не хочу ничем обидеть вас. Тем более грубым отказом.

— Ловлю вас на слове. Тогда, может быть, мы никуда не пойдём, а проведем время здесь?

— Послушайте, Григорий, мы с вами уже не подростки, а взрослые люди. Если я решила прийти сюда к холостому мужчине, то наверняка знаю, зачем. К тому же у меня всего чуть более часа, и еще надо успеть забрать дочку из детского сада. Так что не будем терять времени.

Сомов встал и поспешил заключить женщину в объятия. Его пальцы начали суетливо расстегивать кофту. Но Настя мягко отстранилась:

— Не надо, я в долгой семейной жизни привыкла раздеваться сама. Давай, ты ложись первым.

Сомов быстро сбросил одежду и лег под одеяло. Он с волнением наблюдал, как нарочито медленно, разжигая его нетерпение, обнажается

женщина. Наконец она осталась в одной комбинации и застенчиво попросила:

— Отвернись, пожалуйста, твой взгляд меня смущает.

Сомов послушно отвернулся. И когда обнаженное женское тело скользнуло под одеяло, он поспешил заключить его в объятия. И страстное сближение окончательно заставило его поверить в искренность внезапно возникшей между ними любви. Отдыхая от бурных ласк, Настя выглядела смущенной:

— Я давно не прикасалась к мужчине. Мне было с тобой хорошо. И виноват мой муж Анатолий в том, что произошло между нами. Когда я вышла замуж, то не предполагала, что изменю ему. Но он первый пошел на предательство.

— Ты, безусловно, права. Когда мужчина бросает женщину, то предоставляет ей полную свободу действий. Так что не переживай.

— Да, это так. Но все равно немного не по себе. Мы еще вчера не были с тобой знакомы, а сегодня лежим вместе на диване, и мне кажется, что мы знакомы уже целую вечность. И образ Анатолия отодвинулся куда-то в сторону. А мы с ним прожили долгие годы. И ведь неплохо ладили. Ходили в кино, театры, воспитывали дочку. Как он мог так легко нас бросить, оставив на прозябание в бедности?

Сомова раздражало настойчивое возвращение Насти к разговору об изменнике-муже: «Какое мне дело до ее прежней семейной жизни? Похоже, она рассчитывает на серьезные со мной отношения. Только от одиночества и нищеты можно так цепко хвататься за первого встречного геолога. Мне надо поддержать ее материально. Но сделать это деликатно. А то подумает, что предлагаю плату за сексуальные услуги».

И Сомов нашел выход:

— Слушай, у меня есть хорошая для тебя новость. Мне предложили остаться в вашем городе на три месяца для приемки оборудования.

— Значит, наши отношения продлятся дольше, чем мы рассчитывали? Это же прекрасно!

— Но я по своей природе большой транжира и мот. Знаешь, как это у нас, холостяков, бывает: пошел в загул и утром без денег. А меня местные предприниматели уже пригласили отметить знакомство.

— Не понимаю, в чем проблема?

— Я могу легко за несколько вечеров потратить все командировочные деньги. А потому хочу подстраховаться и заплатить тебе за аренду квартиры вперед еще за два месяца. Так я буду спокоен хотя бы за оплату жилья.

— Ну зачем ты затеял этот меркантильный разговор? После того что между нами произошло, не может быть недоверия.

— Это верно. Но все же возьми еще тридцать тысяч, и я буду обеспечен крышей над головой целый квартал.

Сомов взял лежащую на стуле дамскую сумочку и положил в нее деньги. На лице Насти отразились сомнения. Но мысли о предстоящих расходах на ребенка взяли верх. И она благодарно прижалась к Сомову, подставив ему губы для поцелуя. Затем заторопилась и начала одеваться. Уже стоя в дверях, предложила:

— Позвони как можно скорее. Мне уже не терпится вновь ощутить твою ласку и заботу. Я найду способ оставить дочку на вечер с кем-нибудь из соседок. Буду ждать твоего звонка с нетерпением.

Когда за женщиной закрылась дверь, Сомов в задумчивости присел на диване: «Близость с Настей лишь усилила желание постоянно быть с нею. Но сыщику, работающему под прикрытием, любовное увлечение может помешать выполнению служебного задания. К тому же она с готовностью взяла от меня деньги. Так кто она: охотница за чужим баблом или увлеченная мной женщина?»

И Сомов поспешил отбросить сомнения, заставив себя поверить в возникшую обоюдную страсть между ним и этой появившейся в его жизни женщиной. По крайней мере, сыщику очень хотелось, чтобы это было именно так.

Его раздумья прервал телефонный звонок. Пухов говорил быстро и взволнованно:

— Назревают главные события. Мои ребята с утра засекли слежку за Желтовым. За ним неотступно следует иногородняя иномарка из соседней области. Мы пробили номера, а они числятся за утилизированной машиной и давно списаны. В машине находятся трое типов. Судя по внешнему виду, все ранее судимы.

— Давай короче. Где сейчас Желтов?

— Он пока задержался на работе: у депутата квартиру обокрали. А приезжие парни дежурят у подъезда дома, где он живет. Похоже, именно там сегодня его намечено ликвидировать.

— Тогда надо срочно выдвигаться на место. Сможешь меня подобрать минут через пятнадцать у трамвайной остановки на Озерках?

— Как тебя туда занесло? Попробую успеть. Ты же говорил, что залег на проспекте Космонавтов.

— Элементарная любовь земная.

— Ну ты, Сомов, и даешь! Не успел в нашем городе появиться, как время ускорило бег: и криминал активизировался, и человеческие страсти

достигли высшего накала. Ладно, выходи к остановке и сам не опоздай.

Сомов собрался быстро и захватил оба ствола. Операция явно предстояла не простая. Не успел он подойти к остановке, как подкатил на своей «Ладе» Пухов. Едва Сомов сел в салон, машина рванулась вперед. Пухов явно нервничал. И Сомов его понимал: никому не хочется в мирные дни оказаться под обстрелом. Стараясь отвлечь напарника, Сомов поинтересовался:

— Неучтенный ствол с тобой?

— Да уж, не забыл! Это же не билет в театр сатиры и комедии, который легко на тумбочке дома оставить.

— Вот и хорошо. Ты, главное, не волнуйся. Центральную роль я возьму на себя. Тебе героизм проявлять не потребуется. Только прикроешь меня с тыла. У тебя какое оружие?

— Немецкий парабеллум, привезенный с войны генералом-фронтовиком. Его в начале этого века потомки сдали в полицию. Я тогда еще в уголовном розыске работал. Сначала я закрутился, а потом было лень с бумажной волокитой связываться. Так и осталось оружие в моем распоряжении. Уходя в отставку, забрал с собой. По нынешним временам вещь в хозяйстве не лишняя.

— Но ствол по размерам крупный. Носить скрытно в городе невозможно. Ты бы еще с собой гранатомет захватил.

— Ничего, для предстоящего дела вполне сойдется. Мы уже подъезжаем. Твой план?

— К дому Желтова подъезжать не будем, остановимся в начале переулка. Пока понаблюдаем, а действовать станем по обстановке.

— Все, мы уже на месте. Видишь иномарку воле второго от нас подъезда? В ней сидят трое парней. Это наш реальный противник.

— А где твои наблюдатели?

— Не видишь? Это хорошо. Значит, ребята не потеряли профессиональной хватки. Они укрылись на втором этаже дома, расположенного на противоположной стороне улицы.

— Отпусти их отдыхать. Неизвестно, как разрешится ситуация. И нам лишние свидетели не нужны, и их огради от участия в сомнительной истории.

Пухов достал телефон и коротко приказал:

— Второй, я Первый. Мы на месте. Доложите обстановку.

— Наши клиенты в течение последних двух часов вели себя спокойно. Но минут десять назад поступил звонок по мобиле тому, кто сидит за баранкой. И они засуетились. Полагаю, заказчик им сообщил о выезде Желтова домой. Развязка близка.

— Все, снимайтесь и уходите. Спасибо за службу.

— Может быть, нам остаться?

— Нет, это не ваша война. Мы с гостем из Москвы сами справимся.

— Удачи, Пухов. Все, отбой. Надеюсь, до связи.

Сомов одобрительно усмехнулся:

— Похоже, ребята искренне будут жалеть, если ты пулю ненароком поймаешь. Так что держись в тени. Желтов обычно прямо к подъезду подъезжает?

— Нет, он ставит машину во дворе, а потом пешком идет до своего подъезда.

— Почему они не ждут его там?

— Там стоянку охраняет сторож с собакой и обычно толпится много людей. А здесь переулок тихий и нет лишних свидетелей.

— Ну, тогда мы тоже будем ожидать основных событий здесь.

Внезапно зазвонил телефон, и Пухов включил громкую связь. Голос наблюдателя звучал взволнованно:

— Готовьтесь: подполковник въехал во двор дома. До его появления у подъезда не более трех минут.

— Спасибо, но почему не выполнили приказ и не уехали?

— Это уже наш личный выбор. В случае осложнения обстановки поддержим огнем. Конец связи.

Сомов жестко приказал:

— Поезжай тихо вперед и подгадай поравняться с подъездом одновременно с появлением Желтова. Надеюсь, ствол с предохранителя снял?

— Плоско казарменно шутить позже будешь. Если еще, конечно, желание сохранится. Ну, поехали.

И Пухов завел мотор. Как только из-за угла дома появилась высокая фигура подполковника, из иномарки вышли двое парней. Увидев в их руках оружие, Желтов резко отскочил в сторону и прижался спиной к стене дома. И поняв, что может опоздать, Сомов на ходу открыл огонь по нападающим, двумя точными выстрелами поразив киллеров. Почти одновременно Пухов из парабеллума размозжил затылок водителя иномарки, который попытался завести мотор и скрыться. Сомов выскочил на тротуар и, заметив, как рука Желтова потянулась к оружию, строго предупредил:

— Поздняк метаться, подполковник. Раньше надо было за ствол хвататься. Успокойся, тебе привет от генерала. Мы сейчас отсюда с другом уедем. Запомни, ты стал случайным свидетелем криминальной разборки, которая к тебе отношения не имеет. Это версия для прокуратуры. Но сам не обольщайся: сезон охоты на тебя открыт.

Во избежание осложнений Сомов, продолжая держать Желтова на прицеле, быстро сел в машину, которая резко рванула с места. Перед поворотом Сомов обернулся и увидел, как подполковник поспешно набирает номер на мобильном телефоне. Он в этот момент чувствовал удовлетворение от спасения жизни честного полицейского.

А Желтов, сообщив о происшествии в дежурную часть, принял решение: «Мой непрошеный спаситель, пожалуй, прав, и мне выгодно представить себя случайным свидетелем кровавой криминальной схватки. Но неужели областное начальство мне предоставило защиту? С трудом верится в такую отеческую заботу».

Раздался вой сирены, и Желтова окружили взволнованные коллеги. Подполковник, ссылаясь на шок и кратковременность происшествия, утверждал, что не запомнил важных деталей и внешности участников перестрелки и даже не заметил номер скрывшейся автомашины. Прибывшие медики зафиксировали смерть бандитов. А эксперт посоветовал:

— Ищите высокой степени профессионалов. Людей, лежащих на тротуаре, сразили точными

выстрелами в сердце, а водителю одной пулей весь затылок снесло. Калибры стволов определю позже после вскрытия.

Наблюдая за суетой вокруг трупов, Желтов почувствовал от пережитой опасности невольную дрожь в икрах ног и бессильно присел на выступ стены возле подъезда. И тут к нему приблизился Руднев. Его лицо выражало обеспокоенность по поводу сложившегося у подполковника мнения о происшествии:

— Слушай, Желтов, ты уверен, что эти киллеры не по твою душу явились?

— С какой стати? У меня, кроме тебя, здесь, в городе, недругов нет. А тебе моя гибель без надобности. Все равно нет гарантий, что именно тебя назначат на мою освободившуюся должность. А наши с тобой терки — это обычная служебная рутина. Я всего лишь не хочу, чтобы мои подчиненные оказались замешанными в противозаконной истории.

— Слушай, Желтов, судя по твоим словам, ты человек умный. Хочу сразу сказать, что если эти парни на тебя охотились, то не с целью убийства, а лишь напугать хотели. Но неожиданно натолкнулись на надежность твоей защиты. И те, кого это касается, все прекрасно поняли.

— К чему ты клонишь? Говори прямо.

— Я знаю, ты под меня копаешь. Ну и как тебя остановить? От денег ты отказываешься, и я уважаю твой выбор довольствоваться одной зарплатой. Но и ты не мешай жить другим, как они считают правильным.

— А если я не соглашусь?

— Напрасные хлопоты. У тебя в распоряжении имеются разрозненные оперативные материалы. Их недостаточно для возбуждения уголовного дела. Сотрудники нашего отдела против меня не пойдут. А незаметное появление в городе иногородних сыщиков исключено. Мне тут же доложат о проводимой ими разведке. Я тебе не по зубам. Лучше сиди тихо и соблюдай нейтралитет. Высокие показатели для отчета начальству мы тебе обеспечим. Будешь жить в благополучном неведении.

— Наш разговор становится излишним. И происшествие со стрельбой меня не испугает.

— Жаль, что ты упорствуешь, не желая войти в положение своих коллег.

Глядя вслед Рудневу, подполковник с тоской подумал: «Положение безвыходное: и отступить нельзя, и выиграть мне не дадут. Сегодня просто повезло с неожиданной помощью. Но вряд ли так будет всегда».

Желтов с трудом поднялся на дрожащие ноги и направился к подъезду. Он срочно нуждался в отдыхе. На его уход никто из коллег не обратил внимания. За прошедшие месяцы совместной работы подполковник так и не стал этим людям ближе и понятнее.

А Руднева чрезвычайно насторожила ликвидация нанятых им киллеров: «Возможно, за Желтовым стоят влиятельные люди из областного управления. Жаль, что сорвалось. И теперь придется действовать более тонко и осторожно. Ну, подполковник, держись. Ты меня здорово разозлил».

И Желтов, и его заместитель были готовы продолжить непримиримую борьбу.

Продолжение следует.

Андрей ИВАНОВ

ЗНАЕМ ЛИ МЫ ПРАВИЛА ШАХМАТНОЙ ИГРЫ?

Однажды великий кубинский шахматист Хосе-Рауль Капабланка давал сеанс одновременной игры. Один из соперников быстро получил мат и спросил сеансера, как тот оценивает его игру. Галантный кубинец сделал партнеру комплимент и поинтересовался, почему проигравший не использовал коней. Игрок признался, что не успел узнать, как ходит конь.

Нет ничего удивительного в том, что правил шахмат не знает новичок-любитель. Начинающий шахматист зачастую не слышал о возможности взятия на проходе и далеко не всегда разбирается в различных ситуациях с рокировкой. Пауль Керес, будущий победитель чемпионов (но сам чемпионом мира не ставший), в детстве играл со старшим братом без рокировки и взятия на проходе. Их просто этому не научили.

Однако были в истории шахмат удивительные случаи, когда правила нарушали лучшие мастера древней игры.

Рассказывает гроссмейстер Александр Котов, один из ведущих советских шахматистов на протяжении многих лет: «На чемпионате Советского Союза в Риге в 1958 году я в партии против Бориса Спасского сделал длинную рокировку. Мой молодой противник стал уже было записывать этот ход на бланке, затем вдруг устался на меня в изумлении...

— Александр Александрович, так нельзя, — произнес Спасский. — Ведь ваш король под шахом...

Действительно, я нарушил элементарное правило игры — в горячке цейтнотного боя я рокировал королем, когда тот стоял под ударом вражеской фигуры. Пришлось делать ход королем — по странному стечению обстоятельств этот вынужденный ход тоже вел к поражению Спасского. Все же на меня этот случай

произвел страшное впечатление. Если уж такое происходит, пора уходить».

В ту пору Котову было 44 года. Уходить, объективно говоря, время не пришло. Виктор Корчной считал, что даже 50 лет — не возраст для шахматиста. Сам он продолжал выигрывать турниры и на девятом десятке. В это трудно поверить, но Корчной не знал всех шахматных правил назубок!

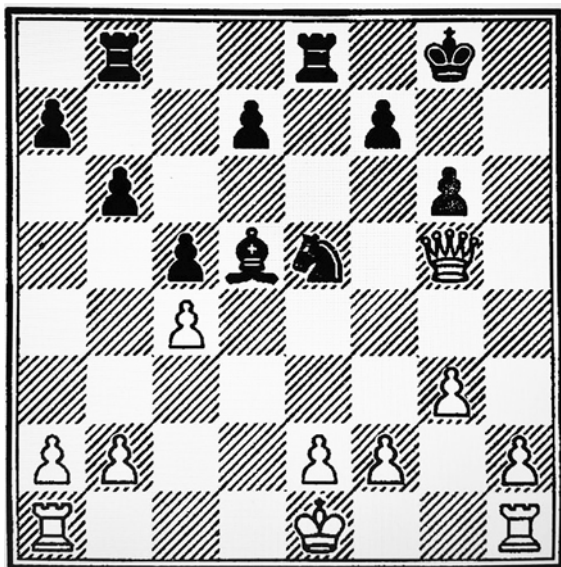
В 1974 году в Москве игрался финальный матч претендентов на первенство мира по шахматам между Корчным и Карповым. Молодой Карпов выигрывал 3 : 0, однако маститый соперник вначале размочил счет, а затем смог поставить перед ним трудные задачи в дебюте двадцать первой партии. Карпов действовал неудачно, и ему пришлось во избежание мата отдать ферзя за две легкие фигуры.

В этой позиции (см. диаграмму) ладья белых находилась под боем. Черные также угрожали ходом Kf3+, отыгрывая ферзя. Короткая рокировка — единственный и достаточный ход, после которого белые сохраняли значительный материальный перевес.

В этот момент на сцене произошло нечто неожиданное. Виктор Корчной спросил у судьи, можно ли сделать короткую рокировку в данном положении. Получив положительный ответ, Корчной увел короля в безопасное место по всем правилам рокировки и после следующего своего хода принял поздравление с победой в партии. Правда, матч он все же проиграл.

Почему сомневался Корчной? Наверное, ему следовало внимательно прочитать правила вида спорта «шахматы». Неужели он ранее этого не делал? А ведь он входил в тройку ведущих шахматистов мира!

Действующие правила запрещают королю делать рокировку, если поле, на котором он стоит, или

поле, которое он должен пересечь, или поле, которое он должен занять, атаковано фигурами соперника. Мы обращаем все свое внимание на короля, а ладью в расчет не берем. Рокировка при ладье под ударом разрешена.

Делая рокировку, шахматист вначале перемещает короля на два поля. Если же он взялся за ладью в нарушение правильной последовательности действий при рокировке, то строгий соперник может заставить его просто пойти ладьей.

Известно, что даже Анатолий Карпов порой начал совершать рокировку движением ладьи. Во время турнира «Аэрофлот Опен» 2013 года экс-чемпион мира сделал рокировку именно таким образом. Его соперник Ян Непомнящий обратил на это внимание, но ничего не сказал.

Капабланка, Керес, Котов, Карпов, Корчной. Может быть, все касающиеся правил игры казусы происходят только с шахматистами, чьи фамилии начинаются на букву «К»? Конечно, такое бывает и с другими. Вот еще один любопытный случай. Он произошел с Бобби Фишером и Тиграном Петросяном и связан с тем, что оба следовали устаревшему «правилу».

Вспоминает Фишер: «В 1970 году в Герцег-Нови я принял участие в международном блицтурнире. В партии с Петросяном мы то и дело обменивались шахами, причем он произносил это слово по-русски, а я — по-английски. В момент, когда у обоих уже начал зависать флажок, я вдруг возьми и скажи по-русски: «Вам шах, гроссмейстер!» Он был настолько поражен, что на какой-то миг забыл о флажке и тут же просрочил время».

Шахматы любят тишину, и никакие действующие регламенты не требуют от игроков вслух объявлять шах, мат, пат и уж тем более произносить француз-

ское слово «гардэ» (когда-то так делали при атаке на ферзя).

Объявлять шахи вслух необязательно, но никто этого и не запрещает. Фишер и Петросян почему-то решили уведомлять друг друга об угрозах королю, и американец великолепно воспользовался пикантной ситуацией. Он достаточно хорошо знал русский язык (по крайней мере читал советскую шахматную литературу) и психологически воздействовал на опытного Петросяна, в критический момент перейдя с родного языка на русский. Что и говорить, Фишер умело применял допустимые приемы борьбы за шахматной доской.

Взялся — ходи. Сколько драматических ситуаций, связанных с этим правилом, знает история шахмат! Исключительно щепетильны в его соблюдении были те же Фишер и Корчной.

Однажды по ошибке Фишер взялся за пешку h, и ему пришлось двинуть ее на два поля. Позиция рокировавшегося короля была катастрофически ослаблена, и игравший черными Фишер быстро проиграл. Дело было на турнире в Буэнос-Айресе в 1960 году, а белыми играл западногерманский гроссмейстер Вольфганг Унцикер.

В чемпионате СССР 1960 года Корчной в партии с Владимиром Багировым вдруг взялся не за ту фигуру. Ошибка была непоправимой, и честный шахматист тут же сдался.

Увы, примеров противоположного свойства значительно больше. Шахматисты брались за фигуру и под разными предлогами отказывались ею ходить.

Один случай такого рода произошел с югославским гроссмейстером Миланом Матуловичем во время межзонального турнира 1967 года в Тунисе.

Милан Матулович

Сделав проигрывающий ход, гроссмейстер тут же это понял, сказал по-французски слово «поправляю» и вернул ход назад. Его соперник Иштван Билек обратился к судье с протестом, но тот оставил инцидент без последствий.

Да, очень не хочется терпеть поражение из-за такого «пустяка», как правило «взялся — ходи». В то же время явно случайное касание фигуры никак не наказывается.

Эпоха цифровых технологий потребовала внесения в правила шахмат ранее неизвестных пунктов о запрете использования электронных устройств во время партии. Теперь шахматный арбитр должен «следовать античитерским правилам или руководствам».

Читерство — от английского слова cheat (обманывать). Обман здесь заключается в использовании подсказок шахматных компьютеров. Даже установленные в смартфонах программы способны обыграть гроссмейстера, а потому незыблемым правилом современных шахматных соревнований является отключение всех электронных устройств. Наказание за несоблюдение этого правила может быть самым суровым, включая присуждение поражения нарушителю или его исключение из соревнования.

Какие еще правовые новшества должен знать современный шахматист? В XXI веке огромное распространение получили спортивные дисциплины «быстрые шахматы» и «блиц». Теперь шахматист может быть обладателем трех различных рейтингов (индивидуальных коэффициентов силы игроков): рейтинга в классических шахматах (поединках с традиционным контролем времени), рейтинга в быстрых шахматах (рапиде) и рейтинга в блице (или очень быстрых шахматах).

У каждой из этих спортивных дисциплин есть свои особенности, и правила вида спорта «шахматы» в рапиде и блице применяются не в полном объеме. Например, быстрые и молниеносные партии записывать необязательно. К сожалению, такое послабление лишает шахматистов и судей возможности восстановить ход партии. Этим порой пользуются «фокусники», и

Генрих Чепукайтис

одним из них был гениальный блицор Генрих Чепукайтис.

«Он мог плутовать во время игры, но делал это весело и беззлобно, — пишет гроссмейстер Геннадий Сосонко в своем очерке «Чип». — Один из его приемов: в мертво-ничейном эндшпиле с разноцветными слонами неожиданно «перейти» в одноцвет.

«Здесь ни в коем случае нельзя спешить, — объяснял Чип свою стратегию, — «поменяв» цвет слона, надо сделать им десяток-другой бессмысленных ходов, для того чтобы соперник не заметил столь резкой перемены обстановки на доске. И только «приучив» партнера к новому положению дел, надо перейти к решительным действиям». Если ошарашенный соперник, потеряв все пешки, сдавался в недоумении и, восстанавливая ход событий, говорил: «Погоди, погоди, но ведь сначала...» — Чип, поупиравшись для вида, весело соглашался и расставлял фигуры для новой партии».

В России правила вида спорта «шахматы» утверждаются приказами Министерства спорта. Читайте эти правила, чтобы повысить свою шахматную грамотность. И еще для того, чтобы быть готовыми к разным фокусам!

Владимир ГРИПАК

Владимир Грипак родился в 1945 году в Киеве. Жил в Харькове, где и окончил Политехнический институт. С 1988 года живет в Москве.

Публиковался в «Литературной газете», журнале «Юность», автор сценариев для радиопостановок на «Радио-1» (передача «С добрым утром!»), «Маяк».

Кто последний?

Я подошел к мужчине и вежливо спросил: «Вы последний?» Он оглянулся, в глазах его читалось недоумение. «Я», — выдавил он. Потом снова повернулся ко мне: «Вообще-то, сказали больше не занимать». — «Это что еще за новости? Как это не занимать?» — возмутился я, но вставшей за мной женщине покорно повторил: «Говорят, больше не занимать». — «Это что, шутка такая? Надо сказать, неудачная», — обиделась дама. Но подошедшего старичка предупредила: «Говорят, больше не занимать». Всем своим видом она продемонстрировала свою непричастность к этой новости. Старичок посмотрел на нее поверх очков: «Вы умнее ничего не придумали?» Женщина обиделась: «Мне сказали, я — вам». Она демонстративно отвернулась.

За старичком роптали две женщины: «Чего только не напридумывают эти титаны мысли из Думы».

За женщинами пристроился бомжеватого вида мужичок. «С ребенком могли бы и пропустить». — Он указал в сторону женщины с коляской.

«Я тоже инвалид! Имею! Надо, как обычно, через одного. Потому что сейчас начнется: ударник, член, участник, многодетная, муж пьет, просто убогая, а остальным ночевать здесь!»

— А что это у вас на ОДА? — спросил военный у женщины в бахилах.

— На каком таком ОДА? — искренне удивилась женщина.

— На ногах! Если не знаете, ОДА — это опорно-двигательный аппарат. Взгляните на свой аппарат.

— Вы прикройте свой аппарат!

Мужчина с ужасом взглянул вниз.

— Да вы не о том! Если женские ноги для вас — ОДА, то аппарат здесь ни при чем. Я имела в виду речевой аппарат. А вообще, ввязываясь в вашу терминологию, мне кажется, что вы здесь вообще по УДО.

Женщина всплеснула руками. «Это я из поликлиники так через весь город шла!» — сокрушалась она, остервенело сдирая бахилы с ОДА.

— Там же порядки такие! На улице сухо, а бахилы надевай! В верхней одежде не входить! С мобильным не входить! Без вызова не входить! Во время технического перерыва не входить! Больше одного не входить, — разошлась не на шутку женщина.

— Куда без очереди! — заорал нетрезвый мужик на пристаивающегося впереди старичка.

— Мне на одиннадцать к врачу...

— Тебе, отец, к плотнику надо записываться, — грубо ответил пьянчужка.

Никто за дедушку не вступился.

— Зачем фотографируешь? — возмутилась женщина, обращаясь к мужчине с мобильником.

— Мне отойти надо, а вернусь — могу не узнать, за кем занял. Человек снимет шапку, и я его не узнаю...

— А где вы у меня шапку видите?

— Ну не шапку, так юбку сменишь.

— Здесь что, примерочная есть? И я что, юбку купила?

— Неважно, — ответил фотограф, — главное, я запечатлел.

Тут зажегся зеленый для пешеходов и, согласно очереди, мы гуськом пересекли дорогу.

Последний в цепочке благополучно перешедших уже на тротуаре обернулся к оставшимся и злорадно выкрикнул: «Я же предупреждал: за мной не занимать!»

— А очередь живая? — спросила подошедшая женщина.

— Пока живая, — угрюмо буркнул уже другой военный.

Галка ГАЛКИНА

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

(АВТОР ЕВГЕНИЙ МИНИН)

* * *

- Я в третий раз безуспешно посылаю вам стихи.
- *Устный счет положительно влияет на память!*

* * *

- За мой роман бьются два известных издательства, но я его посылаю вам.
- *Мы надеемся, что все-таки какое-то издательство победит.*

* * *

- Я мечтаю напечататься в вашем журнале.
- *Я тоже мечтаю напечататься в нашем журнале.*

* * *

- Я вам больше ничего посылать не буду!
- *Это вы нас пугаете или радуете?*

* * *

- Как вы оцениваете мои блестящие рассказы?
- *Не можем прочесть — ослепляют.*

* * *

- Посылаю свою биографию, фото и несколько рассказов. Напишите, что вам больше всего понравилось.
- *Больше всего нам понравилось фото.*

* * *

- Файлом скину свои работы, может, что-то подойдет для публикации.
- *Не скидывайте — у нас нет такелажников.*

Евгений МИНИН

Евгений Минин — поэт, пародист, издатель, родился в 1949 году в г. Невеле Псковской области. Окончил Витебский станкоинструментальный техникум. Служил в войсках ПВО. После службы в армии окончил Ленинградский политехнический институт.

Работал мастером, начальником цеха на Витебском заводе часовых деталей, преподавателем труда в витебской средней школе № 15 (ныне гимназия № 1), в иерусалимской школе «Ир-Ганим». Общий педагогический стаж 37 лет.

Постоянный автор пародийной рубрики в «Литературной газете», в израильских газетах «Секрет». Автор одиннадцати поэтических сборников и книги прозы. Председатель Международного союза писателей Иерусалима, член СП Москвы, член СП XXI века, издатель и главный редактор журнала «Литературный Иерусалим», член редколлегии журналов «Дети Ра», «День и Ночь» и российского альманаха «День Поэзии».

Лауреат Третьего поэтического фестиваля памяти Поэта (Израиль), премии журнала «Флорида» и премии «Литературной газеты» «Золотой теленок».

Награжден медалями С. Я. Маршака и М. Ю. Лермонтова за вклад в российскую литературу.

С 1990 года живет в Иерусалиме.

Какая свадьба без драки, а литература без пародии? Пародия — жанр едва ли не самый древний, но все же не самый. Зато самый веселый и острый.

Имена знаменитых пародистов вошли в историю литературы наряду с теми, кого они пародировали. И даже более того, некоторые авторы и обрели известность благодаря пародии. Хотя такие имена, как Александр Архангельский, Зиновий Паперный, Александр Иванов, сегодня уже известны не всем.

Журнал «Юность» решил возродить этот жанр. А поможет нам в этом известный пародист Евгений Минин.

Встречайте!

БОЧКОВОЕ

...Мы зашли в тупик. Мы дошли до точки.
Мы уселись все на огромной бочке.
А над бочкой ангел парит, как птица,
Призывая каяться и молиться...

Светлана Кекова

Ссылка на цитату: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2019_3/Content/Publication6_7128/Default.aspx?fbclid=IwAR0NyXGoDiRciB4NGkTiLRfDbyxO_OsmEDwXplKGM1ghH9sUA0KK7Hjf3pg

Мы на бочке сидим. Нас таких немало.
А что в бочке той — нас не волновало.
Порох в ней или мёд, а возможно, деготь,
И просили критиков бочку ту не трогать.
Мы зашли в тупик. Бочка нам ареной.
Сочинять стихи любим в жизни брэнной.
Как бы пародист, прочитав те строчки,
С горя не поджег фитилек у бочки...